

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

СЕЛИН ДМИТРИЙ ВАДИМОВИЧ

**ЭПОХА ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ В ПРАВОБЕРЕЖНОМ ПРИИРТЫШЬЕ
(ВОСТОЧНЫЙ ВАРИАНТ ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ)**

Том 1

Специальность 07.00.06 – археология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук,
профессор, академик РАН
Молодин Вячеслав Иванович

Новосибирск – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАХОМОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	15
1.1. История изучения пахомовской культуры в Тоболо-Иртышском междуречье.....	15
1.2. История изучения восточного варианта пахомовской культуры в Обь-Иртышском междуречье	22
Глава 2. ПОСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	30
2.1 Поселения долины р. Тартас	30
2.2 Поселения долины р. Омь	35
2.3 Поселения долины р. Тара	37
Глава 3. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	49
3.1 Погребальные комплексы долины р. Тартас.....	51
3.2 Погребальные комплексы долины р. Оми	88
3.3 Погребальные комплексы долины р. Каргат	106
Глава 4. КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	111
Глава 5. КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И ХРОНОЛОГИЯ.....	130
5.1 Культурная принадлежность	130
5.2 Хронология восточного варианта пахомовской культуры	163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	177
СПИСОК АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	187
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	211

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Благодаря накоплению источниковой базы исследователями разрабатываются вопросы, связанные с решением проблем генезиса культур в эпоху бронзы, механизмов их взаимодействия между собой. Пахомовская археологическая культура выделена позже других андроновидных культур [Корочкова, 1987]. До недавнего времени было раскопано небольшое количество памятников этой культуры, что затрудняло интерпретацию полученных материалов и не давало возможности решать вопросы, связанные с генезисом, хронологическими и территориальными рамками, связями с другими культурами и др.

С начала 2000-х гг. начинается постепенное аккумулирование материалов, относящихся к пахомовской культуре, локализованных в левобережном Прииртышье. Результатом этого стал выпуск ряда обобщающих работ, в каждой из которых была сформирована концепция культуры [Корочкова, 2010; Костомаров, 2010; Ткачев, 2017]. Следует отметить, что пахомовские памятники в Тоболо-Иртышском междуречье представлены преимущественно поселенческими комплексами, а могильники изучены слабее. В то же время, серия пахомовских памятников отмечена в лесостепной части правобережного Прииртышья [Молодин, 2014, рис. 4, 5], которые были предварительно выделены в особый, восточный вариант [Молодин, 2010а; Молодин, Пилипенко, Журавлев и др., 2012, с. 63; Молодин, Мильникова, Селин и др., 2014]. В отличие от территории Тоболо-Иртышья, в Барабинской лесостепи изучены представительные погребальные и ритуальные комплексы этой культуры. Благодаря проведенному первоначальному анализу полученных материалов с этих памятников, было определено их своеобразие на фоне автохтонного для этой территории ирменско-позднерменского пласта. Специфика проявляется в материальной культуре, в антропологической и генетической оригинальности популяции [Молодин, Нескоров, 1992; Молодин, Чикишева, 1988; Чикишева, 2012; Молодин, Пилипенко, Журавлев и др., 2012; Молодин, Пилипенко, Чикишева и др., 2013].

Помимо этого, благодаря масштабным исследованиям памятников эпохи бронзы Барабинской лесостепи (Тартас-1, Гришкина Заимка), получен качественно новый материал, дающий возможность на новом уровне решать вопросы культурной принадлежности и хронологии анализируемых материалов. Также, частично изданные материалы ряда памятников, в первую очередь могильника Старый Сад [Молодин, Нескоров, 1992], активно используются исследователями в археологических и антропологических работах [Зубова, 2006; Ткачев, 2013; Чикишева, 2012; Молодин, Пилипенко, Журавлев и др., 2012; Молодин, Пилипенко, Чикишева и др., 2013; Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2014; Молодин, Мыльникова, Гаркуша и др., 2015], что подтолкнуло к подготовке обобщающей монографии по материалам этого памятника [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017]. К настоящему моменту в литературе наметилось несколько альтернативных точек зрения, по-разному интерпретирующих материалы могильника Старый Сад (см., напр.: [Костомаров, 2010, с. 133; Ткачев, 2012; 2013, с. 335; Варфоломеев, 2013; Ткачев, 2017]), что делает полный анализ как полученных ранее, так и новых репрезентативных источников и формирование на этой основе общей концепции культуры, актуальным.

За последнее время методический арсенал археологов пополнился новыми способами анализа археологического материала, в первую очередь, с применением методов естественных наук, что значительно расширяет потенциал археологических источников, особенно керамической посуды. Обработка коллекций керамики пахомовской культуры и ее восточного варианта по единой методике и их последующее сравнение с другими синхронными культурами, даст возможность по-новому взглянуть на проблемы генезиса, культурных связей, хронологии.

Таким образом, материалы восточного варианта пахомовской культуры нуждаются в осмыслении, что позволит дополнить новыми фактами и скорректировать современные представления о культурно-хронологическом соотношении материалов эпохи бронзы Западной Сибири, а также даст возможность решить ряд дискуссионных вопросов, касающихся как пахомовской

культуры, так и ряда других, таких как бегазы-дандыбаевская, еловская, карасукская, корчажкинская, ирменская и др.

Объект исследования – раскопанные поселенческие, погребальные и ритуальные комплексы Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы и переходного от бронзового к железному веку времени.

Предмет исследования – восточный вариант пахомовской культуры как особое культурное образование.

Цель исследования – реконструкция культурно-исторической ситуации в Обь-Иртышском междуречье в эпоху поздней бронзы и переходное от бронзового к железному веку время.

Поставленные задачи:

1. Проанализировать историю изучения пахомовской культуры и восточного варианта пахомовской культуры в Тоболо-Иртышском междуречье и Барабинской лесостепи и выявить дискуссионные вопросы в изучении пахомовских древностей;
2. Охарактеризовать поселенческие комплексы, относимые к восточному варианту пахомовской культуры;
3. Охарактеризовать погребальные комплексы, относимые к восточному варианту пахомовской культуры;
4. Охарактеризовать культовые комплексы, относимые к восточному варианту пахомовской культуры;
5. Расширить и дополнить типологическую схему керамики с памятников, относимых к восточному варианту пахомовской культуры;
6. Дополнить отличительные черты восточного варианта пахомовской культуры как особого культурного образования;
7. Установить хронологию памятников, относимых к восточному варианту пахомовской культуры;
8. Реконструировать генезис восточного варианта пахомовской культуры.

Хронологические рамки исследования определяются временем существования памятников поздней бронзы и переходного от бронзового к железному веку времени. Верхняя граница ограничена концом распада андроновской культурно-исторической общности и сложением круга андронидных культур, а нижняя – началом раннего железного века на территории Западной Сибири, т.е. интервалом с последней трети II тыс. до н.э. по VIII вв. до н.э. [Косарев, 1981; 1987; 1991; Молодин, 1985; Молодин, Парцингер, 2009; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014].

Территориальные рамки. Барабинская лесостепь, ограниченная с севера Васюганскими болотами, на юге граница проходит по водоразделу р. Карасук и Чулым, на западе естественной границей является р. Иртыш, а на востоке – р. Обь [Молодин, 1985, с. 7]. На севере территориальные рамки включают долину р. Тара и прилегающую часть южнотаежной зоны. Для сравнения привлекались археологические материалы из памятников различных культур с территории Тоболо-Иртышского междуречья, Северной и Центральной Азии.

Источниковую базу исследования составляют:

1. Археологические коллекции поселенческих, погребальных и ритуальных комплексов восточного варианта пахомовской культуры (Старый Сад, Гришкина Заимка, Гандичевский совхоз, Ложка-6, Туруновка-4, Преображенка-3, Тартас-1, Новочекино-3, Нижняя Тунуска-3, Прорва, Алексеевка XXI), хранящиеся в фондах ИАЭТ СО РАН, музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, Музее археологии и этнографии ОмГУ, Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории УрФУ;

2. Археологические коллекции поселенческих комплексов пахомовской культуры (Пахомовская Пристань I, Ново-Шадрино VII, Инберень IV, Жар-Агач) и погребальных памятников бегазы-дандыбаевской культуры (Дандыбай), хранящиеся в фондах Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории УрФУ, Музее археологии и этнографии ОмГУ и Государственного Эрмитажа;

3. Архивные полевые отчёты об археологических исследованиях памятников восточного варианта пахомовской культуры [Молодин, 1977; 1979; 2000; 2001; 2002; 2003; 2010; 2011; 2012; 2013; 2014; 2015; 2016; Нескоров; 1983; 1984; 1987; Сидоров; 1975; 1980], хранящиеся в научных архивах ИА РАН и ИАЭТ СО РАН.

В диссертационном исследовании используются **термины**, необходимые для описания особенностей погребальной практики, а также керамических коллекций. В работе под основными терминами будем понимать следующее:

- погребальный обряд – система преднамеренных действий, совершаемых в отношении умершего;

- сакральное пространство – совокупность взаимосвязанных археологических объектов, исследованных под одной курганной насыпью;

- вариант культуры – особое историко-культурное образование, содержащее общие черты с основным ареалом археологической культуры, но имеющее локальные отличия в материальной культуре, элементах погребальной практики, планиграфии поселений, конструкции жилищ;

- мотив орнамента – система организации орнамента, включающая тиражирование элементов внутри одного ряда (оттисков штампа, треугольников и др.) [по: Цетлин, 2008, с. 19];

- композиция орнамента – система организации орнамента, включающая сочетание мотивов и зон без орнамента на поверхности сосуда [по: Цетлин, 2008, с. 20];

- венчик – верхний край сосуда;

- горловина – часть сосуда, расположенная между плечом и венчиком;

- плечо – часть сосуда, расположенная между горловиной и туловом;

- придонная часть – часть сосуда, расположенная между плечом и дном;

- тулово – основная емкость сосуда, включающая плечо и придонную часть;

- дно – основание сосуда.

Каждый сосуд состоит минимум из трех обязательных частей (венчик, тулово, дно), все остальные части являются надстроечными и могут встречаться в различных комбинациях.

В работе использованы общенаучные, общеисторические и специально–археологические **методы** анализа материала.

Общенаучными методами являются обобщение, аналогия, анализ и синтез полученной из источников и литературы информации, так же к этому уровню можно добавить статистический метод, используемый при анализе материалов памятников.

К общеисторическим причислен сравнительно-исторический метод, используемый при сравнении памятников населения пахомовской, бегазы-дандыбаевской, ирменской, позднеирменской, карасукской, сузгунской, еловской культур и восточного варианта пахомовской культуры.

К *специально–археологическим* – относятся методы морфологического анализа керамических сосудов, такие как: «Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок» В. Ф. Генинга [1973, с. 114–135], изучение соотношения пропорций сосудов [Shepard, 1965], работа с экстремальными точками и графической корреляцией полупрофилей сосудов [Nordström, 1972; Мыльникова, 2014] и определение общей пропорциональности сосудов [Актуальные проблемы..., 1999; Цетлин, 2012, с. 160–164]. Предложенные методы направлены на выявление общих черт традиций изготовления сосудов определенных форм и особенностей коллекций отдельных памятников [Мыльникова, 2014, с. 42]. Кроме этого, использовалась отдельно разработанная и апробированная на материалах разных культур методика выделения посуды одного мастера по результатам исследования морфологии форм посуды по «Программе статистической обработки керамики из археологических раскопок» В. Ф. Генинга [см.: Мыльникова, Селин, 2015; 2017; Молодин, Мыльникова, Гаркуша и др., 2015; Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2016].

Технико-технологический анализ исходного сырья и формовочной массы керамики восточного варианта пахомовской культуры и других культур (пахомовской, бегазы-дандыбаевской) проводился с использованием специального комплекса методов, как археологических, так и естественно-научных. К ним относятся: микроскопический анализ поверхностей и изломов сосудов, сопоставление выявленных примесей с эталонной базой экспериментальных образцов, петрографический анализ для определения физико-химических свойств исходного сырья и примесей [Бобринский, 1978; Дребущак, Мыльникова, Дребущак и др., 2006; Цетлин, 2012]. Следует подчеркнуть, что из-за синкретизма орнаментальных мотивов на керамике восточного варианта пахомовской культуры, особо важным для понимания особенностей генезиса, уточнения направления культурных связей является исследование технологии керамического производства и морфологии сосудов, что дает возможность получить данные, недоступные при анализе только орнаментальной составляющей. Выявленные особенности позволяют на более объективном уровне решать некоторые неочевидные вопросы, возникающие перед исследователем при анализе восточнопахомовской керамики (связь с пахомовской, бегазы-дандыбаевской, ирменской еловской, корчажкинской и другими синхронными культурами).

Для описания особенностей организации сакрального пространства и формы рвов, обнаруженных на погребальных памятниках восточного варианта пахомовской культуры, разработаны классификационные схемы, учитывающие различные варианты сочетания признаков [Мартынов, Шер, 1989; Колпаков, 2013]. Для выделения особенностей коллекции керамики, относимой к восточному варианту пахомовской культуры, расширена и уточнена типологическая схема, в основу которой положены различия сосудов по форме [Клейн, 1991; Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017].

Для определения хронологической специфики памятников применены методы стратиграфии и планиграфии. При выявлении хронологической позиции памятников использовались результаты естественнонаучного датирования

археологического материала по изотопу ^{14}C с последующей калибровкой полученных данных в программе OxCal [Ramsey, Lee, 2013].

Для решения конкретных задач, поставленных в работе, использовалась совокупность обозначенных выше методов. Так, для выявления особенностей истории изучения пахомовских древностей Западной Сибири и выделения особенностей различных исследовательских концепций применялись методы анализа, синтеза и обобщения. При характеристике поселенческих, погребальных и ритуальных комплексов использовались обозначенные общенаучные методы, а также инструменты морфологического и технико-технологического анализа сосудов, отнесённых к специально-археологическим. При определении особенностей организации сакрального пространства и формы рвов применялись специально разработанные классификационные схемы. Коллекция полных форм керамических изделий восточного варианта пахомовской культуры проанализирована при помощи типологической схемы. Для обозначения культурной принадлежности и уточнения генезиса и направления связей применен историко-сравнительный метод, необходимый для сопоставления материалов памятников восточного варианта пахомовской культуры Барабинской лесостепи с другими материалами населения пахомовской культуры Тоболо-Иртышского междуречья, еловской, бегазы-дандыбаевской, ирменской, позднеирменской, карасукской, сузгунской культур. При определении хронологии памятников населения восточного варианта пахомовской культуры использовался метод аналогий и результаты естественнонаучного датирования археологического материала по изотопу ^{14}C , предварительно калиброванные в программе OxCal, а для установления относительной датировки внутри одного памятника – методы стратиграфии и планиграфии.

Научная новизна работы заключается:

1. Во введении в научный оборот в полном объеме данных, полученных в ходе археологических раскопок на памятниках восточного варианта пахомовской культуры;

2. В детальном анализе керамики, обработанной по единой методике с применением методов естественных наук;
3. В разработке классификационных схем, демонстрирующих особенности форм рвов и организации сакрального пространства;
4. В расширении и доработке типологии керамики восточного варианта пахомовской культуры;
5. В выделении особенностей поселенческих, погребальных и культовых комплексов восточного варианта пахомовской культуры;
6. В определении хронологии памятников восточного варианта пахомовской культуры;
7. В уточнении генезиса и направления культурных связей населения восточного варианта пахомовской культуры;
8. В выделении этапов развития восточного варианта пахомовской культуры.

Положения, выносимые на защиту:

1. Восточный вариант пахомовской культуры является особым синкретичным культурным образованием, сложившимся на территории Барабинской лесостепи в результате миграций групп пахомовского населения из Тоболо-Иртышского междуречья и их взаимодействия на территории Барабинской лесостепи с бегазы-дандыбаевскими, ирменскими, позднеирменскими и сузгунскими популяциями.
2. В сложении восточного варианта пахомовской культуры не принимали прямого участия еловская и карасукская культуры, а сходство некоторых элементов материальной культуры между этими образованиями является общеэпохальной тенденцией, свойственной для культур эпохи поздней бронзы Западной Сибири.
3. Восточный вариант пахомовской культуры в Барабинской лесостепи датируется в пределах XIV–VIII вв. до н.э. и делится на два этапа – ранний (XIV–X вв. до н.э.) и поздний (X–VIII вв. до н.э.). На раннем этапе материальная культура пахомовского населения еще не приобретает черт, характерных для

культур переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. На позднем этапе материальная культура изменяется под действием, как эпохальных тенденций, так и в результате взаимодействия с населением других культурных групп: автохтонных и проникавших в Барабинскую лесостепь с северного и южного направления.

Научно-практическая значимость. Результаты диссертационного исследования могут использоваться при анализе культурной принадлежности и хронологии материалов конца эпохи бронзы Западной Сибири. Предложенные классификационные схемы применимы для исследования элементов погребальной практики археологических культур. Апробированные на материалах восточного варианта пахомовской культуры методики анализа форм посуды и методы выделения изделий одного мастера могут служить для анализа керамических коллекций. Результаты технико-технологического анализа пахомовской и восточнопахомовской керамики могут стать основой для сравнительного анализа с гончарной технологией других культур эпохи бронзы и раннего железного века. Характеристика культурно-исторических процессов у населения восточного варианта пахомовской культуры может быть использована при написании обобщающих работ по древней истории региона, а также при подготовке специальных лекционных курсов и музейных выставок.

Структура исследования состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений, вошедших в первый том, и двух приложений, составивших второй том. В приложение 1 представлены таблицы с технико-технологическим анализом керамики с памятников пахомовской (Пахомовская Пристань I, Ново-Шадрино VII, Инберень IV, Жар-Агач) и восточного варианта пахомовской культур (Ложка-6, Прорва, Алексеевка XXI, Новочекино-3, Старый Сад, Тартас-1, Гришкина Заимка, Гандичевский совхоз, Преображенка-3, Абрамово-4). Приведены таблицы с результатами петрографического исследования керамики восточного варианта пахомовской культуры с памятника Тартас-1, таблицы с указателями и категориями форм сосудов восточного варианта пахомовской культуры,

полученных по методу В.Ф. Генинга [1973] и обобщающие таблицы. В приложение 2 вошли иллюстрации, включающие карты-схемы с расположением памятников пахомовской и восточного варианта пахомовской культур, планиграфии и стратиграфии раскопов, планы погребений и объектов, рисунки инвентаря, микрофотографии примесей в составе формовочной массы керамики, типологическая схема и результаты радиоуглеродного датирования.

Апробация исследования. Основные положения диссертационной работы опубликованы в 21 печатной работе, в которые входят шесть статей, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки РФ для публикации основных научных результатов на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. В составе исследовательского коллектива соискателем подготовлена одна монография по результатам изучения могильника Старый Сад [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017], где авторский вклад Селина Д.В. составляет: страницы текста – 5-9; 107-126; 130-132; 134-135; 137-161, уточнение описаний погребальных комплексов (количество и расположение находок в погребальных камерах, наклон стенок и дна могильных ям, размеры объектов, с. 10-106), уточнение планов погребальных комплексов (уточнение стратиграфии и планиграфии, количества находок и их расположение в погребальных камерах, размеров и разрезов могильных ям и объектов, рис. 4-98), подготовка иллюстраций (рис. 1-3; 99-120) и таблиц. Помимо этого, автором диссертационной работы опубликовано 10 статей в журналах, входящих в базу данных РИНЦ, и тезисы конференций. Некоторые результаты исследования и апробации методик, используемых в диссертации, освещались в докладах на всероссийских и международных конференциях, таких как: 52 Международная научная студенческая конференция (г. Новосибирск, 2014 г.), LIV Российская с международным участием археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых (г. Красноярск, 2014 г.), XLVI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (г. Ульяновск, 2014 г.), III Международная конференция молодых ученых (г. Москва, 2015 г.), 53 Международная научная студенческая конференция (г. Новосибирск,

2015 г.), Актуальная археология 3: Новые интерпретации археологических данных (г. Санкт-Петербург, 2016 г.), V Всероссийский археологический съезд (г. Барнаул-Белокуриха, 2017 г.).

Автор выражает глубокую благодарность своим учителям на разных ступенях обучения в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре – канд.ист.наук Е. М. Данченко, докт.ист.наук Л.Н. Мыльниковой и академику РАН, докт.ист.наук В.И. Молодину за неоценимую помощь и терпеливое научное руководство. Автор глубоко признателен сотрудникам Лаборатории изучения древней керамики ИА РАН докт.ист.наук Ю.Б. Цетлину и канд.ист.наук Е.В. Волковой за поддержку и наставления в освоении технико-технологического анализа керамической посуды. Автор благодарен докт.ист.наук В.В. Боброву, докт.ист.наук О.Н. Корочковой и В.И. Стефанову за возможность ознакомиться с материалами памятников Ложка-6, Пахомовская Пристань I, Ново-Шадрино VII, Инберень IV, Прорва. Кроме этого, автор признателен сотрудникам Западно-Сибирского археологического отряда ИАЭТ СО РАН канд.ист.наук И.А. Дуракову, канд.ист.наук Л.С. Кобелевой, канд.ист.наук Н.С. Ефремовой, канд.ист.наук М.С. Нестеровой, Д.А. Ненахову и Ю.Н. Ненаховой за помощь и поддержку во время полевых работ.

Глава 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАХОМОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1.1. История изучения пахомовской культуры в Тоболо-Иртышском междуречье

Эпоха поздней бронзы Западной Сибири – одна из наиболее сложных и многоаспектных тем для изучения. В последнюю треть II тыс. до н.э. происходит распад андроновской культурно-исторической общности и появляется ряд новых культурных групп, образовавшихся в ходе взаимодействия пришлого андроновского населения и автохтонного. Первыми из них исследователями выделены сузгунская культура [Мошинская, 1957], еловская [Косарев, 1964] и черкаскульская [Сальников, 1964].

Постепенно, с накоплением и анализом новых материалов, в 1980-90-е гг. выходит несколько работ, в которых уточняются старые и создаются новые схемы историко-культурных процессов на территории Западной Сибири [см.: Молодин, 1985; Косарев, 1981; Корочкова, 1987; Труфанов, 1990; и др.], выделяются новые «андроноидные» культуры, такие как: корчажкинская [Шамшин, 1988], барабинский вариант сузгунской культуры [Молодин, 1985], пахомовская [Корочкова, 1987] и др.

Пахомовская археологическая культура выделена О.Н. Корочковой в 1987 г. Источниковую базу на тот момент составляли поселения Ново-Шадрино VII, Пахомовская Пристань I, Инберень IV и могильники Лихачевский и Черноозерье II [Корочкова, 1987; Генинг, Стефанов 1991]. На момент открытия пахомовские комплексы были объединены с памятниками ордынского типа в пахомовско-ордынский культурно-хронологический горизонт, маркирующий формирование андронидных культур в лесостепи Западной Сибири [Корочкова, 1987]. Однако, в дальнейшем, пахомовская культура не была объединена в какую-либо общность. В последнее десятилетие О.Н. Корочковой аккумулированы новые

материалы и выпущена обобщающая монография, в которой подробно рассматривается генезис, хронология, территориальные рамки и связи пахомовской культуры [Корочкова, 2009; 2010]. Территориальные рамки О.Н. Корочкова определяет в границах северной лесостепи Тоболо-Иртышья. На западе с пахомовской культурой сосуществует население черкаскульской культуры, на юге – ранние памятники алексеево-саргаринской общности, с севера – племена с гребенчато-ямочной керамикой [Корочкова, 2010, с. 71]. При анализе проблемы генезиса пахомовской культуры, исследователь отмечает многокомпонентность, в которую вошли андроновские (система жизнеобеспечения, керамические традиции) и местные традиции, соотносимые с кротово-елунинским культурным массивом (ташковская культура в Притоболье, логиновская в Приишимье, кротовская на Иртыше). Сама культура формируется в Притоболье [Корочкова, 1993]. В дальнейшем, она сосуществует с черкаскульской на западе, еловской на востоке, бегазы-дандыбаевской на юге и вместе с ними составляет группу андроновидных культур, которые сохранили достижения андроновского мира и продолжили транслировать их в культуру таежного населения [Корочкова, 2010, с. 89]. Керамика подразделяется О.Н. Корочковой на две группы – «нарядную» и «ненарядную». К специфичным орнаментальным мотивам пахомовской культуры отнесены насечки, нанесенные по желобку в месте перехода от горловины к плечу, «бахрома», оконтуривающая геометрические фигуры и меандры, диагональные «лесенки», ямки служащие разделителями узоров [Корочкова, 2010, с. 58-59]. Рассматривая соотношение пахомовских и сузгунских материалов, О.Н. Корочкова устанавливает их как самостоятельные культуры, определяя первую как «следствие поэтапного и постепенного освоения группами андроновского населения лесостепных районов» и вторую как «результат трансляции достижений андроновской системы жизнеобеспечения на север носителями пахомовской культуры» [Корочкова, 2010, с. 72]. Определяя хронологические рамки культуры, исследователь, в начале, не располагая данными радиоуглеродных анализов и опираясь на факт пахомовско-саргаринских контактов, датирует ее XIV–XIII вв. до н.э. [Корочкова,

2009, с. 83]. В дальнейшем, оперируя уже данными радиоуглеродного датирования О.Н. Корочкова указывает интервал в пределах XIV–XII вв. до н.э. [Корочкова, 2010, с. 75].

К проблематике изучения пахомовской культуры, совместно с А.В. Матвеевым, обращается В.М. Костомаров [Матвеев, Костомаров, 2011; Матвеев, Костомаров, Костомарова, 2009]. В 2010 г. исследователем защищена кандидатская диссертация, в которой высказана иная точка зрения на проблемы, проанализированные О.Н. Корочковой. Исследуя проблемы генезиса, В.М. Костомаров отмечает, что Притоболье не было местом возникновения пахомовской культуры, а подходящей территорией является Ишимо-Иртышь, так как там обнаружены свидетельства активных контактов различных групп населения с эпохи неолита. В дальнейшем ареал формирования пахомовских групп расширен до территории Тоболо-Иртышья [Костомаров, 2014, с. 44]. Не ставя под сомнение андронидный компонент в культуре, исследователь отмечает, что наиболее близки пахомовским черноозерские комплексы. Это позволило предположить наличие контактов «федоровских групп с населением одиновской культуры. В результате подобных перманентных контактов позднефедоровских и гребенчато-ямочных групп, скорее всего, формируется пахомовское население» [Костомаров, 2010, с. 113]. Располагая радиоуглеродными датами с поселения Заводоуковское 11 и могильника Усть-Терсюк-2, В.М. Костомаров опускает верхнюю границу до XI в. и определяет хронологический интервал в рамках XIV–XI вв. до н.э. [Там же, с. 117]. Рассматривая, совместно с А.В. Матвеевым, контакты пахомовской культуры, исследователи фиксируют сосуществование ее с черкаскульскими группами на одном поселении. В Прииртышь, на пахомовской основе складывается сузгунская культура, население которой продвигается по течению р. Иртыш в северном направлении [Матвеев, Костомаров, 2011, с. 53].

Третьей диссертацией, защищенной по результатам изучения пахомовской культуры, является работа Ал.Ал. Ткачева [2017], вызвавшая неоднозначную реакцию среди специалистов [см.: Полеводов, 2017]. По мнению исследователя,

пахомовская культура складывается в результате взаимодействия федоровской и позднеташковской культур в Притоболье. По результатам анализа материалов Ал.Ал. Ткачевым выделено два этапа в развитии пахомовской культуры: 1) новошадринский этап – конец XV – XIV вв. до н.э.; 2) оськинский этап XIII – XI вв. до н.э. Подробный критический разбор диссертационного исследования изложен в отзыве А.В. Полеводова [Полеводов, 2017]. Дополнительно хотелось бы подчеркнуть некритичное отношение автора к датировкам. Так, для поселения Оськино Болото получены три радиоуглеродные даты без указания материала, по которому выполнено датирование. Суммарный калиброванный возраст этих дат укладывается в пределы IX–VII вв. до н.э. Однако исследователь не принимает эти датировки и указывает, что это может быть «системная ошибка лаборатории, равнозначно омолодившая всю выборку» [Ткачев Ал.Ал., 2017, с. 130], что, на наш взгляд, без дополнительной аналитической работы, не является весомым аргументом в пользу отрицания датировок, тем более, что они кучно укладываются в один диапазон. Забегая вперед, хотелось бы отметить, что в Барабинской лесостепи восточный вариант пахомовской культуры существует вплоть до вт. пол. IX–VIII вв. до н.э., что делает ситуацию, когда пахомовская культура в Тоболо-Иртыше могла бы существовать до конца эпохи бронзы, вполне возможной. Что касается обоснования исследователем «культы овна» у населения пахомовской культуры, то вызывает удивление причисление к материалам этой культуры и использование как одного из аргументов нескольких каменных жертвенников с головами баранов [Ткачев Ал.Ал., 2017, рис. 37]. Этот тип изделий по широкому кругу аналогий и благодаря обнаружению в контексте (два изделия обнаружены Н.П. Матвеевой в яме в поле кургана сарматского времени) причислен к кругу скифо-сарматских памятников, характерных для Зауралья, и датируется в пределах VI–III вв. до н. э. [Дмитриев, 1948; Матвеева, 1986], хотя есть исследователи, относящие эти находки и к эпохе ранней бронзы [Мошинская, 1976; Chavrin, Sencenkova, 2000]. На наш взгляд, облик подобных изделий и контекст нахождения, не позволяет отнести эти находки к пахомовской культуре, тем более, что все приведенные Ал.Ал. Ткачевым плитки обнаружены

случайно, что делает предположение о существовании «культы овна» в среде населения конца эпохи бронзы крайне спорным. Общее время существования пахомовской культуры Ал.Ал. Ткачев определяет в пределах XV-XI вв. до н.э. [Ткачев Ал.Ал., 2017, с. 189-190; рис. 175], хотя в другом разделе диссертации автором указаны другие хронологические рамки – в пределах XIV-XI вв. до н.э. [Ткачев Ал.Ал., 2017, с. 133].

Анализируя материалы сузгунской культуры, к проблеме изучения пахомовских древностей обращался А.В. Полеводов. Исследователь устанавливает очаг зарождения пахомовских традиций в Ишимо-Иртышской лесостепи. А.В. Полеводов определяет пахомовские материалы как ранний этап сузгунской культуры, определяя его как переходный между позднефедоровскими и черноозерскими памятниками с одной стороны, и собственно сузгунскими – с другой. В начале существования этого этапа происходит процесс одновременного возрождения автохтонных гребенчато-ямочных традиций в керамике и угасания кротовских, входивших как субстрат в черноозерский тип памятников [Полеводов, 2003]. Хронологические рамки культуры, по А.В. Полеводову, укладываются в пределы (XIII) XII–XI (X) вв. до н.э., опираясь на стратиграфические и планиграфические наблюдения, а также анализ выделенных керамических групп [Полеводов, 2003].

Частных вопросов изучения пахомовской культуры, в той или иной мере, касались другие ученые. Так, технологией гончарного производства пахомовской культуры на материалах могильника Чепкуль-5, совместно с В.А. Захом, занималась В.В. Илюшина [Зах, Илюшина, 2011]. Исследователь отмечает, что для изготовления посуды из погребений использовалась ожелезненная глина. Илюшиной В.В. зафиксирован один рецепт формовочной массы: «глина + шамот + органический раствор», изготовление сосудов происходило на подставках с применением формы-модели. Исследователем определено, что наращивание полого тела изделия проводилось неширокими лентами по кольцевой траектории попеременным наложением с внутренней и внешней стороны, конструирование начинов ряда сосудов осуществлялось в соответствии с донно-емкостной

программой. В.В. Илюшиной выделено, что поверхность сосудов заглаживалась и лоцилась, обжиг проводился в условиях смешанной окислительно-восстановительной среды, при температуре не ниже 650 °С. На основании сравнения данных по технологии изготовления керамики пахомовской и коптяковской культур, исследователи отмечают генетическую преемственность между ними [Зах, Илюшина, 2011, с. 20-28]. При изучении технологии изготовления пахомовской посуды с поселения Ботники 1в, Илюшиной В.В. зафиксировано использование глин и илистых глин как исходного сырья. Исследователем отмечено 10 рецептов составления формовочных масс, но при этом, доминирующими были два рецепта «глина + шамот + выжимка из навоза» и «глина + шамот + органический раствор» [Илюшина, 2015, с. 144]. Илюшиной В.В. зафиксировано, что в редких случаях добавлялся тальк, что может свидетельствовать о контактах пахомовского и черкаскульского населения. При сравнении гончарных традиций андроновской (федоровской) и пахомовской культур, Илюшиной В.В. отмечена их схожесть, что позволяет говорить об их преемственности. Так же, зафиксирована высокая степень сходства с керамикой бархатовской культуры, что свидетельствует о их генетической связи [Там же, с. 148].

Проводя раскопки на пахомовских комплексах поселения Оськино Болото, к проблемам изучения этой культуры обратился А.А. Ткачев [Ткачев А.А., Ткачева, 2006; Ткачев А.А., 2009]. Опубликовав данные по конструкции семи изученных жилищ, исследователь отмечает их одновременное существование, а также характеризует некоторые аспекты быта и хозяйственной деятельности населения (поддержание поселка в чистоте, рыболовство, земледелие, бронзолитейное производство). Пахомовские древности датируются в пределах XII–XI вв. до н.э., что подтверждается находками зеркала с петелькой и бронзовой бритвы [Ткачев А.А., 2009, с. 88].

Анализируя комплексы восточного варианта пахомовской культуры к проблемам изучения пахомовских материалов в Тоболо-Иртышье обращался В.И. Молодин [Молодин, Пилипенко, Журавлев и др., 2012; Молодин, 2014].

Исследователем отмечен ощутимый бегазы-дандыбаевский компонент в материалах пахомовской культуры Тоболо-Иртышья, который мог, вместе с андроновской (федоровской) культурой, учувствовать в ее генезисе [Молодин, Пилипенко, Журавлев и др., 2012, с. 63]. Молодиным В.И. поддержана точка зрения на датировку пахомовских комплексов в пределах XIV–XII (XI) вв. до н.э., где нижняя граница обусловлена наличием в Барабе комплексов восточного варианта, датируемого в пределах переходного времени от бронзового к железному веку [Молодин и Пилипенко, Журавлев и др., 2012].

К изучению очажных устройств на поселениях пахомовской культуры обращались М.С. Нестерова и Ал.Ал. Ткачев [Нестерова, Ткачев Ал.Ал., 2011]. Отмечено разнообразие возможного устройства очага, а отсутствие сложных теплотехнических сооружений «подтверждает особый хозяйственно-культурный тип пахомовского населения, связанный, очевидно, с расширением роли присваивающих отраслей хозяйства». При этом, сходство в разнообразии конструкции очажных устройств пахомовской и ирменской культур, подтверждает их непосредственную генетическую преемственность [Там же, с. 70].

Ж.В. Марченко, определяя культурную принадлежность памятников среднего течения р. Тара, фиксирует на поселениях Новочекино-3б и Нижняя Тунуска-3б комплекс керамики, соотносимой с пахомовской культурой. Исследователь отмечает «смешанный» характер комплексов и определяет их как «гребенчато-ямочный – пахомовско – ирменский культурный тип» [Марченко, 2009, с. 17].

Таким образом, в историографии изучения пахомовской культуры можно выделить ряд дискуссионных вопросов (табл. 1):

1. Территория формирования пахомовской культуры – 1) Притоболье (О.Н. Корочкова, Ал.Ал. Ткачев); 2) Ишимо-Иртышье (А.В. Матвеев, А.В. Полеводов, В.М. Костомаров).

2. Происхождение пахомовской культуры – 1) взаимодействие андроновской культуры и кротово-елунинских племен (О.Н. Корочкова); 2)

контакты носителей позднефедоровских (черноозерских) и гребенчато-ямочных гончарных традиций (А.В. Матвеев, А.В. Полеводов, В.М. Костомаров); 3) взаимодействие населения андроновской и коптяковской культур (В.А. Зах, В.В. Илюшина); 4) взаимодействие населения федоровской и позднеташковской культур (Ал.Ал. Ткачев).

3. Соотношение пахомовской и сузгунской культур – 1) самостоятельные культуры (О.Н. Корочкова, А.В. Матвеев, В.М. Костомаров, Ал.Ал. Ткачев); 2) этапы одной культуры (сузгунской) (А.В. Полеводов).

4. Хронология пахомовской культуры – 1) XIV–XII вв. до н.э. (О.Н. Корочкова); 2) XIV–XI вв. до н.э. (А.В. Матвеев, В.М. Костомаров; В.И. Молодин); 3) XV (XIV ?)–XI вв. до н.э. (Ал.Ал. Ткачев); 4) (XIII) XII–XI (X) вв. до н.э. (А.В. Полеводов; А.А. Ткачев).

1.2. История изучения восточного варианта пахомовской культуры в Обь-Иртышском междуречье

Впервые на отличие отдельных погребальных комплексов среди ирменских и сузгунских материалов на территории Барабинской лесостепи обратил внимание В.И. Молодин [1981]. В дальнейшем этот тезис развернут исследователем в книге «Бараба в эпоху бронзы» [1985], где автором отмечено наличие подобных погребений на памятниках Преображенка-3, Абрамово-4, Гандичевский совхоз. Своеобразие материалов заключалось в наличии в погребальных комплексах нехарактерных для ирменской культуры керамических изделий, ближайшие аналогии которой обнаружены в материалах бегазы-дандыбаевской культуры [Молодин, 1985, с. 142]. В дальнейшем, антропологическое исследование индивидов из «нетипичных» погребений могильника Преображенка-3 продемонстрировало специфику населения, оставившего эти комплексы, на фоне андроновского и ирменского [Молодин, Чикишева, 1988].

После проведения масштабных раскопок на могильнике Старый Сад, проблема своеобразия этих погребальных комплексов поднимается вновь. Памятник открыт в 1983 г. В.И. Молодиным, в этот же год исследователем проведены и первые раскопки совместно с Н.В. Полосьмак. Основная часть некрополя (87 курганных насыпей) исследована А.В. Нескоровым (1983-1984, 1987 гг.). Изучение могильника возобновилось в 2010-2011 гг. под руководством В.И. Молодина и Л.Н. Мыльниковой. [Нескоров, 1985; 1986; Молодин, Мыльникова, Дураков и др., 2010, с. 247]. В статье 1992 г. В.И. Молодиным и А.В. Нескоровым выполнена предварительная публикация материалов конца эпохи бронзы могильника Старый Сад и предпринята попытка интерпретации. Так, авторы отмечают, что изученные материалы относятся к особому культурному образованию, которое сложилось в результате этнокультурного синтеза ирменской и сузгунской культур и пришлого бегазы-дандыбаевского населения [Молодин, Нескоров, 1992, с. 94]. Здесь следует отметить, что в самом начале раскопок памятника для обозначения обнаруженного культурного образования исследователями был предложен термин «венгеровская культура», но, от него сразу же было решено отказаться, и, в дальнейшем, эти материалы именовались как «культура эпохи поздней бронзы» [см.: Чикишева, 2012, с. 123]. Исследователями обозначено сходство в принципах конструкции погребальных сооружений и погребальной практике бегазы-дандыбаевской культуры и мавзолеев Северного Тагискена с анализируемыми погребальными комплексами. Намечены аналогии керамической посуде и бронзовому инвентарю в ирменской, карасукской и бегазы-дандыбаевской культурах. На основании наличия в рассматриваемых комплексах бляшек со шпеньком и стремечковидных удил, предложена датировка памятника Старый Сад в рамках VIII-VII вв. до н.э., или переходным временем от эпохи бронзы к раннему железному веку [Молодин, Нескоров, 1992, с. 95].

Продолжение полевых работ и открытие новых погребальных и культовых комплексов в Барабе на памятниках Гришкина Заимка [Молодин, Мыльникова, Гаркуша и др., 2015], Старый Сад [Молодин, Мыльникова, Дураков и др., 2010],

Тартас-1 [Молодин, Наглер, Хансен и др., 2012; Молодин, Кобелева, Наглер и др., 2013; Молодин, Ефремова, Кобелева и др., 2014; Молодин, Дураков, Кобелева и др., 2014] позволили соотнести полученные материалы с пахомовской культурой, чей ареал укладывается в пределы Тоболо-Иртышского междуречья, и выдвинуть предположение о миграции пахомовского населения на территорию Барабинской лесостепи, где, в дальнейшем, и сложился особый вариант этой культуры. Впервые это культурное образование выделено В.И. Молодиным как отдельный таксон «восточный вариант пахомовской культуры» в работе 2010 г. [Молодин, 2010а, с. 70]. В дальнейшем, этот термин начинает употребляться в работах как археологических, так и междисциплинарных [Молодин, Пилипенко, Журавлев и др., 2012; Молодин, Пилипенко, Чикишева и др., 2013, с. 39; Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2014]. По данным палеогенетики (памятник Старый Сад) зафиксирована многокомпонентность этого образования, включавшая андроновский субстрат как основу, автохтонный доандроновский и бегазы-дандыбаевский [Молодин, Пилипенко, Журавлев и др., 2012, с. 68; Молодин, Пилипенко, Чикишева и др., 2013, с. 155]. Результаты анализа антропологических остатков, проведенного Т.А. Чикишевой, также подтвердили схожесть материалов Старого Сада с андроновскими культурами, что позволило говорить об андроновской основе данной общности. Помимо этого, отмечена связь женской части серии с бегазы-дандыбаевским населением Казахстана [Чикишева, 2010, с. 32; Зубова, 2014], что коррелирует с данными палеогенетики.

Поселенческие комплексы восточного варианта пахомовской культуры изучены значительно слабее. К ним, бесспорно, относится поселение Ложка-6, открытое и исследуемое под руководством В.В. Боброва. К настоящему моменту на поселении Ложка-6, расположенном неподалеку от могильника Старый Сад и памятника Тартас-1, исследовано межжилищное пространство и часть котлована жилища или хозяйственного строения. Обнаружен обломок литейной формы из талька и несколько ям с глиняными шарами. Помимо этого, проведен анализ орнамента керамической коллекции, по результатам которого выделены группы посуды – «А» и «Б» – где первая украшена монотонными узорами, а вторая –

геометрическими мотивами (меандрами, зигзагами и др.) [Бобров, Моор, 2010, с. 154–157; Бобров, Моор, 2011, с. 139–142; Бобров и др., 2012, с. 120–123; Бобров и др., 2013, с. 124–132; Бобров, Моор, Плац и др., 2016; Плац, 2016].

А.А. Ткачев, обращаясь к опубликованным материалам Старого Сада, отмечает сходство погребальной обрядности с карасукской культурой и не соглашается с предложенной датировкой комплекса в пределах VIII-VII вв. до н.э. [Ткачев А.А., 2012, с. 24]. Главным аргументом отрицания подобной датировки является неясность контекста раннекочевнического инвентаря (бляшки со шпеньком, стремечковидные удила) и сочетания его с посудой. Автор ставит под сомнение аналогии с могильником Измайловка, изученным А.С. Ермолаевой, так же отмечая нечеткость синхронности раннекочевнического и дандыбаевского комплексов на этом памятнике. Сам керамический комплекс исследователь интерпретирует как раннедандыбаевский, в котором отражен процесс взаимодействия носителей андроновско-канайских и карасукских культурных традиций. Далее А.А. Ткачев констатирует отнесение рассматриваемых комплексов могильника Старый Сад к «значительно более раннему времени» и предлагает считать лесостепную зону Обь-Иртышья «территорией формирования наиболее ранних дандыбаевских комплексов», которые, в дальнейшем, могли участвовать в генезисе пахомовской культуры в Тоболо-Иртышье. В другой статье А.А. Ткачев полностью повторяет эту часть текста, никак не изменяя аргументацию [Ткачев А.А., 2013, с. 335].

Более подробный анализ хронологии анализируемых комплексов могильника Старый Сад будет проведен далее (см. Гл. 5). Что касается могильника Измайловка, то, в опубликованной обобщающей работе А.С. Ермолаевой [2012], четко указывается на взаимосвязь набора раннекочевнической конской сбруи с бегазинским погребением в ограде 17 [Ермолаева, 2012, с. 117].

Анализируя материалы погребального комплекса эпохи поздней бронзы Боровянка-XVII, А.В. Полеводов, совместно с Л.И. Погодиным, обращается к материалам Старого Сада, объединяя материалы конца эпохи бронзы, вслед за А.В. Нескоровым, в «венгеровскую» культуру [Полеводов, Погодин, 2002].

Авторами отмечается сходство между керамическими комплексами этих памятников, выражающееся в смешении «андроноидных» и «карасукоидных» традиций [Там же, с. 44], и в способах организации сакрального пространства [Там же, с. 42].

Кратко касался вопросов культурной принадлежности памятников в своей диссертационной работе Ал.Ал. Ткачев [2017, с. 120]. Автор отрицает взаимосвязь этих памятников с пахомовской культурой на основании того, что аргументы в пользу связи этих двух культур «весьма слабые, сравнение идет либо с материалами Прииртышья, синкретичными по своей сути, либо авторы делают отсылки к работам К.В. Сальникова середины XX в., когда андроноидная проблематика находилась на зачаточном уровне, а до выделения пахомовской культуры должно было пройти еще почти 40 лет» [Ткачев Ал.Ал., 2017, с. 120-121]. Судя по всему, Ал.Ал. Ткачев не знаком с публикациями по проблематике восточного варианта пахомовской культуры, где разобраны параллели в материальной культуре и погребальной практике [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2014; Молодин, Мыльникова, Селин, 2014; Молодин, Мыльникова, Гаркуша и др., 2015; Молодин, Сидоров, Мыльникова и др., 2016; Селин, 2016а], хотя ссылки на некоторые из этих работ присутствуют в диссертации Ал.Ал. Ткачева. Кроме того, у Ал.Ал. Ткачева в альбоме иллюстраций присутствуют рисунки материалов памятников Старый Сад и Гришкина Заимка [Ткачев Ал.Ал., 2017, рис. 47-49] со ссылкой на работу 1992 г. В.И. Молодина и А.В. Нескорова. В этой публикации керамические сосуды из Старого Сада, приводимые Ал.Ал. Ткачевым [Ткачев Ал.Ал., 2017, рис. 47], не были опубликованы, а памятник Гришкина Заимка вообще еще не был открыт [Молодин, Мыльникова, Гаркуша и др., 2015]. Помимо этого, исследователь обращает внимание на находки на памятниках восточного варианта пахомовской культуры бронзовых серег с раструбом, утверждая, что они «свидетельствует об участии в сложении комплексов подобного типа позднеандроновских групп, пришедших на территорию Западной Сибири в XIV-XIII вв. до н.э.», не замечая тот факт, что подобный тип вещей получает распространение в эпоху развитой бронзы [Молодин, 1985, с. 103, рис.

154, 9; Умеренкова, 2015, с. 162] и встречается вплоть до конца эпохи бронзы [Итина, Яблонский, 2001, рис. 124, 12]. Ткачев Ал.Ал. также игнорирует вещи с узкой хронологической позицией, такие как – бронзовая булавка с ажурным навершием, фрагмент стремечковидных удил, бляшки со шпеньком – указывающие на датировку погребальных комплексов Старого Сада переходным временем от эпохи бронзы к раннему железному веку, что делает дальнейшее предположение Ал.Ал. Ткачева о том, что этот памятник «отражает, скорее, начальной этап развития ирменских, а не пахомовских древностей», неверным [Ткачев Ал.Ал., 2017, с. 121].

Анализируя комплексы пахомовской культуры в Тоболо-Иртышье, к проблеме генезиса и культурной принадлежности материалов эпохи поздней бронзы памятников Старый Сад и Гришкина Заимка обращался В.М. Костомаров. Соглашаясь с многокомпонентностью традиций населения, оставившего эти некрополи, исследователь отмечает, что определить их культурную принадлежность не представляется возможным. В целом, не подвергая сомнению факт того, что комплексы Старого Сада образовались на андронидной и бегазы-дандыбаевской основе, исследователь сомневается в участии именно пахомовской культуры в генезисе восточного варианта [Костомаров, 2010, с. 133].

Варфоломеев В.И., анализируя керамику суперстратного облика бегазы-дандыбаевской культуры отмечает, что орнаментальный геометризм керамики с могильника Старый Сад подчеркивает очевидную андронидность керамики, и его нужно рассматривать как памятник круга андронидных культур [Варфоломеев, 2013, с. 178].

Корочкова О.Н. отмечает сходство погребальных комплексов памятника Старый Сад и «доирменских» комплексов Еловского II могильника. По ее мнению, несмотря на очевидное сходство этих памятников с пахомовскими комплексами, они заметно от них отличаются. При этом посуда данных некрополей чрезвычайно близка материалам бегазы-дандыбаевской культуры и бегазинским памятникам Алтая [Корочкова, 2013, с. 342].

Следует отметить, что коллективом авторов под руководством Е.В. Ламиной проанализирована керамика с памятников эпохи поздней бронзы Барабинской лесостепи, в которую вошли образцы посуды из погребений Старого Сада. Исследователями отмечено, что, независимо от культурной и хронологической принадлежности сосуда изготавливались из сходных по составу формовочных масс: глина + грубозернистый минеральный отощитель + органический наполнитель. Подобное сходство, по их мнению, может объясняться однообразием геологического строения Барабинской лесостепи, что привело к тождественности используемых глин. Гончары различных культур адаптировались к сходному сырью и вырабатывали аналогичные приемы преодоления его отрицательных свойств [Ламина, Лотова, Добрецов, 1995, с. 84]. Но исследователи не заострили внимание на том факте, что в рецептах формовочных масс керамики конца эпохи бронзы с памятника Старый Сад использовался грубозернистый минеральный отощитель, т.е. дробленый камень, выходы которого отсутствуют в Барабинской лесостепи, что может указывать на смешанный характер гончарной технологии и на наличие привозных изделия или привозного сырья для дресвы.

Таким образом, в истории изучения восточного варианта пахомовской культуры можно выделить дискуссионные вопросы (табл. 2):

1. Культурная принадлежность памятников Старый Сад, Гришкина Заимка и др.: 1) восточный вариант пахомовской культуры (В.И. Молодин, В.В. Бобров, О.Н. Корочкова); 2) раннебегазинские комплексы (А.А. Ткачев); 3) культурная принадлежность затруднена (В.М. Костомаров; Ал.Ал. Ткачев).

2. Участие населения пахомовской культуры в формировании памятников Старый Сад, Гришкина Заимка и др.: 1). один из субстратов, лежащих в основе формирования (В.И. Молодин, В.В. Бобров, О.Н. Корочкова); 2). население пахомовской культуры не принимало участие в формировании данных комплексов (А.А. Ткачев, В.М. Костомаров; Ал.Ал. Ткачев);

3. Хронология памятников Старый Сад, Гришкина Заимка и др.: 1) эпоха поздней бронзы и переходное от бронзового к раннему железному веку время

(В.И. Молодин, В.В. Бобров), 2) «значительно более раннее время» (А.А. Ткачев.),
3) XIV–XIII вв. до н.э. (Ал.Ал. Ткачев).

Глава 2. ПОСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

2.1 Поселения долины р. Тартас

К настоящему моменту известно два поселения, где обнаружена керамика восточного варианта пахомовской культуры – Ложка-6 и Ходуненково-2 (рис. 1; 2). Памятник Ложка-6 расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл., на второй надпойменной террасе оз. Большая Ложка (рис. 2). Памятник открыт в 2008 г. В.В. Бобровым и исследуется с 2010 г. Материалы памятника активно публикуются авторами раскопок [Бобров, Моор, 2010, с. 154–157; Бобров, Моор, 2011, с. 139–142; Бобров, Марочкин, Юракова и др., 2012, с. 120–123; Бобров, Юракова, Моор, 2013, с. 124–132; Бобров, Моор, Плац и др., 2016, с. 227-232; Плац, 2016]. На настоящий момент это единственное известное однослойное поселение, которое относится к восточному варианту пахомовской культуры.

На поселении обнаружены следы котлована жилища и каркасно-столбовой конструкции. Жилище № 1 расположено в юго-восточной части раскопа и раскопано частично (рис. 3). Судя по изученной части, жилище было подпрямоугольной формы в плане. Исследована северо-западная стенка конструкции длиной 10 м. По ее периметру расположены столбовые ямы. Котлован углублен от уровня материка на 0,3 м. Очаг к настоящему моменту не выявлен. Зафиксирован выход из жилища, направленный в сторону берега озера [Бобров, Моор, Плац и др., 2016, с. 232; Плац, 2016].

В 8 м к северу от котлована зафиксированы столбовые ямы, расположенные двумя параллельными рядами (№ 34-56). Они, возможно, являются остатками от каркасно-столбовой конструкции (рис. 3). Подобные объекты, также относимые к восточному варианту пахомовской культуры, выявлены при раскопках памятника Тартас-1 на культовом комплексе [Молодин, Наглер, Хансен и др., 2012; Молодин, Кобелева, Наглер и др., 2013; Молодин, Дураков, Кобелева и др., 2014].

В 6 м к северу от жилища зафиксирована хозяйственная яма (№ 16) размерами 1,9 × 2,2 × 1,4 м. В ее заполнении обнаружены фрагменты керамики, обожжённой глины и костей животных (рис. 3). Этот объект атрибутирован исследователями как колодец [Плац, 2016].

В ходе раскопок найден представительный инвентарь, включающий фрагменты керамической посуды и костей животных, обломки литейных форм и тиглей, изделия из камня и бронзы [Бобров, Моор, Плац и др., 2016, с. 228; Плац, 2016].

Исследователями для керамики предложена классификация, согласно которой выделено на две группы. В группу А входит «бытовая» посуда, орнаментированная монотонными узорами (рис. 4; 5, 5, 7). Группа Б представлена «ритуальными» изделиями, украшенными геометрическими узорами и меандрами (рис. 5, 2-4, 6) [Бобров, Моор, Плац и др., 2016, с. 228]. В целом, эта разработка согласуется с классификацией пахомовской керамики, предложенной О.Н. Корочковой, которая разделяет сосуды на «нарядные» и «ненарядные» [Корочкова, 2009, с. 76; 2010, с. 58].

Для керамики восточного варианта пахомовской культуры с памятника Ложка-6 проведено изучение типов исходного сырья и состава формовочной массы. Изучены образцы от 100 сосудов (табл. 3). Все изделия изготовлены из ожелезненной глины, где, как естественные примеси, зафиксированы включения разноразмерного окатанного бурого железняка (16 %), мелкие пластинки слюды (4 %), фракции мелкого окатанного известняка (1 %). Различия в исходном сырье проявляются в степени запесоченности. Так, обнаружены экземпляры, изготовленные из низко- (5 %), средне- (85 %) и высокозапесоченной глины (10 %). В целом, практически все изделия изготавливались из ожелезненной среднезапесоченной глины, наличие исходного сырья других степеней запесоченности может свидетельствовать о том, что сырье добывалось в пределах одного района, но из разных залежей. На это указывает и характер естественных примесей, состав которых схож во всем исходном сырье. Помимо этого, зафиксированный окатанный разноразмерный бурый железняк может

свидетельствовать о предварительной обработке исходного сырья перед введением в него компонентов формовочной массы [Бобринский, 1978; Цетлин, 2012].

Как минеральная добавка в формовочной массе во всех образцах зафиксирован шамот (рис. 6). По способу калибровки он подразделяется на некалиброванный (размерность от 0,5 до 6 мм; 82 %), калиброванный по верхней границе (размерность от 0,5 до 2 мм, 17 %), калиброванный по нижней границе (размерность от 1 до 3 мм, 1 %). Различия проявляются и в концентрации. Так, зафиксированы пропорции сырья и примеси в соотношении 1 : 4 (2 %), 1 : 5 (27 %), 1 : 6 (30 %), 1 : 7 (31 %), 1 : 8 (5 %), 1 : 9 (7 %). Подобные результаты демонстрируют устойчивую традицию концентрации шамота в соотношении 1 : 5–7, к которой относится 88 % выборки. В 12 % образцов зафиксирован шамот в шамоте, что свидетельствует об устойчивой традиции добавления этой примеси в формовочную массу.

Вторая минеральная примесь, зафиксированной в одном образце, это некалиброванная (размерность от 0,5 до 2,5 мм) дресва из кварцита (рис. 6, 1). Она добавлена в формовочную массу вместе с шамотом в концентрации 1 : 7. Так как в Барабинской лесостепи выходы камня отсутствуют, то древний человек вынужден был импортировать это сырье во все эпохи, поэтому добавление дробленой породы в формовочную массу не являлось автохтонной традицией гончарства культур этой территории, что позволяет определить подобную керамику как результат смешения гончарных традиций [Молодин, 1985, с. 9; Мыльникова, 2015]. Добавка дресвы в формовочную массу зафиксирована в керамике восточного варианта пахомовской, где она связана, по всей видимости, с влиянием гончарной технологии бегазы-дандыбаевской культуры [Селин, 2016а; Ламина, Лотова, Добрецов, 1995].

Третьей минеральной примесью, зафиксированной в одном образце, является калиброванный по верхней границе (размерность от 1 до 3 мм) песок. Он добавлен в формовочную массу вместе с шамотом в концентрации 1 : 7. Песок – не характерная примесь для керамики пахомовской культуры, однако, он входит в

состав формовочной массы керамики позднеирменской и сузгунской культур [Мыльникова, 2015].

Органические примеси (рис. 6, 3) обнаружены в 90 % и представлены органическим раствором из навоза жвачных животных (86 %) и навозом жвачных животных (4 %).

Таким образом, по результатам анализа определены пять рецептов формовочной массы:

1. Глина + шамот + органический раствор – 84 %;
2. Глина + шамот – 10 %;
3. Глина + шамот + навоз – 4 %;
4. Глина + шамот + песок + органический раствор – 1 %;
5. Глина + шамот + дресва + органический раствор – 1 %.

В целом, технико-технологически эти изделия [Илюшина, 2015; 2017; Селин, 2016а] укладываются в типичную для пахомовской культуры традицию отбора исходного сырья и составления формовочной массы, такие как: использование в качестве исходного сырья среднезапесоченных глин с минеральной примесью некалиброванного и калиброванного (от 0,5 до 2 мм) шамота и добавкой органического раствора из навоза жвачных животных (?). Наличие на памятнике рецептов без органических примесей и с добавкой песка может являться результатом смешения гончарной технологии населения, оставившего памятник Ложка-6, с технологией других культур конца эпохи бронзы, возможно ирменской или сузгунской, для которых подобные рецепты являются достаточно распространенными [Мыльникова, 2015]. Наличие рецептов с дресвой указывает на неместную традицию изготовления посуды, связанную, по всей видимости, с бегазы-дандыбаевской культурой.

Помимо этого, на наш взгляд, среди керамического комплекса выделяется небольшая группа посуды, которая может быть соотнесена с красноозерской культурой (рис. 5, 1). На это указывает, в первую очередь, орнаментация сосудов при помощи крестового штампа [Плац, 2016, рис. 9, 3]. Большинство специалистов красноозерская культура датируется переходным временем от

эпохи бронзы к раннему железному веку (вт. пол. IX–VIII вв. до н.э.) [Косарев, 1991; Труфанов, 1990; Полеводов, 2003; Данченко, Полеводов, 2007; Шерстобитова, 2010]. Бронзовые изделия, обнаруженные на поселении (наконечник стрелы, обломок однолезвийного ножа, игла, шило, кольцо [Бобров, Моор, Плац и др., 2016, с. 229, рис. 1, 21-24; Плац, 2016, с. 49]; рис. 7, 2, 3, 6, 7), имеют достаточно широкую хронологию, включающую в себя конец эпохи бронзы, и встречаются в ряде культур, таких как пахомовская, еловская, ирменская [Молодин, 1985; Матющенко, 2004; 2006, Корочкова, 2010]. Интересна находка фрагмента литейной формы из талька для отливки втульчатого орудия с валиковым навершием [Бобров, Моор, 2010, с. 156, рис. 2] (рис. 7, 4). Как отмечают авторы раскопок, находки подобных форм из талька крайне редки [Там же, с. 156]. Кроме того, как подчеркнуто выше, естественные выходы камня в Барабинской лесостепи отсутствуют [Молодин, 1985], что указывает на импорт или сырья, или самой литейной формы. Крупные месторождения талька известны на Урале, что является еще одним доказательством связи населения восточного варианта пахомовской культуры с западными группами, что проявляется в находках черкаскульских сосудов на памятниках Старый Сад и Тартас-1 (см. рис. 39, 3; 95).

Помимо бронзовых изделий на поселении обнаружено большое количество изделий из глины, в том числе «шаров» (рис. 8). Подобная категория находок распространена на территории Барабинской лесостепи начиная с эпохи развитой бронзы (кротовская культура [Молодин, 1985, с. 71-72, рис. 36-37]) и вплоть до конца эпохи бронзы [Марченко, 2009].

Поселение Ходуненково-2 расположено в Венгеровском р-не Новосибирской обл. Памятник исследовался А.В. Нескоровым. К сожалению, полевая документация и полученные материалы с памятника утрачены, сохранилась только отрывочная информация. Известно, что памятник разрушен карьером для добычи земли при сооружении трассы Венгерово-Чаны. Удалось исследовать край разрушенного жилища, где обнаружена керамика, сопоставленная исследователями с посудой, обнаруженной на могильнике

Старый Сад [Молодин, Новиков, 1998]. Месторасположение памятника также однозначно определить не удастся, но, судя по всему, это поселение располагалось неподалеку от ритуального комплекса восточного варианта пахомовской культуры памятника Тартас-1.

2.2 Поселения долины р. Омь

К настоящему моменту в долине р. Омь известно одно поселение, где обнаружена керамика восточного варианта пахомовской культуры – Туруновка-4 (рис. 1; 2). Памятник расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл., на первой надпойменной террасе правого берега р. Кама и исследовался под руководством В.И. Молодина.

В ходе раскопок изучено двухкамерное жилище, где первая камера подпрямоугольной формы в плане, а вторая – подквадратной (рис. 9). Размер котлованов составляет около $5 \times 7,5$ м, глубина от уровня материка – 0,3 м. Выход располагался по центру подпрямоугольного котлована. Внутри жилища обнаружено большое количество хозяйственных ям, заполненных фрагментами керамики и костей животных, а также несколько прокалов. По периметру котлована расположены столбовые ямы диаметром 0,15-0,4 м и глубиной 0,15-0,5 м. Общая площадь первой камеры составляет 28 м^2 , а второй – 180 м^2 [Молодин, Колонцов, 1984, с. 70; Молодин, 1985, с. 172].

Для периода эпохи поздней бронзы на поселении зафиксирована керамика, сопоставимая с двумя археологическими культурами – позднеирменской и восточнопахомовской [Молодин, 1985]. Подавляющую часть коллекции составляет керамика позднеирменской культуры, но материалы восточного варианта пахомовской культуры составляют небольшую, но выраженную выборку (рис. 10). Фрагменты керамики, относимые к восточному варианту пахомовской культуры, орнаментированы преимущественно меандровидными узорами и геометрическими мотивами, не характерными для посуды

позднеирменской культуры, что и позволило выделить их в общей коллекции посуды (рис. 10).

Вещевой комплекс поселения представлен изделиями из глины и фрагментом бронзового котла, аналогии которому известны в материалах комплексов, датируемых VIII–VII вв. до н.э. [Молодин, 1985, с. 165] (рис. 11).

Для 12 образцов керамики восточного варианта пахомовской культуры проведено изучение типов исходного сырья и состава формовочной массы (табл. 4). Все изделия изготовлены из ожелезненной глины, где в качестве естественных примесей зафиксированы фракции мелкого окатанного бурого железняка (11 экз.) и пластинки слюды (1 экз.). Различия в исходном сырье проявляются в степени запесоченности. Так, девять образцов могут быть отнесены к среднезапесоченным, два – к высокозапесоченным и один – к низкозапесоченным.

Как минеральная добавка в формовочную массу во всех образцах зафиксирован шамот (рис. 12), который в пяти случаях не калибровался (размерность от 0,5 до 8 мм), а в семи – калибровался по верхней границе (размерность от 0,5 до 2 мм). Различия проявляются в концентрации. В пяти случаях концентрация шамота в глинистом сырье составляет 1 : 5, для трех образцов составляет 1 : 6, для двух – 1 : 7, в одном изделии определена как 1 : 4. В двух образцах выявлен шамот в шамоте, что свидетельствует о устойчивой традиции добавления этой примеси в состав формовочной массы.

Органическая примесь обнаружена во всех экземплярах и представлена навозом (рис. 12, 2) и органическим раствором из навоза жвачных животных (рис. 12, 3).

Таким образом, по результатам анализа определено два рецепта формовочной массы:

1. Глина + шамот + органический раствор – 11 обр.;
2. Глина + шамот + навоз – 1 обр.

В целом, технико-технологические данные изделия укладываются в типичную для пахомовской культуры традицию отбора исходного сырья и составления формовочной массы.

Для керамики других культур с анализируемого памятника Л.Н. Мыльниковой выполнен технико-технологический анализ. Так, для позднеирменской культуры выделено два рецепта формовочной массы 1) глина + шамот + песок + органика; 2) глина + шамот + органика. Второй рецепт формовочной массы схож с гончарной технологией восточного варианта пахомовской культуры, и возможно, является результатом смешения гончарных традиций этих двух культур. При этом, добавка песка для восточнопахомовской керамики не характерна, что отличает технологию населения позднеирменской культуры, для которой песок является одной из распространённых искусственных минеральных примесей [Мыльникова, Чемякина, 2002; Мыльникова, 2015, с. 257].

2.3 Поселения долины р. Тара

К настоящему моменту в долине р. Тара известно четыре поселения, где обнаружена керамика восточного варианта пахомовской культуры – Прорва, Алексеевка-XXI, Новочекнино-3, Нижняя Тунуска-3 (рис. 1; 2).

Поселение Прорва расположено в Тарском р-не Омской обл. на участке левобережного мыса р. Прорвы, впадающей в р. Тару (рис. 1; 2). Памятник исследован В.В. Евдокимовым и В.И. Стефановым в 1965 г. В ходе раскопок изучено одно жилище, относящееся к эпохе поздней бронзы. Котлован подпрямоугольной формы в плане, размерами 9,6 × 9,3 м, углублен в материк на 0,35–0,5 м (рис. 13). Вход в жилище располагался в северо-западной части постройки и был обращен к реке [Евдокимов, Стефанов, 1980].

Для керамики конца эпохи бронзы В.В. Евдокимовым и В.И. Стефановым составлена классификация, в основу которой положено сходство и различие формы и орнамента (рис. 14; 15). По результатам классификации выделены три группы [Евдокимов, Стефанов, 1980]. В первую вошли крупные или средних размеров плоскодонные горшковидные сосуды с высокой прямой или слегка отогнутой наружу горловиной, плавно переходящей к слабо раздутому тулову, орнаментированные рядами прямых, наклонных и горизонтальных оттисков

штампа, зигзагами, «елочкой», сеткой и рядами ямок. Ко второй группе относятся небольшие сосуды с выраженной прямой или слегка отогнутой наружу горловиной, раздутым туловом. Орнаментирована эта керамика геометрическими узорами – треугольниками, зигзагами, ромбами, меандрами. Третья группа представлена миниатюрными сосудами, орнаментированными наклонными и вертикальными оттисками штампа, зигзагами [Евдокимов, Стефанов, 1980].

Для 50 образцов керамики нами проведено изучение типов исходного сырья и состава формовочной массы (табл. 5). Все изделия изготовлены из ожелезненной глины, где в качестве естественных примесей зафиксированы включения разноразмерного окатанного бурого железняка (36 экз.). Различия в исходном сырье проявляются в степени запесоченности. Так, обнаружены экземпляры, изготовленные из средне- (42 ед.) и низкозапесоченной глины (8 ед.).

Как минеральная добавка в формовочную массу во всех образцах зафиксирован шамот (рис. 16, 1, 2). По способу калибровки он подразделяется на некалиброванный (размерность от 0,5 до 8 мм; 39 ед.) и калиброванный по верхней границе (размерность от 0,5 до 2 мм). Различия проявляются и в концентрации шамота. Так, зафиксированы пропорции сырья и примеси в соотношениях 1 : 4 (4 ед.), 1 : 5 (18 ед.), 1 : 6 (18 ед.), 1 : 7 (9 ед.), 1 : 8 (1 ед.). Подобные результаты демонстрируют устойчивую традицию концентрации шамота в соотношении 1 : 5–6, к которой относится более половины выборки (36 ед.), с небольшими отклонениями.

Второй минеральной примесью, зафиксированной в одном образце, является калиброванный средний и крупный (размерность от 1 до 2,5 мм) песок. Он добавлен в формовочную массу вместе с шамотом в концентрации 1 : 6. Авторами раскопок отмечена искусственная примесь песка в формовочной массе керамики, отнесенной ко второй группе [Евдокимов, Стефанов, 1980]. Однако, нами только в одном случае для изделий второй группы при исследовании состава формовочной массы зафиксирована искусственная примесь песка, что является скорее исключением для этой посуды.

Органические примеси обнаружены в 45 образцах и представлены органическим раствором из навоза жвачных животных (44 ед.; рис. 16, 3) и навозом жвачных животных (1 ед.).

Таким образом, по результатам анализа определены четыре рецепта формовочной массы:

1. Глина + шамот + органический раствор – 43 ед.;
2. Глина + шамот – 5 ед.;
3. Глина + шамот + навоз – 1 ед.;
4. Глина + шамот + песок + органический раствор – 1 ед.

В целом, технико-технологически данные изделия укладываются в типичную для пахомовской культуры традицию отбора исходного сырья и составления формовочной массы [Илюшина, 2015; 2017; Селин, 2016а]. Наличие рецептов без органических примесей и с добавкой песка могут являться результатом смешения с другими культурами конца эпохи бронзы, возможно ирменской или сузгунской, для которых подобные рецепты являются достаточно распространенными [Мыльникова, 2015].

Следует подчеркнуть, что поселение Прорва по совокупности признаков относится к собственно пахомовской культуре, однако, этот памятник, судя по всему, является первым в цепочке памятников с пахомовской керамикой в Обь-Иртышском междуречье и Притарье, и, хотя орнаментация посуды и технология ее изготовления позволяют отнести этот памятник к собственно пахомовской культуре он маркирует собой начало проникновения пахомовского населения на восток.

Поселение Алексеевка-XXI расположено в Муромцевском р-не Омской обл., на останце первой надпойменной террасе правого берега р. Иртыш (рис. 1; 2). Памятник исследовался С.С. Тихоновым и Л.В. Татауровой [Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997]. По результатам раскопок на поселении изучено полностью одно жилище и частично – два (рис. 17). Полностью изученное жилище 1 представляет собой котлован подпрямоугольной формы размерами 2,2 × 5,5 м, вытянутым по линии С-Ю и углубленным в материк на 0,03-0,1 м. В юго-

восточном углу зафиксирован коридорообразный выход, являющийся продолжением восточной стенки. Ширина выхода – 1,2 м, длина – 0,7-0,8 м. Южная часть коридора примыкает к котловану жилища 3 и, возможно, перекрывается последним. Объекты внутри котлована представлены небольшим (0,25 × 0,8 м) проколом в северо-восточной части жилища, скоплением обломков обожженной глины. От жилища 2 исследована незначительная часть котлована размерами 1,3 × 1,4 м и углубленного в материк на 0,15-0,35 м. Внутри постройки изучено три хозяйственных ямы. Жилище 3 примыкало к жилищу 1 с юга. Раскопана часть конструкции размерами 1,3 × 3,8 м и глубиной 0,1-1,2 м. Выявленная стенка ориентирована по линии ЮЗЗ-СВВ. Внутри котлована вдоль стены располагались три ямы и два прокала. В заполнении жилищ обнаружены многочисленные фрагменты керамики, кости животных, птиц и рыб. Кроме этого, над жилищем 1 располагался зольник [описание по: Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997]. Внутри котлована 1 и 3 обнаружены развалы сосудов и череп лошади, что, вместе с небольшими размерами котлована 1, натолкнуло исследователей на интерпретацию данных построек как культовых [Полеводов, 2003]. На наш взгляд, интерпретация данного памятника как культового преждевременна, так как общий характер материала, отсутствие находок и специфичных объектов, несущих явный ритуальный характер, позволяют, скорее, считать этот памятник поселением, где внутри жилищ могли проводиться ритуальные практики.

Керамический комплекс поселения Алексеевка XXI описан и проанализирован в ряде работ [Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997; Полеводов, 2003; Шерстобитова, 2009] (рис. 18; 19). В керамической коллекции исследователями выделена посуда нескольких культур – пахомовской (28,6 %), сузгунской (14,3 %), позднесузгунской (21,4 %), ирменской (32,1 %), алексеевско-саргаринской (1 %) и отмечен смешанный характер. Нам бы хотелось обратить внимание на некоторые изделия, схожие по форме и орнаменту с изделиями, обнаруженными на памятниках восточного варианта пахомовской культуры. Так, сосуд с раздутым туловом и узкой горловиной (рис. 18, 4) схож с

подобными экземплярами с памятников Старый Сад, Гришкина Заимка и Абрамово-4 (рис. 96). Низкому изделию с неорнаментированной горловиной и рядами ромбов по тулову (рис. 18, 7) аналогии известны на памятниках Гришкина Заимка и Гандичевский совхоз (рис. 98, 6, 7).

Что касается стратиграфической позиции этих культур между собой на памятнике, то авторами первой публикации материалов поселения отмечено, что, возможно, жилища 1 и 3 разновременны, так как на поздних этапах существования площадь первого объекта могла использоваться для складирования мусора и золы, в результате чего образовалось подобие ирменского зольника [Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997, с. 189]. В своей диссертационной работе А.В. Полеводов предполагает для этого поселения несколько другую стратиграфическую ситуацию – «жилища 1 и 3, содержавшие пахомовскую и сузгунскую керамику, оказались перекрыты холмообразным зольником, насыщенным фрагментами керамики ирменской и позднесузгунской посуды» [Полеводов, 2003].

Для пахомовской культуры с памятника Алексеевка-XXI проведено изучение типов исходного сырья и состава формовочной массы (табл. 6). Изучены образцы от 50 сосудов. Все изделия изготовлены из ожелезненной глины, где в качестве естественных примесей зафиксированы фракции разноразмерного окатанного бурого железняка (21 ед.), мелкие пластинки слюды (8 ед.), включения мелкого окатанного известняка (1 %). Различия в исходном сырье проявляются в степени запесоченности. Так, обнаружены экземпляры, изготовленные из низко- (19 ед.) и среднезапесоченной (31 ед.) глины. Подобная разница в степени запесоченности исходного сырья может свидетельствовать о том, что гончары, изготавливавшие посуду на поселении, использовали две залежи глины.

Как минеральная добавка в формовочную массу во всех образцах зафиксирован шамот. По способу калибровки он подразделяется на некалиброванный (размерность от 0,5 до 8 мм; 38 ед.), калиброванный по верхней границе (размерность от 0,5 до 2 мм, 9 ед.), калиброванный по нижней границе (размерность от 1 до 3 мм, 1 ед.) и калиброванный мелкий (размерность от 0,5 до

0,9 мм, 2 ед.). Подобное многообразие способов калибровки примеси может являться следствием неустойчивости гончарной технологии. Концентрация шамота в глинистом сырье также различна. Зафиксированы пропорции сырья и примеси в соотношении 1 : 3 (1 ед.), 1 : 4 (1 ед.), 1 : 5 (9 ед.), 1 : 6 (12 ед.), 1 : 7 (13 ед.), 1 : 8 (12 ед.), 1 : 9 (1 ед.). Подобные результаты демонстрируют две традиции концентрации шамота в соотношении 1 : 5–6 (21 ед.) и 1 : 7–8 (25 ед.). В девяти образцах зафиксирован шамот в шамоте, что свидетельствует об устойчивой традиции добавления примеси в формовочную массу.

Органические примеси обнаружены в 46 образцах и представлены органическим раствором из навоза жвачных животных (44 ед.) и навозом жвачных животных (2 ед.).

Таким образом, по результатам технико-технологического анализа определены пять рецептов формовочной массы:

1. Глина + шамот + органический раствор – 88 % (44 ед.);
2. Глина + шамот – 8 % (4 ед.);
3. Глина + шамот + навоз – 4 % (2 ед.).

В целом, технико-технологически данные проанализированных изделий укладываются в типичную для пахомовской культуры традицию отбора исходного сырья и составления формовочной массы [Илюшина, 2015; 2017; Селин, 2016а]. Наличие рецептов без органических примесей может являться результатом смешения гончарной технологии населения, оставившего памятник Алексеевка-XXI, с технологией представителей других культур конца эпохи бронзы, возможно ирменской, для которой подобный рецепт является достаточно распространенным [Мыльникова, 2015].

Таким образом, памятник Алексеевка XXI является разновременным поселением, на территории которого, в эпоху поздней бронзы, сосуществовало население разных культур, в том числе пахомовская. Это поселение, как и Прорва, на наш взгляд, маркирует собой начало проникновения групп пахомовского населения на восток по р. Тара.

Поселение Новочекино-3 располагается в Кыштовском р-не Новосибирской обл., на второй надпойменной террасе р. Тара (рис. 1; 2). Памятник исследовался В.И. Молодиным и М.А. Чемякиной [Молодин, Чемякина, 1984; Молодин, 1985]. По результатам раскопок зафиксированы материалы трех периодов – ранней, поздней бронзы и раннего железного века.

К периоду поздней бронзы относятся два изученных на памятнике жилища [Молодин, Чемякина, 1984, с. 40-42]. Жилище № 1 подквадратной формы, общая площадь составляет около 130 кв. м, котлован углублен в материк на 0,1-0,3 м. Выход располагался в западной части. Жилище № 2 подпрямоугольной формы, площадь его примерно равна жилищу № 1. Котлован углублен в материк на 0,2-0,3 м, выход, судя по всему, разрушен (рис. 20).

Для периода эпохи поздней бронзы на данном поселении зафиксирована керамика, сопоставимая с тремя археологическими культурами – ирменской, восточнопахомовской и барабинским вариантом сузгунской культуры [Марченко, 2009]. Количественно доминируют материалы барабинского варианта сузгунской культуры, что позволяет отнести памятник к этой культуре, однако материалы пахомовской и ирменской культуры составляют достаточно выраженную выборку.

Для керамики конца эпохи бронзы В.И. Молодиным и М.А. Чемякиной составлена классификация керамики, в основу которой положено сходство и различие формы и орнамента. По результатам классификации выделены три группы [Молодин, Чемякина, 1984]. Керамика, сопоставимая с пахомовской культурой, отнесена исследователями к группе 3 (рис. 21; 22). Она орнаментирована рядами косых треугольников по горловине, поясами, заполненными наклонными оттисками штампа, желобками (рис. 21, 20) и желобками с насечками (рис. 21, 1) Тулово изделий украшено меандровидными узорами. Придонная часть декорирована вертикальными и наклонными оттисками штампа (рис. 21, 27) Зафиксированы случаи, когда горловина не орнаментировалась полностью (рис. 22). Орнаменты нанесены гребенчатым штампом.

Для восточнопахомовской керамики (30 экз.) памятника Новочекино-3 проведено изучение типов исходного сырья и состава формовочной массы (табл. 7). Все изделия изготовлены из ожелезненной среднезапесоченной глины, где в качестве естественных примесей зафиксированы фракции мелкого окатанного бурого железняка (13 экз.) и мелкие пластинки слюды (1 экз.).

В качестве минеральной добавки в формовочную массу во всех образцах зафиксирован шамот (рис. 23, 1, 3, 4), который в 17 случаях не калибровался (размерность от 0,5 до 7 мм), а в 14 – калибровался по верхней границе (размерность от 0,5 до 2 мм). Концентрация шамота в глинистом сырье в девяти случаях составляет 1 : 5 и 1 : 7–8, для четырех образцов равна 1 : 6, для четырех – 1 : 9–10, в двух изделиях она определена как 1 : 3. В семи образцах выявлен шамот в шамоте, что свидетельствует о устойчивой традиции добавления этой примеси в состав формовочной массы (рис. 23, 3).

Второй минеральной примесью, зафиксированной в составе формовочной массы одного сосуда, является дресва (рис. 23, 4). В качестве минерала использовался дробленый гранито-гнейс. Дресва не калибровалась и добавлялась в концентрации 1 : 2. Органическая примесь обнаружена во всех экземплярах и представлена органическим раствором из навоза жвачных (рис. 23, 2).

Таким образом, по результатам анализа определено два рецепта формовочной массы:

1. Глина + шамот + органический раствор (29 экз.);
2. Глина + дресва + шамот + органический раствор (1 экз.)

В целом, технико-технологически данные изделия укладываются в типичную для пахомовской культуры традицию отбора исходного сырья и составления формовочной массы. Выбивается рецепт с добавлением в формовочную массу дресвы из гранито-гнейсовой породы. Подобная примесь не характерна ни для одной культуры эпохи бронзы Барабинской лесостепи [Мыльникова, 2015]. К настоящему моменту зафиксировано несколько образцов керамики восточного варианта пахомовской культуры с подобной дресвой, найденных на культовом комплексе памятника Тартас-1 [Селин, 2016а]. Для

керамики других культур с анализируемого памятника Л.Н. Мыльниковой выполнен технико-технологический анализ. Так, для барабинского варианта сузгунской культуры характерным рецептом формовочной массы является глина + шамот + песок + органический раствор, в то время как добавка песка для пахомовской керамики не характерна [Мыльникова, 2015, с. 257; Селин, 2016а].

Поселение Нижняя Тунуска-3 расположено в Омской обл., в верховьях р. Тара (рис. 1; 2). Памятник исследовался И.Г. Глушковым. Керамический комплекс памятника, по мнению исследователя, демонстрирует начальные этапы формирования сузгунской культуры в результате взаимодействия лесостепного андронидного населения и местного [Глушков, 2003]. Помимо этого, на поселении зафиксировано несколько сосудов, которые можно отнести к восточному варианту пахомовской культуры [Марченко, 2009] (рис. 24; 25). Они представляют собой вытянутые горшки с высокой широкой горловиной и узким дном. Изделия плавно профилированы (рис. 24, 1, 2). Орнаментирована посуда монотонными узорами, разделенными на зоны. По горловине нанесены узоры в виде сетки и зигзагов, фиксируются наклонные оттиски штампа и косые насечки. Помимо этого, в месте перехода горловины к плечу у сосудов оформлены желобки, иногда сопровождаемые наклонными оттисками штампа (рис. 24, 2, 3; 25), что является характерным индикатором пахомовской культуры. Тулово украшено рядами наклонных оттисков штампа и косыми насечками. У одного изделия фиксируется подобие геометрического орнамента, представляющего собой примыкающие друг к другу параллелограммы (рис. 25, 4). Кроме этого, по всему полному телу сосудов нанесены ряды опоясывающих ямок, которые являются маркером влияния сузгунских орнаментальных традиций (рис. 24, 1-3, 5; 25).

Аналогии изделиям можно найти как в комплексах собственно пахомовской культуры, так и восточного варианта. К первым относятся изделия с памятников Ново-Шадрино VII [Корочкова, 2010, с. 15, рис. 5, 16], Ук III [Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991; Корочкова, 2010, с. 23, рис. 10, 2], Пахомовская Пристань I [Корочкова, 2010, с. 29, рис. 13, 16], Инберень IV [Корочкова, 2010, с.

43, рис. 2, 1, 11]. На памятниках восточного варианта пахомовской культуры подобные сосуды известны на памятниках Старый Сад (рис. 37, 3; 41, 3, 6), Тартас-1 (рис. 84, 2; 89, 2-4).

Таким образом, к настоящему времени обнаружено семь поселений, на которых выявлены материалы восточного варианта пахомовской культуры. Из них на трех памятниках (Прорва, Алексеевка XXI, Ложка-6) восточнопахомовская керамика является доминирующей, что дает возможность отнести эти памятники к этой культуре. На трех других поселениях (Новочекино-3, Нижняя Тунуска-3, Туруновка-4) посуда восточного варианта пахомовской культуры малочисленна и обнаружена среди изделий других культур (ирменской, позднеирменской, барабинского варианта сузгунской культуры), что позволяет считать ее субстратной группой. Данные по памятнику Ходуненково-2 отрывочны, но, судя по всему, доминирующей посудой на нем являлась восточнопахомовская и памятник представлял собой поселение, схожее с Ложкой-6, которое расположено неподалеку. О планировке поселений судить крайне затруднительно, так как восточнопахомовские поселения изучены достаточно слабо, а выраженные рельефные признаки у котлованов отсутствуют.

Жилища, исследованные на памятниках восточного варианта пахомовской культуры, представляли собой подпрямоугольные каркасно-столбовые конструкции с углубленным на 0,1–0,5 м в материк котлованом. Размеры построек варьируют от 2,2 × 5,5 м до 9,6 × 9,3 м. У конструкций зафиксированы выходы, направленные в сторону водоема (рис. 3; 9; 13; 17; 20). Внутри жилых помещений располагались хозяйственные объекты и очаги. В некоторых случаях внутри жилищ зафиксированы следы культовых практик (Алексеевка XXI), что не является редкостью для конца эпохи бронзы. Следы ритуалов зафиксированы внутри жилищ пахомовской [Корочкова, 2010; Ткачев Ал.Ал., 2017], сузгунской культур [Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995]. Аналогии этому типу жилищ известны в культурах конца эпохи бронзы, таких как пахомовская [Корочкова, 2010; Костомаров, 2010], ирменская [Молодин, 1985], позднеирменская

[Молодин, Колонцов, 1984; Молодин, Парцингер, Кривоногов, 2009, с. 20], еловская [Матющенко, 1974; Косарев, 1981].

Одним из характерных признаков поселений собственно пахомовской культуры в Тоболо-Иртышском междуречье является наличие крупных зольников. Подобный объект обнаружен на памятнике Алексеевка XXI. Он перекрывает собой жилище 1 и насыщен фрагментами ирменской и позднесузгунской посуды, что не позволяет отнести его непосредственно к пахомовской культуре [Полеводов, 2003]. На других поселениях восточного варианта пахомовской культуры зольников к настоящему моменту не выявлено. Другим отличием от жилищ пахомовской культуры, для которых характерна многокамерность [Корочкова, 2010, с. 62], является то, что все изученные конструкции восточного варианта однокамерные, однако подобная картина может измениться с накоплением новых данных.

Таким образом, можно выделить несколько черт поселенческих комплексов восточного варианта пахомовской культуры:

1. Котлованы жилищ подпрямоугольной формы;
2. Жилища представляли собой однокамерные каркасно-столбовые сооружения с углубленным в материк котлованом;
3. Внутри построек располагались хозяйственные объекты и очаги;
4. Внутри построек фиксируются следы ритуальных практик;
5. На площади поселений отсутствуют захоронения животных и человека.

На поселенческих комплексах других синхронных культур Барабинской лесостепи и Притарья так же зафиксированы однокамерные каркасно-столбовые сооружения с углубленным в материк котлованом с наличием внутри хозяйственных объектов, что позволяет считать эти признаки универсальными для традиций домостроительства в эпоху поздней бронзы и переходное к раннему железному веку время [Молодин, 1985; Чича – городище..., 2009, с. 27]. Однако, наряду с однокамерными, для данной территории изучены многокамерные жилища, пока не зафиксированные на восточнопахомовских поселениях. Кроме

этого, достаточно частой находкой на поселениях переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку являются погребения животных и человека, не обнаруженные к настоящему моменту на территории восточнопахомовских поселений [Чича – городище..., 2009, с. 78].

Керамические коллекции поселенческих памятников восточного варианта пахомовской культуры неоднородны. В них выделяется посуда с поселений Прорва и Алексеевка XXI, которая, хоть и является смешанной [Евдокимов, Стефанов, 1980; Шерстобитова, 2009], но по технологии, морфологии и орнаментации ближе к экземплярам подобных изделий собственно пахомовской культуры [Корочкова, 2009; 2010; Костомаров, 2010]. Здесь хотелось бы еще раз подчеркнуть, что эти два поселения отнесены нами к восточному варианту по географическому принципу, так как расположены в правобережном Прииртышье и маркируют собой начало проникновения групп пахомовского населения на восток. Однако на памятнике Алексеевка XXI фиксируются изделия, схожие по форме и орнаментации изделиям с таких памятников, как Старый Сад и Гришкина Заимка (рис. 18, 4, 7). Посуда других поселений, в первую очередь с памятника Ложка-6, при сохранении некоторых характерных черт пахомовской орнаментации («желобки с насечками», обрамление элементов орнамента «бахромой» [Корочкова, 2010, с. 58]), приобретает орнаментальные композиции, свойственные не для пахомовской, а для других культур конца эпохи бронзы. К ним относятся пояса, заполненные оттисками гребенчатого штампа, крупные ромбы, расположенные на тулове (рис. 5, 4). В технологии изготовления керамики появляются смешанные рецепты с использованием в качестве искусственных добавок в формовочную массу песка, дресвы и навоза. Подобные примеси характерны для позднеирменской, сузгунской и бегазы-дандыбаевской культур, на поселениях которых также обнаружена восточнопахомовская керамика (Новочекино-3, Нижняя Тунуска-3, Туруновка-4).

Глава 3. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В главе будут проанализированы погребальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры. Для анализа отдельных элементов погребального обряда, таких как форма рвов, организация сакрального пространства, нами разработаны классификационные схемы.

К настоящему моменту на погребальных памятниках восточного варианта пахомовской культуры обнаружено 28 рвов различной формы. Подобное разнообразие требует их упорядочивания в рамках классификационной схемы. В основу классификации положена форма рвов, так как этот признак является наиболее общим. Дробная классификация может быть проведена по частным характеристикам, таким как наличие «разрывов» [Селин, 2016б].

Таким образом, для классификации рвов представлена следующая схема:

1. Класс (форма рва в плане);
  - 1.1. Вид (количество «разрывов»).

Еще одной отличительной особенностью погребальных комплексов восточного варианта пахомовской культуры является вариативность в способах организации сакрального пространства. К настоящему времени не существует общепринятого определения термина «сакральное пространство» как в археологии, так и в других науках. Например, в этнографии значение термина «пространство» обширно и многозначно, и, в конкретной культуре, оно может наполняться разным смыслом. В архаичной модели мира «пространство» всегда будет одухотворено и качественно разнородно, оно всегда заполнено [Топоров, 2008, с. 833-834]. При этом, освоение нового пространства связано с обрядами освящения и после проведения ритуалов, проникновение чужеземца на эти территории является святотатством [ван Геннеп, 1999, с. 20]. Т.е. пространство так или иначе сакрализуется.

В археологической литературе так же нет единого определения рассматриваемому понятию. В работе Ю.А. Смирнова [1997] «сакральное

пространство» не выделено как особая категория, связанная с похоронами. В качестве термина, объединяющего всю совокупность взаимосвязанных объектов, сооружаемых при захоронениях умерших, выступает погребальный комплекс [Смирнов, 1997]. В специализированных археологических словарях [Брей, Трамп, 1990; Матюшин, 1996] так же нет определения сакрального вообще и сакрального пространства в частности.

Мы придерживаемся мнения, что в ходе похорон вокруг умершего формируется особое сакральное пространство. Обусловлено это с тем, что практика захоронения связана с обрядами перехода, в ходе которого происходит отделение умершего от мира живых и приобщение его к миру мертвых [ван Геннеп, 1999, с. 134-151]. Для отделения умершего от живых, вокруг него формируется особое пространство, используемое, затем, и в поминальных обрядах [Топоров, 2008, с. 383-384].

Таким образом, исходя из особенностей материала, в данном исследовании под сакральным пространством в погребальной практике будем понимать, как отмечено во введении, взаимосвязанные археологические объекты, исследованные под одной курганной насыпью. Это вызвано тем, что при изучении межкурганной площади не выявлено каких-либо объектов ритуального характера, которые можно отнести к восточному варианту пахомовской культуры, т.е. сакральное пространство в погребально-поминальных ритуалах ограничивалось, видимо, рамками земляной конструкции.

Составить более детальное представление об организации сакрального пространства позволяет анализ информации о следующих объектах:

1. Курганная насыпь;
2. Могильная яма;
3. Яма;
4. Прокалы;
5. Рвы.

Для полного отражения способов организации сакрального пространства разработана классификационная схема, учитывающая различные варианты

сочетания вышеперечисленных объектов, количество и форму [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2014]:

1. Класс (выделяется по наличию или отсутствию надмогильного сооружения);

1.1. Вид (выделяется по сочетанию способов организации курганного пространства);

1.1.1. *Подвид* (выделяется по количеству тех или иных элементов организации курганного пространства);

1.1.1.1. *Вариант* (выделяется по форме тех или иных элементов организации курганного пространства);

1.1.1.1.1. Подвариант (выделяется по особенностям строения тех или иных элементов организации курганного пространства).

Таким образом, в схеме максимально учтены возможные сочетания способов организации сакрального пространства. Это позволяет определить однородность или вариативность в сакрализации пространства, что может, в свою очередь, являться свидетельством неоднородности и смешения различных традиций в изучаемой археологической культуре.

3.1 Погребальные комплексы долины р. Тартас

К настоящему моменту вдоль р. Тартас известно два памятника, на которых изучены захоронения восточного варианта пахомовской культуры – Старый Сад и Тартас-1. На этих некрополях обнаружено в совокупности 78 погребальных конструкций, включающих в себя 72 погребения (табл. 6, 7). Наиболее полно изученным памятником является Старый Сад, где раскопано 94 насыпи, 75 из которых отнесены к восточному варианту пахомовской культуры, 5 – к андроновской (федоровской) культуре, 12 – к саргатской, 3 объекта – к началу XX в и один объект – к эпохе неолита. Он расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл. (рис. 1; 2), в 5 км к юго-западу от с. Венгерovo, в 0,6 км к северо-востоку от заброшенного фруктового сада, на южном краю коренной

террасы Государева озера (рис. 26), к настоящему моменту почти полностью заболоченного. Памятник открыт в 1983 г. В.И. Молодиным. Первые раскопки в этом же году проведены Н.В. Полосьмак и В.И. Молодиным, основную часть памятника впоследствии изучил А.В. Нескоров, раскопав 87 курганных насыпей (1983–1984, 1987 гг.). Исследования могильника были продолжены в 2010–2011 гг. под руководством В.И. Молодина и Л.Н. Мыльниковой. За два года раскопано семь объектов, три из них относятся к восточному варианту пахомовской культуры.

Материалы разного времени частично введены в научный оборот [Полосьмак, 1987; Молодин, Нескоров, 1992; Молодин, Мыльникова, Дураков и др., 2010; Молодин, Мыльникова, Дураков и др., 2011; Молодин, Мыльникова, Нескоров, 2011; Ковтун, Нескоров, 2015; Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2016], а погребальные комплексы, относящиеся к восточному варианту пахомовской культуры, опубликованы полностью в монографии (табл. 8; 9) [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017].

Памятник Старый Сад является к настоящему времени наиболее полно изученным могильником пахомовской культуры и ее восточного варианта. В диссертационной работе под погребальным обрядом, как отмечено во введении, мы будем понимать систему преднамеренных действий, совершаемых в отношении умершего. На материалах изучаемых памятников мы зачастую можем проследить лишь отдельные проявления, выражающиеся в: особенностях планиграфии некрополей, конструкции надмогильных сооружений и погребальных камер, организации сакрального пространства, сопровождающего инвентаря и др. Выявление повторяющихся признаков среди описываемых комплексов позволяет делать выводы об особенностях погребального обряда изучаемого населения.

Могильник представлен компактной группой курганов (рис. 26). Можно уверенно констатировать, что некрополь формировался на озерной террасе и не нарушал более раннее андроновское (федоровское) кладбище. Четко определяются параметры пахомовского могильника. Протяжённость по линии С–

Ю составляет 434,2 м, З–В – 285,7 м. Если учитывать разрушения, связанные с проведением строительных работ на территории памятника, то, можно предположить, что первоначальное количество курганов могло быть большим, чем удалось зафиксировать.

На памятнике изучены 74 погребальные конструкции восточного варианта пахомовской культуры, под насыпями которых выявлено 69 погребений. Могильник сильно пострадал как от действий грабителей, так и от хозяйственной деятельности местного населения в XX в. Так, исследовано пять непо потревоженных погребений (п. 1, 2 к. № 24; п. 1, к. № 57; п. 2, к. № 67; п. 2, к. № 82), в восьми других захоронениях часть скелета, в основном костей ног, осталась *in situ* (п. 1, к. № 14; п. 1, к. № 29; п. 2, к. № 38; п. 1, к. № 59; п. 1, к. № 61; п. 1, к. № 65; п. 1, к. № 71; п. 1, к. № 83), что позволяет реконструировать положение умершего в могиле и ориентировку по сторонам света. В ходе земляных работ по строительству дороги частично или полностью уничтожены насыпи 12 курганов – № 34-37, 55, 71, 75, 82, 85, 87-89, поэтому на общем плане их границы выделены условно (рис. 26).

Насыпи курганов представляют собой оплывшие всхолмления высотой от 0,2 до 1,35 м при диаметре от 8 до 19 м. В ходе раскопок не прослежено каких-либо конструктивных особенностей сооружения насыпей, поэтому реконструировать способ возведения не представляется возможным.

Погребения располагались по центру насыпи, кроме двух случаев (к. № 60, 67), где захоронения сооружены по краям земляной конструкции. Если под курганной насыпью фиксируется ров, то могилы, ямы и прокалы находятся внутри пространства, которое этот ров огораживает (кроме к. № 57).

Захоронение умерших проводились в специально подготовленных погребальных камерах (59 ед.) и в насыпях курганов (10 ед.). Эти способы встречаются на могильнике как в разных комплексах, так и под одной земляной конструкцией (к. № 67), что позволяет говорить об их относительно одновременном существовании.

Форма могильных ям в 46 случаях (81 %) являлась подпрямоугольной, в двух – овальной (4 %), для девяти могил (15 %) однозначно конфигурацию установить не удалось из-за нарушенности.

Размеры погребальных камер укладываются по длине в 2,5–1,47 м и по ширине в 1,37–0,61 м. Глубина варьирует от 0,25 до 0,9 м. Стенки могильных ям в 39 случаях (69 %) расположены перпендикулярно дну, в 11 – наклонены наружу (19 %). Стенки других семи погребальных камер оказались разрушены в результате ограбления, поэтому определить их первоначальную конфигурацию не представляется возможным (12 %).

Ориентировка погребений по линии СЗ-ЮВ составила 33 случая (58 %), СВ-ЮЗ – 3 (5 %); по линии З-В – 2 (4 %). Для 19 погребений (33 %) ориентировку, из-за потревоженности, однозначно установить не удалось.

Погребальные камеры сильно повреждены, но в нескольких случаях удалось определить положение умерших в могилах (рис. 27):

1. Труположение, умерший расположен в погребальной камере на спине с подогнутыми вверх коленями – 2 случая (рис. 27, 1);
2. Труположение, умерший расположен в погребальной камере скорченно на левом боку с подогнутыми коленями - 6 случаев (рис. 27, 2);
3. Труположение, умерший расположен в погребальной камере скорченно на правом боку с подогнутыми коленями – 2 случая (рис. 27, 3);

Обнаружено также непотревоженное захоронение, в котором костяк взрослого человека лежит в среднем положении между скорчено на левом боку и на спине с подогнутыми вверх коленями (рис. 27, 4). Кроме того, на могильнике зафиксированы два предположительных случая вторичного захоронения, однако эти погребальные камеры потревожены, что затрудняет однозначную интерпретацию.

В ряде погребальных камер (п. 1, к. № 45; п. 1, к. № 59; п. 1, к. № 65; п. 1, к. № 75; п. 1, 2, к. № 82) обнаружен древесный тлен, что позволяет предполагать наличие перекрытия. Следы перекрытия известны в погребальных комплексах могильников Еловка II [Матющенко, 2004, с. 334] и Гришкина Заимка [Молодин,

Мыльникова, Гаркуша и др., 2015, с. 54], близких по времени комплексов Западной Сибири.

Вторую группу составляют погребения, сооруженные в насыпях курганов (к. № 18; 20; 25; 26; 50; 62; 63; 64; 66; 67). К моменту раскопок они представляли собой расположенные в земляных конструкциях на разной глубине разрозненные кости человека, разница в глубине между отдельными фрагментами скелета могла достигать 0,7 м (рис. 28). Размеры площади, на которой расположены останки, варьирует от 0,5 × 0,55 м до 2,8 × 1,5 м. В трех случаях непосредственно с фрагментами скелета умершего зафиксированы различные артефакты (к. № 20, 66, 67). Следует отметить, что на могильнике Гандичевский совхоз зафиксированы непо потревоженные захоронения восточного варианта пахомовской культуры, совершенные в насыпи и на погребенной почве. Эти погребения совершены по обряду трупоположения скорченно на боку. Как сопроводительный инвентарь обнаружены керамические сосуды и бронзовые изделия [Молодин, Сидоров, Мыльникова и др., 2016].

Под насыпью кургана № 18 могильника Старый Сад (рис. 29) обнаружен единственный на могильнике случай трупосожжения. Кальцинированные фрагменты костей человека располагались над прокалом, а рядом с ними обнаружен керамический сосуд. Случаи трупосожжения изредка фиксируются в погребальной практике населения ирменской и еловской культур, однако подобный обряд для них не характерен [Молодин, 1985, с. 135]. Для пахомовской культуры в Тоболо-Иртышском междуречье так же не выявлено ни одного случая трупосожжения [Корочкова, 2010; Костомаров, 2010].

Одной из особенностей погребальной практики населения восточного варианта пахомовской культуры могильника Старый Сад является сооружение курганных насыпей без захоронений умерших (рис. 30). Зафиксировано 16 подобных случаев (к. № 5, 17, 21-23, 28, 31, 34, 35, 36, 39, 41, 55, 68, 84, 88). Можно встретить как насыпь кургана без каких-либо дополнительных конструкций (к. № 22), так и достаточно сложные сооружения, в которых присутствуют ров, ямы, прокалы, керамический и бронзовый инвентарь. Можно

предположить, что подобные курганы являются кенотафами, однако, только в одном случае достаточно уверенно фиксируется наличие погребальной камеры с сопроводительным инвентарем, но без останков умершего. В других вариантах ямы или слишком малы, или отсутствуют вовсе. Анализ планиграфии могильника демонстрирует, что эти конструкции без погребений расположены вместе с курганами с захоронениями. Как особую группу можно выделить только курганы № 34-36, расположившиеся компактной группой в линию на Ю-В периферии некрополя (рис. 26).

Отдельного анализа требуют зафиксированные под насыпями курганов рвы (к. № 6, 8, 9, 17, 20, 21, 26, 31, 32, 34-36, 42, 50, 54, 57, 61-64, 67, 68, 83, 84, 88). Интерес вызывает их многообразие по форме. Информация о форме рвов, например, на могильнике Тартас-1, позволяет предположить, что разнообразие было еще более широким, чем известно [Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2011, с. 102]. В Барабе на памятниках андроновской (федоровской) культуры (Преображенка-3, Старый Тартас-4, Погорелка), предшествовавшей пахомовской, ров был, скорее, исключением. Столь же редко встречаются рвы и на могильниках ирменской культуры (Преображенка-6), частично синхронной пахомовской [Молодин, 1985]. Исследованный могильник Старый Сад свидетельствует о том, что этот элемент погребальной практики с течением времени становится более заметным, что делает необходимым их классификацию.

Основываясь на предложенной выше классификации рвы, обнаруженные на могильнике Старый Сад, распределены следующим образом:

Класс 1. Овальная (14 ед.);

Вид 1.1. Нет «разрывов» (к. № 6; 26);

Вид 1.2. Один «разрыв» (к. № 9; 17; 20; 21; 31; 35);

Вид 1.3. Два «разрыва» (к. № 42; 61);

Вид 1.4. Три «разрыва» (к. № 57; 68);

Вид 1.5. Четыре «разрыва» (к. № 83; 84);

Класс 2. Подквадратная (8 ед.);

Вид 2.1. Один «разрыв» (к. № 32; 34; 36; 50);

Вид 2.3. Три «разрыва» (к. № 54; 64; 67; 88);

Класс 3. Многоугольная (2 ед.);

Вид 3.1. Один «разрыв» (к. № 8);

Вид 3.3. Три «разрыва» (к. № 63).

Овальная форма рвов встречается чаще других (14 ед.), в этом же классе фиксируется наибольшая вариабельность и в количестве «разрывов», насчитывающая пять видов. Подквадратная форма отмечена в восьми случаях. Рвы данного класса укладываются в два вида, где присутствуют объекты с одним и тремя «разрывами», но отсутствуют полностью замкнутые и имеющие два «разрыва». К третьему классу отнесены два рва. Один представляет собой пятиугольную фигуру в плане (к. № 8), а второй – восьмиугольную с тремя «разрывами» и перемычкой (к. № 63).

Находки обнаружены в шести рвах (к. № 21; 34-36; 68; 83). Во всех случаях они представлены керамическими сосудами, в одном – костями крупного рогатого скота (к. № 35) и бронзовой серьгой (к. № 6). Изделия найдены в курганах как с овальной формой рвов (к. № 21; 35; 68), так и с подпрямоугольной (к. № 34; 36). Отсутствуют артефакты только в рвах многоугольной формы.

Проведенное планиграфическое исследование (рис. 31) позволило установить, что земляные конструкции со рвами находятся не в центре могильника, а окружают курганы без рвов (к. № 59; 82; 65 и др.). Курганы со рвами формируют ряды, которые не нарушают планиграфию могильника (к. № 67; 68; 54; 34-36). При анализе курганов со рвами разных классов какой-либо взаимосвязи между формой рва и его местонахождением на могильнике не зафиксировано. Стоит только отметить, что курганы 3 класса (с многоугольными рвами) находятся на периферии некрополя, и за ними нет других земляных конструкций этого времени.

Как аналогии рвам могильника Старый Сад можно привести сооружения, относимые к сузгунской культуре, Абатского I курганного могильника. Дополнительной чертой, сближающей рвы этих двух могильников, является размещение сосудов на их дне [Полеводов, 2003]. Так же, на р. Ишим удалось

выявить наличие «разрушенной квадратной канавки», ограждающей захоронение [Корочкова, 2010, с. 68], однако ни в одном указанном случае не наблюдается большого количества рвов и многообразия по форме. Аналогии конструкциям подквадратной формы известны в мавзолеях Северного Тагискена, в которых обнаружены ограды со входами вокруг погребальных камер [Итина, Яблонский, 2001].

У населения восточного варианта пахомовской культуры было распространено использование огня в погребальной практике. Так, прокалы обнаружены под насыпями 29 курганов (к. № 1; 18; 26; 28; 39; 40-42; 48; 50; 51; 55; 56; 58; 60-63; 65; 67-69; 70; 71; 83; 86; 89; 91; 96). Они представляют собой линзы прокаленного грунта овальной или аморфной формы мощностью 0,02–0,27 м. Интересен курган № 48, под насыпью которого обнаружен участок прокаленной земли диаметром около 10 м. Подобные случаи обжигания площади погребальной конструкции известны в мавзолеях Северного Тагискена [Итина, Яблонский, 2001].

Отличительной особенностью могильника Старый Сад от известных некрополей пахомовской культуры Тоболо-Иртышья является вариативность в способах организации сакрального пространства в пределах каждой курганной насыпи.

Основываясь на описанной выше схеме организации сакрального пространства, составлена классификация способов организации сакрального пространства в эпоху поздней бронзы могильника Старый Сад (рис. 32):

Класс 1. Курганная насыпь:

Вид 1.1. Курганная насыпь – 1 ед. (№ 22).

Вид 1.2. Курганная насыпь + погребения – 21 ед.:

Подвид 1.2.1. Курганная насыпь + 1 погребение – 17 ед. (№ 4; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 25; 30; 27; 3; 29; 66; 92; 87; 75; 37);

Подвид 1.2.2. Курганная насыпь + 2 погребения – 3 ед. (№ 24; 38; 85);

Подвид 1.2.3. Курганная насыпь + 3 погребения – 1 ед. (№ 82).

Вид 1.3. Курганная насыпь + прокал – 3 ед.:

Подвид 1.3.1. Курганная насыпь + прокал – 3 ед. (№ 28; 39; 55).

Вид 1.4. Курганная насыпь + яма – 2 ед. (№ 5; 23):

Подвид 1.4.1. Курганная насыпь + 1 яма – 2 ед. (№ 5; 23).

Вид 1.5. Курганная насыпь + ров – 7 ед.:

Подвид 1.5.1. Курганная насыпь + 1 ров – 5 ед.:

Вариант 1.5.1.1. Округлый разомкнутый – 4 ед. (№ 17; 21; 31; 35; 84);

Вариант 1.5.1.2. Подпрямоугольный разомкнутый – 2 ед. (№ 34; 36).

Вид 1.6. Курганная насыпь + погребение + яма – 7 ед.:

Подвид 1.6.1. Курганная насыпь + погребение + 1 яма – 3 ед. (№ 16; 18; 59);

Подвид 1.6.2. Курганная насыпь + погребение + 2 ямы – 4 ед. (№ 2, 7; 49; 52).

Вид 1.7. Курганная насыпь + погребение + прокалы – 2 ед.:

Подвид 1.7.1. Курганная насыпь + погребение + 1 прокал – 1 ед. (№ 18);

Подвид 1.7.2. Курганная насыпь + погребение + 2 прокала – 1 ед. (№ 96).

Вид 1.8. Курганная насыпь + погребение + ров – 6 ед.:

Подвид 1.8.1. Курганная насыпь + погребение + 1 ров – 1 ед. (№ 18):

Вариант 1.8.1.1. Ров округлый – 4 ед.:

Подвариант 1.8.1.1.1. Ров сомкнутый – 1 ед. (№ 6);

Подвариант 1.8.1.1.2. Ров разомкнутый – 3 ед. (№ 9; 20; 62).

Вариант 1.8.1.2. Ров подпрямоугольный – 1 ед. (№ 32);

Вариант 1.8.1.3. Ров многоугольный – 1 ед. (№ 8).

Вид 1.9. Курганная насыпь + ров + прокал – 1 ед. (№ 68).

Вид 1.10. Курганная насыпь + ров + яма – 1 ед. (№ 88).

Вид 1.11. Курганная насыпь + ямы + 3 прокала – 1 ед. (№ 41).

Вид 1.12. Курганная насыпь + погребение + ямы + прокалы – 11 ед.:

Подвид 1.12.1. 2 погребения + 2 ямы + 2 прокала – 1 ед. (№ 60);

Подвид 1.12.2. 2 погребения + 3 ямы + 2 прокала – 1 ед. (№ 65);

Подвид 1.12.3. 3 погребения + яма + 3 прокала – 1 ед. (№ 91);

Подвид 1.12.4. Погребение + 2 ямы + 5 прокалов – 1 ед. (№ 40);

Подвид 1.12.5. Погребение + 2 ямы + 2 прокала – 1 ед. (№ 1);

Подвид 1.12.6. Погребение + 2 ямы + прокал – 3 ед. (№ 58; 51; 70);

Подвид 1.12.7. Погребение + 3 ямы + 4 прокала – 1 ед. (№ 69);

Подвид 1.12.8. Погребение + 3 ямы + прокал – 2 ед. (№ 56; 86).

Вид 1.13. Курганная насыпь + погребение + ров + ямы – 2 ед.:

Подвид 1.13.1. Курганная насыпь + погребение + ров + 2 ямы – 1 ед. (№ 54);

Подвид 1.13.2. Курганная насыпь + погребение + ров + 3 ямы – 1 ед. (№ 64).

Вид 1.14. Курганная насыпь + погребение + ров + прокалы – 5 ед.:

Подвид 1.14.1. Курганная насыпь + погребение + ров + 1 прокал – 2 ед.:

Вариант 1.14.1.1. Ров овальный разомкнутый – 2 ед. (№ 42; 83);

Вариант 1.14.1.2. Ров подпрямоугольный разомкнутый – 1 ед. (№ 50).

Подвид 1.14.2. Курганная насыпь + погребение + ров + 2 прокала – 1 ед. (№ 61);

Подвид 1.14.3. Курганная насыпь + погребение + ров + 3 прокала – 1 ед. (№ 26).

Вид 1.15. Курганная насыпь + погребение + ров + ямы + прокалы – 4 ед.:

Подвид 1.15.1. Курганная насыпь + 2 погребения + ров + 3 ямы + прокал – 1 ед. (№ 57);

Подвид 1.15.2. Курганная насыпь + погребение + ров + яма + прокал – 1 ед. (№ 63);

Подвид 1.15.3. Курганная насыпь + 2 погребения + ров + яма + 2 прокала – 1 ед. (№ 67);

Подвид 1.15.4. Курганная насыпь + погребение + ров + яма + 3 прокала – 1 ед. (№ 71).

Вид 1.16. Курганная насыпь + погребение + прокал по всей площади – 1 ед. (№ 48).

Таким образом, выявлено 16 различных видов организации сакрального пространства у населения восточного варианта пахомовской культуры, оставившего могильник Старый Сад (рис. 32, 33). Объединяет все виды наличие курганной насыпи, однако в остальном они сильно различаются как в сочетании объектов, так и в их количестве и форме.

Фиксируются две доминантные группы организации сакрального пространства (рис. 34).

1. Для 29 % анализируемых комплексов памятника характерны курганная насыпь и погребение. Если к ним добавить комплексы, на которых, кроме этих элементов, обнаружены прокалы и ямы (16 %), то в сумме они составят почти половину всего некрополя (45 %). Если же к ним прибавить комплексы, где обнаружены курган + погребение, а также ямы и прокалы, то доля достигнет 58 %.

2. Во вторую группу сооружений входят комплексы, где имеется ров. Таких сооружений 33 %. По-видимому, ров следует считать элементом, определяющим специфику организации сакрального пространства.

В целом, особенностями организации сакрального пространства населением восточного варианта пахомовской культуры (могильник Старый Сад) являются:

1. Видовая вариабельность (насчитывающая 16 видов);
2. Разнообразие используемых объектов для создания сакрального пространства (кроме курганной насыпи – рвы, прокалы, ямы и др.);
3. Различие по форме и количеству объектов под каждой курганной насыпью.

Вышеперечисленные факты могут свидетельствовать о смешении различных традиций, взаимодействии населения восточного варианта пахомовской культуры с населением других групп на территории Барабинской лесостепи и сохранением при этом каждой из сторон основных черт погребального обряда (курганная насыпь, трупоположение, трупосоожение).

Некоторые аналогии отдельным деталям организации сакрального пространства населения восточного варианта пахомовской культуры Барабы можно найти на могильниках бегазы-дандыбаевской культуры, для которых характерен принцип ограждения погребения различными сооружениями (круглыми, квадратными и др.) и в мавзолеях Северного Тагискена [Молодин, Нескоров, 1992, с. 95; Итина, Яблонский, 2001].

Следует отметить, что нами проведено несколько исследований особенностей планиграфии памятника Старый Сад. Как критерии анализа использовались данные по количеству сосудов, обнаруженных под одной насыпью, их расположение в разных контекстах, общее количество обнаруженных вещей внутри одной могилы и насыпи, обнаруженные курганы без следов захоронения умерших, распределение выделенных видов организации сакрального пространства. К сожалению, какой-либо явной корреляции и системы между обозначенными признаками и расположением погребальных сооружений в той или иной части могильника, зафиксировать не удалось.

Анализируемые погребальные комплексы, выделенные во вторую группу, являются своеобразным явлением для эпохи поздней бронзы Барабинской лесостепи. Подобных сооружений не зафиксировано как в самой пахомовской культуре [Корочкова, 2010, с. 68-70], так и в частично синхронных ей ирменской [Молодин, 1985, с. 131-136, Косарев, 1981, с. 179-180] и еловской культурах [Матющенко, 2001; 2004].

В исследованных погребальных комплексах восточного варианта пахомовской культуры памятника Старый Сад обнаружен представительный погребальный инвентарь, требующий детального анализа. В общей сложности до нас дошло 102 единицы изделий, изготовленных из различных материалов (керамика, бронза, кость, камень) и помещенных в разные места погребальных комплексов (ров, могила, яма, насыпь). В ряде погребений зафиксированы отдельные кости животных, общим количеством 14 экземпляров (бобер, лошадь, корова). Следует отметить, что в перечень изделий не включались находки единичных костей животных и фрагментов керамики, обнаруженных в насыпях курганов.

Полученный инвентарь разделяется на группы по материалу, из которого они изготовлены: 1) керамические изделия; 2) бронзовые изделия; 3) костяные изделия; 4) каменные изделия. Отдельную категорию 5 составили необработанные кости животных, найденные в погребениях.

Группа 1. Керамические изделия (рис. 35-41). На памятнике обнаружено 59 изделий разной степени сохранности и расположенных в разных местах погребальных комплексов. Так, 26 (44 %) сосудов обнаружены в погребениях, 15 (25 %) – в насыпях курганов, 11 (19 %) – во рвах и 7 (12 %) – в ямах. В 76 % посуда расположена в одном объекте под курганной насыпью, в 22 % - в двух объектах (курганы № 65, 66, 68 и др.) и в 2 % – в трех (курган № 67). При определении общего количества сосудов под одной насыпью выявлено, что в 47 % в погребальный комплекс помещались 1-2 сосуда, а в 42 % – посуда отсутствовала. Три экземпляра зафиксированы в 3 % случаев (курганы № 59, 36), четыре – 5 % (курганы № 14, 57, 65, 82), пять – 3 % (курганы № 67, 68).

Интерес для изучения представляет коллекция целых сосудов, так как навыки конструирования формы являются одними из наиболее устойчивых приемов гончарной технологии [Бобринский, 1978; Цетлин, 2012]. Количество доступных для исследования изделий насчитывает 40* экземпляров [Молодин, Мыльникова, Селин, 2014].

Морфологический анализ проведен с использованием нескольких методик: «Программы статистической обработки керамики из археологических раскопок» В. Ф. Генинга [1973, с. 114–135], метода изучения соотношения основных пропорций сосудов [Shepard, 1965], методики работы с экстремальными точками и графической корреляции полупрофилей сосудов [Nordström, 1972; Мыльникова, 2014] и метода определения общей пропорциональности сосудов [Актуальные проблемы..., 1999; Цетлин, 2012, с. 160–164]. Предложенные методики направлены на выявление как общих черт традиций изготовления сосудов определенных форм, так и особенностей коллекций отдельных памятников [Мыльникова, 2014, с. 42].

В ходе исследования по методу В. Ф. Генинга сосуды распределились по указателям следующим образом (табл. 10, 11):

ФА (указатель высотности сосуда) - низкие (76%), средние (24%);

---

*Остальные сосуды, к сожалению, оказались утраченными и не сохранились даже в рисунках и фотографиях

ФБ (указатель высоты горловины) – очень низкогорлые (100%);

ФВ (указатель ширины горловины) – широкогорлые (100%);

ФГ (указатель профилировки горловины) – с наклоном внутрь (52%), сильнопрофилированная (19%), среднепрофилированная (16%), очень сильнопрофилированная (8%), слабопрофилированная (5%);

ФД (высотный указатель тулова) – приплюснутое (78%); сильноприплюснутое (22%);

ФЕ (высотный указатель плечика) – высокое (62%); среднее (27%); очень высокое (11%);

ФЖ (указатель выпуклости плечика) – слабовыпуклое (57%); очень слабовыпуклое (24%); средневывпуклое (19%);

ФИ (указатель ширины дна) – широкодонное (52%); среднедонное (48%).

Обращает на себя внимание факт наличия сосудов, параметры которых совпадают друг с другом по всем указателям. К таковым относятся сосуды из погребения 1 кургана № 87 и погребения 1 кургана № 65, а также пара изделий из могилы 1 кургана № 52 и насыпи кургана № 69. Опираясь на разработки историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства ряда ученых [Бобринский, 1978; Волкова, 1998; Цетлин, 2012], можно предположить, что эти сосуды сделаны в рамках одного динамического стереотипа. Это свидетельствует об их определенной взаимосвязи, а также о том, что они могли быть вылеплены одним мастером. Однако данное положение требует проверки при помощи других критериев выделения посуды одного мастера, что к сожалению, затруднено тем, что эти сосуды утрачены [Волкова, 1998].

Сравнение основных пропорций сосудов показало, что соотношение высоты придонной части к общей высоте для 29 экземпляров (78 %) составило 1 : 2, что говорит о приземистости форм. Корреляция диаметра горловины и диаметра венчика для всей коллекции составила 1 : 1, что определяет их широкогорлость. Сравнение величины диаметра горловины с диаметром тулова в 23 случаях (62 %) составило соотношение 1 : 1. Преобладающей при сравнении диаметра дна к диаметру венчика является пропорция 2 : 3, выявленная в 24

случаях (64 %), что маркирует широкодонность изделий. Помимо этого, в 9-ти случаях (24 %) она составила 1 : 2, и в 5-ти (14 %) – 1 : 3, в одном (3 %) – 1 : 1. Величины диаметров венчика и диаметров тулова соотносятся в 25 случаях (67 %) как 1 : 1. У 4 экземпляров (11 %) соотношение равнялась 2 : 3 и у 8 (22 %) – 4 : 5, т.е. все изделия имеют закрытую форму. При этом графики основных пропорций сосудов продемонстрировали, что одни пропорции меняются линейно (диаметр венчика / диаметр горловины; диаметр венчика / диаметр дна), а другие – непропорционально (высота сосуда / высота плеча).

Подобные результаты представили прорисовки полупрофилей и «скелетов» сосудов, выполненных в едином масштабе (рис. 42, 1, 2). Они свидетельствуют о том, что при наличии «идеальной» модели присутствует множество направлений изменения. Это проявилось в разнообразии угла отгиба придонной части и плеча сосудов. При прорисовке сосудов с сохранением масштаба (рис. 42, 3) фиксируется ассортимент емкостей, который включает как малые, так и большие изделия. Таким образом, можно говорить об отсутствии жестких канонов пропорций для сосудов, используемых в погребальной практике. Помимо этого, прорисовка демонстрирует разнообразие в приемах оформления горловины, что проявляется в ее различной высоте и углах отгиба от тулова сосуда.

При выявлении общей пропорциональности сосудов (рис. 42, 4) установлено, что 73 % изделий (28 ед.) относятся к категории низко-средних пропорций, и их следует квалифицировать как, вероятно, «сосуды-подражания». 24 % (9 ед.) – к категории средних, т.е. «привычных» форм, которые характеризуются прямой или слегка отогнутой горловиной, приплюснутым туловом, средними и высокими плечиками различной степени выпуклости, а также наличием по тулову, горловине и придонной части геометрического и «елочного» орнамента. Помимо этого, один сосуд (3 %) попадает в категорию низких пропорций и является «чистой» формой [Актуальные проблемы..., 1999, с. 53-63; Цетлин, 2012, с. 166]. Отметим, что на границе между категориями средних и средне-низких пропорций находится четыре сосуда, которые созданы

мастерами, чьи динамические стереотипы начинают подстраиваться под существующие традиции формообразования.

Таким образом, морфологический анализ сосудов восточного варианта пахомовской культуры памятника Старый Сад демонстрирует неустоявшуюся гончарную традицию формообразования, что фиксируется в непропорциональности изменений соотношений пропорций сосудов, в размытости «эталона», а также в наличии «сосудов-подражаний», составляющих большую часть коллекции (73 %). А количество «старых сосудов-подражаний», которые характерны для культур с устоявшейся гончарной традицией, составляет только 12 % (4 экземпляра). Полученные выводы позволяют предположить смешение нескольких традиций формообразования, что, в свою очередь, может свидетельствовать о смешанном характере культурных традиций оставившего данный памятник населения [Актуальные проблемы..., 1999, с. 53-63; Цетлин, 2012, с. 166].

Кроме морфологического анализа проведено изучение типов исходного сырья и составов формовочных масс керамики. Из-за того, что значительная часть изделий утрачена, остались доступны образцы от 12 сосудов (табл. 12; рис. 43). Все изделия изготовлены из ожелезненной глины, где в качестве естественных примесей зафиксированы включения бурого железняка (5 экз.), мелкие пластинки слюды (1 экз.), фракции мелкого окатанного известняка (1 экз.). Различия в исходном сырье проявляются в степени запесоченности. Так, 8 образцов могут быть отнесены к среднезапесоченным, 3 – к низкозапесоченным и 1 – к высокозапесоченным. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что сырье добывалось в пределах одного района, но из разных залежей.

Как минеральная добавка в формовочной массе во всех образцах обнаружен шамот (рис. 43, 2, 3), который в 11 случаях не калибровался (размерность от 0,5 до 6 мм), а в одном – калибровался по верхней границе (размерность от 0,5 до 3 мм). В семи случаях концентрация шамота в глинистом сырье составляет 1 : 4-5, для четырех образцов – 1 : 5-6, и для одного – 1 : 7-8. В восьми образцах выявлен

шамот в шамоте, что свидетельствует о устойчивой традиции добавления этой примеси в состав формовочной массы.

Второй минеральной примесью, зафиксированной в составе формовочной массы одного сосуда, является дресва (рис. 43, 1). Как минерал использовался известняк (кальцит). Дресва не калибровалась и добавлялась в концентрации 1 : 4-5. Добавка дробленого известняка (кальцита) в формовочную массу не характерна ни для одной культуры эпохи бронзы Барабинской лесостепи [Мыльникова, 2015]. К настоящему моменту зафиксировано несколько образцов керамики восточного варианта пахомовской культуры с подобной дресвой, найденные на культовом комплексе памятника Тартас-1 [Селин, 2016а]. Кроме этого, подобная примесь выявлена в коллекции посуды бегазы-дандыбаевской культуры могильника Дандыбай [Селин, 2017]. Таким образом, можно предположить, что традиция добавления известняка в керамику не является местной, однако истоки ее до конца не ясны и требуют дополнительного изучения. Следует отметить, что в нескольких объектах на культово-производственном комплексе памятника Тартас-1 зафиксированы скопления крупных желваков известняка (кальцита), часть из которых обожжена [Молодин, Дураков, Кобелева и др., 2014, с. 217]. Судя по всему, именно эти конкреции в дальнейшем дробились и добавлялись в керамику.

Органическая примесь обнаружена во всех экземплярах и представлена органическим раствором из навоза жвачных (рис. 43, 4).

Таким образом, по результатам анализа определено 2 рецепта формовочной массы:

1. глина + шамот + органический раствор (11 экз.);
2. глина + шамот + дресва + органический раствор (1 экз.).

В целом, в ходе анализа выявлены устойчивые традиции отбора исходного сырья и составления формовочных масс населением восточного варианта пахомовской культуры.

Анализ технологии гончарного производства проведен для культур переходного времени от бронзового к железному веку [Мыльникова, Чемякина,

2002, Мыльникова, 2015]. Гончары этого времени при составлении формовочной массы в качестве минеральной примеси использовали шамот, что не позволяет считать его наличие спецификой какой-то конкретной культур. Для изделий ирменской и позднеирменской культур в Барабинской лесостепи характерно отсутствие органики (26 и 48 % соответственно) [Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 27-34], в то время как в керамике восточного варианта пахомовской культуры подобный рецепт встречается крайне редко. Как отмечено выше, исследование составов формовочных масс проведено и для керамики пахомовской культуры Тоболо-Иртышья. Зафиксировано 10 рецептов формовочных масс [Илюшина, 2015, с. 144], основу которых составляют шамот и органический раствор.

Следует отметить, что коллективом авторов под руководством Е.В. Ламиной проанализирована керамика с памятников эпохи поздней бронзы Барабинской лесостепи, в которую вошли образцы посуды из погребений Старого Сада. Исследователями отмечено присутствие в составе формовочной массы керамики грубозернистого минерального отощителя, т.е. дресвы [Ламина, Лотова, Добрецов, 1995, с. 84]. К сожалению, какой-либо информации по калибровке, концентрации и минеральному составу этой примеси, в монографии не приведено. Судя по всему, количество рецептов формовочной массы с добавлением дресвы на памятнике Старый Сад изначально было большим, чем удалось зафиксировать нам.

Типологизации керамики восточного варианта пахомовской культуры и приведению аналогий будет посвящен отдельный раздел в диссертационной работе (см. Гл. 5), здесь же хотелось бы подчеркнуть синкретизм керамических сосудов восточного варианта пахомовской культуры, обнаруженных на Старом Саду, проявляющийся как в морфологии, так и в орнаментации. Говоря в целом об орнаментальной схеме отчетливо выделяется андроновская (федоровская) схема элементов орнамента и композиционного построения и, значительно реже – композиционные построения, характерные для посуды эпохи поздней бронзы. Однако, наиболее яркая и представительная схема декора, состоящая из меандровидных фигур и фестонов из системы свисающих треугольников, уже не

выглядят классически. Это проявляется в дополнении мотивов новыми своеобразными геометрическими элементами, что не встречается на классической андроновской (федоровской) керамике. То же, в принципе, можно сказать и о композиции меандровидного орнамента, которая, хотя и тяготеет к андроновской традиции украшения нарядной посуды, тем не менее, дополнена новациями, не типичными для андроновской орнаментики. Говоря об общих тенденциях орнаментального построения нельзя не отметить наличие северного, по-видимому сузгунского, влияния, проявившегося в рядах круглых ямочных наколов, нанесенных разреженными рядами по поверхности сосуда и ощутимом бегазы-дандыбевском влиянии, выражающемся в использовании в орнаментации тонкого валика (рис. 40, 2), наличии крупных треугольных фестонов (рис. 38, 7; 39, 7; 40, 2), решетчатых ромбов (рис. 35, 7, 8) [Ломан, 2013, с. 251-253].

Группа 2. Бронзовый инвентарь (рис. 44-47). Интерес представляет бронзовый инвентарь, обнаруженный в погребальных комплексах могильника Старый Сад. Количество изделий составило 38 экземпляров, однако часть материала утрачена, поэтому выполнить характеристику и привести аналогии можно только по 22 предметам. Подавляющее большинство (34 ед.) артефактов обнаружены в погребальных камерах, по два предмета найдены в ямах (к. № 41; 60) и насыпях курганов (№ 56; 57).

Ножи (рис. 44). В погребениях обнаружено семь экземпляров однолезвийных ножей, пять из них намерено обломаны в области рукояти, а от одного сохранился только кончик.

Согласно существующей типологической разработке [Аванесова, 1991], рассматриваемая группа делится на следующие подразделения:

Бесчерешковые ножи. В исследуемой коллекции такие изделия представлены тремя экземплярами (рис. 44, 2-4). Ножи имеют прямую спинку, вытянутое острие. Заточка односторонняя, лезвие в разрезе клиновидное. У двух изделий переход к рукояти слегка намечен (рис. 44, 2, 3), у ножа из кургана № 65, погребение 1 переход от лезвия к рукояти отсутствует (рис. 44, 4).

Черешковые ножи имеют выраженный уступ, отделяющий лезвие от рукояти. Как у бесчерешковых ножей этот экземпляр с прямой спинкой, переходящей от лезвия на рукоять. Острие вытянутое, одностороннее. В разрезе лезвие клиновидное, по размерам шире, чем рукоять (рис. 44, 5).

Аналогичный нож обнаружен в захоронении еще одного могильника восточного варианта пахомовской культуры Гришкина Заимка [Молодин, Мыльникова, Гаркуша и др., 2015, с. 52, рис. 10, 5]. Особенно большое количество таких ножей обнаружено на Еловском II могильнике [Матющенко, 2004, с. 364, рис. 416]. Можно привести весьма широкий круг аналогий таким изделиям, что делает В.И. Матющенко в исследовании Еловского II могильника. Иногда их называют ножами томского типа, поскольку на них обратили внимание, ориентируясь на материалы Томского могильника [Комарова, 1952]. Типологически близкие предметы были широко распространены в эпоху поздней бронзы в лесостепной части Западной Сибири. Пожалуй, наиболее древний нож такого типа (черешковый), обнаружен в одном из захоронений кротовской культуры могильника Сопка 2/4 [Молодин, Гришин, 2016, рис. 387, 2], однако для этого времени их существование нельзя назвать характерным явлением. Их массовое появление в регионах связано с позднекротовской (черноозерской) культурой. Так, на могильнике Черноозерье I в Омском Прииртышье, таких ножей обнаружено достаточно большое количество [Генинг, Стефанова, 1994, с. 36, 40, 44, 46, 54]. Тоже можно сказать и об ирменской культуре, на памятниках которой однолезвийные ножи встречаются достаточно часто [Косарев, 1981, с. 155, рис. 60, 19; Молодин, 1985, с. 125, рис. 63, 1; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 12, рис. 4, 8, 16; Савинов, Бобров, 1978, рис. 4, 5; 6, 1; 1981, рис. 2, 10; Бородовский, 2000, рис. 12, 1; Троицкая, 1974, рис. 1, 4; Матющенко, 2006, рис. 7, 11; 9, 10]. Несомненно, что широкое распространение таких ножей в эпоху поздней бронзы [см. Гришин, 1971, с. 11], следует квалифицировать как эпохальное явление.

Особое место среди рассматриваемой серии занимают так называемые «хвостатые» ножи, что может являться лишним свидетельством южных связей населения пахомовской культуры [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017].

На могильнике Старый Сад обнаружен один подобный экземпляр (рис. 44, 1). Нож имеет короткий вогнутый обушок и выпуклое выгнутое лезвие, плавно переходящее в короткую рукоять. Кончик лезвия слегка оттянут. Нож наиболее близок так называемым «хвостатым» [Членова, 1972]. Есть мнение, что ножи с выпуклым лезвием и слегка оттянутым кончиком и коротким насадом для рукояти являются ковровыми [Хлопин, 1983, с. 101]. На территории Сибири такие изделия встречаются редко. Кроме могильника Старый Сад подобный нож найден на пахомовском поселении Жар-Агач в левобережном Прииртышье [Сотникова, 1986; Корочкова, 2010, с. 51, рис. 26, 8]. Аналогичное изделие найдено В.И. Матющенко в одном из захоронений Еловского II могильника [Матющенко, 2004, с. 364, рис. 416, 9]. Значительно больше аналогий находим в Средней Азии. Так, ковровые ножи найдены в погребальных комплексах Юго-Западного Туркменистана [Хлопин, 2002, табл. 121, 5, 6]. В восьми женских погребениях могильников Сумбар I и Пархай I, найдены предметы, которые дают возможность «заново определить древность изготовления ворсовых ковров на территории Южной Туркмении» [Хлопин, 1983, с. 101, рис. 23], имея в виду бронзовые характерные предметы серповидной формы с лезвием по выпуклому краю и коротким черенком для насада в рукоять. Аналогичные ножи обнаружены на поселении эпохи поздней бронзы Кангурттут в Юго-Западном Туркменистане [Виноградова, 2004, рис. 27, 5, 6]. Такие параллели свидетельствуют о южных связях скотоводческого населения юга Западной Сибири с земледельцами Средней Азии, и, возможно, что уже не раз отмечалось исследователями, о проникновении на юг северных скотоводов [Виноградова, 2000, с. 89-109]. Характеризуемый нож из могильника Старый Сад является еще одним подтверждением южных связей восточного варианта пахомовской культуры.

Рукояточные ножи. Один рукояточный нож обнаружен в кургане № 67, погребение 1 (рис. 44, 7). Нож имеет дугообразную спинку, которая является

единой для лезвия и рукояти. В отличие от черешковых ножей, лезвие его слегка вогнуто, кончик приострен. Разрез лезвия клиновидный. Лезвие шире цельнолитой рукояти и имеет выраженный уступ при переходе к ней. Рукоять в разрезе овальная. По форме этот образец напоминает классические карасукские ножи с той разницей, что у него отсутствует навершие на рукояти [см.: Членова, 1972]. Вместе с тем, аналогии этому ножу, которые были бы тождественны или близко напоминали его, можно привести не так уж много [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017]. В монографии Н.Л. Членовой, где приводится обширная сводка карасукских и близких к ним во времени бронзовых ножей, можно отметить три изделия, почти полностью аналогичных этому предмету. Они обнаружены в Минусинской котловине и являются случайными находками [Членова, 1972, табл. 9, 21; 10, 52; 62, 3]. Кроме того, близкий к анализируемому бронзовый нож происходит из Центрального Казахстана и связан с бегазы-дандыбаевской культурой [Маргулан, 1979, рис. 166, 1]. Особенно важной аналогией является бронзовый нож без навершия из Северного Китая (комплекс могилы M101 памятника Наньшаньгэнь) [Чжун Сук-Бэ, 2000, рис. 14, 19].

Кинжалы. Двулезвийный плоский обломанный с двух краев нож (кинжал) обнаружен в погребении 2 кургана № 67 (рис. 44, 8). Плохая сохранность затрудняет интерпретацию изделия. Вместе с тем очевидно, что перед нами изделие, имеющее обоюдоострое лезвие с легким уступчиком, переходящим в клиновидный черешок. Такие образцы появляются и существуют в эпоху развитой бронзы. Ряд исследователей называют такие ножи «турбинскими» [Тихонов, 1960; Гришин, 1971], однако это скорее не культурное, а хронологическое явление, характерное для многих культур Евразии. В Обь-Иртышском регионе Западной Сибири подобные изделия встречаются в большом количестве в позднекротовских (черноозерских) комплексах, где существуют вместе с кинжалами срубно-андроновского типа [Молодин, 1985], а также в захоронениях Еловского II могильника [Матющенко, 2004, с. 121, рис. 174, 5].

Бляшки (рис. 45, 46). Обнаружено 16 экземпляров, из них 15 – в погребениях и одна – в яме (к. № 41, яма 2). В трех погребениях (к. № 58, 67, 91)

обнаружено по две бляшки, в остальных случаях они найдены по одной. Изделия не орнаментированы. Экземпляры можно классифицировать по способу крепления:

1. С петлей для крепления – 6 единиц (рис. 45);
2. Со шпеньком для крепления – 7 единиц (рис. 46).

Как правило, изделия имеют выпуклую полусферическую форму, однако в двух случаях (рис. 45, 4; 46, 3) их край специально оформлен уступчиком. Одно изделие (рис. 46, 1) имеет уплощенную поверхность в центральной части и сильно наклоненные края. По-видимому, бляшки служили украшениями для каких-то кожаных изделий, о чем свидетельствуют остатки кожи с внутренней части одной из блях (рис. 45, 1).

Аналогичные изделия достаточно широко представлены на памятниках как восточного варианта пахомовской культуры (могильник Гришкина Заимка [Молодин, Мыльникова, Гаркуша и др., 2015, с. 52, рис. 10, 1, 2, 3, 6]), так и западных памятниках этой культуры, таких как: могильник Черноозерье II [Корочкова, 2009, с. 79, рис. 4, 10, 21], поселении Инберень IV [Корочкова, 2010, с. 41, рис. 21, 13], поселении Жар-Агач [Корочкова, 2010, с. 51, рис. 26, 9, 10]. Кроме того, можно определенно сказать, что подобные изделия широко распространены на территории Сибири, Забайкалья и Средней Азии в эпоху поздней бронзы. Близкие аналогии им известны в Еловском I и Еловском II могильнике [Матющенко, 2001, рис. 9, 4, рис. 16, 9; Матющенко, 2004, с. 370, рис. 419, 13, 15, 16], материалах сузгунской культуры [Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 169, рис. 16, 13], обнаружены они на памятниках ирменской культуры (см. напр.: могильники Преображенка-3 [Молодин, 1985, с. 125, рис. 63, 9, 10], Журавлево-4 [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, рис. 4, 1, 3, 9, рис. 25, 9], Ордынское-1г [Матвеев, 1993, табл. 25, 1, 2, 10, 11]). Далее на восток подобные бляшки найдены в захоронениях карасукской культуры [Членова, 1972, табл. 17; Грязнов, Комарова, Лазаретов и др., 2010, табл. 82]. Известны аналогичные бляшки и в комплексах бегазы-дандыбаевской культуры [Маргулан, 1979, с. 211, рис. 161, 14; Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, рис. 41, 1-8].

Важно отметить, что бляшки петельчатые и со шпеньком встречаются в памятниках переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Центрального Казахстана [Ермолаева, 1987, с. 83, рис. 43, 1-3; 2012, с. 192, рис. 62, 2, 3], где они датируются VIII-VII вв. до н.э., а также раннескифского времени равнинного Алтая [Грязнов, 1992, табл. 69, 22; Шульга, 2016, рис. 28, 5; 30, 3; 45, 28-32], Забайкалья [Членова, 1992, табл. 101, 9] и Северного Китая [Шульга, 2015, рис. 103].

Бронзовая булава (рис. 47, 1) [Молодин, Нескоров, 1992; Молодин, 1992; Молодин, Пилипенко, Журавлев и др., 2012; Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2014; 2017]. Обнаружена в могиле 2 кургана № 24 рядом с ключицей погребенного. Представляет собой тонкий бронзовый стержень длиной 9,7 см, круглый в сечении. Его максимальная толщина у навершия составляет 0,5 см, к приостренной оконечности диаметр рабочей части постепенно уменьшается и сходит на нет. Булавка увенчана навершием, которое представляет собой слегка вытянутый по вертикали ромб, снабженный по углам кружками правильной формы. Навершие плоское, толщиной 0,3–0,4 см. Высота ромба вместе с кружочками составляет 4,3 см, ширина – 3,9 см. Диаметры кружков одинаковы: по 0,9 см. Центральная часть ромба украшена кружком такого же диаметра с отходящими в стороны четыремя лучами, соединенными симметрично с четыремя сторонами ромба. От трех свободных углов ромба, точнее, от увенчивающих их кружочков, отходят, как бы продолжая стороны ромба, прямые стерженьки, каждый из них также заканчивается кружком аналогичного диаметра. Их общая длина – 1,1–1,2 см. Таким образом, навершие булавки – оригинально и не имеет абсолютных аналогов. Вместе с тем, рассмотрение предметных комплексов отдельных культур эпохи поздней бронзы – переходного от бронзы к железу времени показало наличие функционально близких анализируемому предмету изделий и определенные параллели в оформлении навершия. Это, свидетельство, во-первых, эпохальной близости предметов, во-вторых, вероятных направлений связей потребителей таких булавок на территории Западной Сибири и Центральной Азии.

Поразительно близкий предмет найден современными бугровщиками на памятнике Инберень-VI (левый берег Иртыша). Булавка по форме сходна изделию из могильника Старый Сад, отличается от него более упрощенным навершием: центральная часть не имеет каких-либо изображений. К тому же, углы ромба навершия булавки из могильника Старый Сад, как отмечено выше, увенчаны литыми окружностями, а углы ромба навершия булавки из городища Инберень-VI свободны от подобных фигур [Молодин, Мыльникова, Селин, 2017, рис. 2, 2].

Несмотря на неопределенность контекста нахождения, отметим, если она действительно связана с городищем Инберень-VI, то это памятник, расположенный на юге Большереченского р-на Омской обл., у края первой надпойменной террасы левого берега р. Иртыш, на котором были произведены раскопки Уральской экспедиции УрГУ [Абрамова, Стефанов, 1985, с. 105, рис. 1]. По мнению исследователей, городище относится к красноозерской культуре и датируется VIII–VII вв. до н. э. [Там же, с. 122–123], что соотносится с нашими представлениями о датировке могильника восточного варианта пахомовской культуры Старый Сад. Еще две бронзовые булавки из Прииртышья происходят с Омской Стоянки в г. Омске [Молодин, Мыльникова, Селин, 2017, рис. 2, 3, 4].

Обращение к коллекциям Омской Стоянки, демонстрирует не только комплексы керамики и других предметов, относящихся к эпохам развитой и поздней бронзы [Конигов, 2014, с. 112–149], но и позволяет выделить фрагменты посуды, которые могут относиться к пахомовской культуре эпохи финальной бронзы [Омская..., 2013, с. 159, 327; 174, 363; 175, 364; 365; 182, 390; 228, 467; Конигов, 2014, с. 28, 149].

Таким образом, можно сказать, что характеризующие предметы имеют если не общую культурную принадлежность, то, по крайней мере, эпохально близки и относятся к финальной стадии бронзового века – переходному времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. Несомненно и то, что булавки тяготеют к иртышскому ареалу культур, поскольку к востоку в комплексах ирменской,

позднеирменской и других культур переходного от бронзы к железу времени таких предметов не найдено.

Вместе с тем, круг достаточно близких параллелей, хотя и не абсолютных, уходит в Центральную Азию. Чрезвычайно близкой аналогией булавам из Старого Сада и Инберени-VI является изделие из могильника Северный Тагискен в Приаралье [Итина, 1992, рис. 2,7]. Оно сопоставимо по пропорциям и увенчано подобным ромбовидным навершием с «отростками» по углам. Два других сходных по форме предмета происходят из среднеазиатских кладов – Шамшинского (Киргизия) [Кожумбердиев, Кузьмина, 1980] и Хакского [Сорокин, 1960, с. 29, рис. 1, б]. М.А. Итина и Л.Т. Яблонский справедливо обосновали датировку комплексов IX–VIII вв. до н. э. и подчеркнули южный, по сравнению с Приаральем, вектор, куда уходит эта традиция [Итина, Яблонский, 2001, с. 97–98]. Действительно, этот «южный вектор» наличия таких булавок с навершиями в археологических комплексах уводит всё далее на юг, демонстрируя устойчивую традицию существования функционально близких бронзовых булавок с разнообразными по форме навершиями в культурах периода поздней бронзы. Близки характерным образцам из Приаралья и Западной Сибири булавки из Юго-Западного Туркменистана. По данным И.Н. Хлопина, такие булавки «... расположены в непо потревоженных могилах на груди или перед лицом погребенного ... По-видимому, ими скалывали на груди какие-то одежды, скорее всего, напоминающие плащи ...» [Хлопин, 1983, с. 26]. Важно, что в такой же позиции обнаружена и булавка в могильнике Старый Сад.

Учитывая время существования сумбарской культуры эпохи поздней бронзы Юго-Западного Туркменистана и наибольшую морфологическую близость булавок с навершием, о которых идет речь, можно предполагать, что именно эта территория была местом, откуда подобные предметы распространялась на север, северо-восток, опосредованно добравшись до западносибирской лесостепи. Косвенным подтверждением этой гипотезы может служить еще и то обстоятельство, что бронзовые булавки с биспиральным навершием появляются в регионе еще в раннем бронзовом веке [Хлопин, 2002, с.

41]. Они, судя по всему, являются основой этой традиции, сохраняющейся в регионе в период поздней бронзы, однако, уже с видоизмененной формой навершия.

Приведем типичные параллели таких изделий. На могильнике Сумбар I обнаружена булавка с навершием, напоминающим древовидную скульптурку [Хлопин, 1983, с. 168, табл. III, 15], в виде расходящихся от тела булавки «побегов», увенчанных круглыми шишечками. Усложненным вариантом такого навершия служит навершие булавки из погребального комплекса Пархай I [Хлопин, 2002, с. 314, табл. 114, 5], на котором древовидный символ увенчан крестовидной фигурой с дополнительными «побегами». Наконец, еще одним видом бронзовой булавки с навершием в виде креста, заключенного в окружность, является изделие из могильника Сумбар II [Хлопин, 1983, с. 209, табл. L, 10].

Картографирование распространения подобных булавок в азиатском регионе [Молодин, Мыльникова, Селин, 2017, рис. 5] выявляет два района концентрации. Первый – включает в себя Среднее Прииртышье и часть Обь-Иртышского междуречья. Ко второму относятся Южный Казахстан, Туркмения, Ферганская долина. Между этими двумя регионами пока существует лакуна (северный и центральный Казахстан), где вещи подобного типа не выявлены.

Таким образом, бронзовая булавка с навершием, обнаруженная в погребальном комплексе могильника восточного варианта пахомовской культуры Старый Сад, свидетельствует о связях носителей этой культуры с группами юго-западных скотоводов.

Серьги (рис. 47, 2). Обнаружено три экземпляра в разных контекстах – погребение, ров и над ямой. Морфологически изделия представляют собой серьги с длинной разомкнутой петлей, полым раструбом на конце и шаровидным утолщением между дужкой и раструбом. Подобный тип вещей получает распространение в эпоху развитой бронзы [Молодин, 1985, с. 103, рис. 154, 9; Умеренкова, 2015, с. 162] и встречается вплоть до конца эпохи бронзы. Ближайшие аналогии этим изделиям известны в материалах Еловского I и

Еловского II могильников [Матющенко, 2001, рис. 6, 4, рис. 10, 7; Матющенко, 2004, с. 370, рис. 419, 5, 6]. Важно, что сходная по форме серьга найдена в могильнике восточного варианта пахомовской культуры Гришкина Заимка [Молодин, Мыльникова, Гаркуша и др., 2015, с. 52]. Близкая по форме серьга с раструбом обнаружена в одном из мавзолеев Северного Тагискена [Итина, Яблонский, 2001, рис. 124, 12].

Литая шестиугольная в сечении *бусина* (рис. 47, 3) найдена в погребении 2 кургана № 67. Подобные изделия встречаются как одиночно, так и в связке на широкой территории начиная с эпохи развитой бронзы [Умеренкова, 2015, с. 164]. Близкие аналоги известны в Еловском II могильнике [Матющенко, 2004, с. 218, рис. 321, 4,5].

Накосники (рис. 47, 4). Обнаружены два экземпляра в погребении 2 кургана № 67. Представляют собой изогнутые спиралью бронзовые пластины. Изделия отнесены к этой категории инвентаря достаточно условно. Как особая разновидность изделий *накосники* существовали в эпоху развитой и поздней бронзы на территории Сибири и Средней Азии [Матющенко, 2004, с. 311; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 90].

Конусовидная *пронизка* обнаружена в насыпи кургана № 56. Широко распространена на памятниках разных культур эпохи поздней бронзы. Ближайшие аналогии имеют место в могильниках еловской и ирменской культур в Еловском II могильнике [Матющенко, 2004, с. 218, рис. 321, 6-8, 12], памятнике Преображенка-3 [Молодин, 1985, с. 125, рис. 63, 17].

Пластины. Обнаружено два экземпляра в погребении 1 кургана № 61. К сожалению, предметы утрачены и судить об их облике не представляется возможным. Находки пластин, трудно определяемых по функции, распространены в комплексах эпохи бронзы и известны с периода развитого бронзового века [Молодин, Гришин, 2016, с. 287]. Встречаются подобные пластины на памятниках пахомовской и еловской культур [Матющенко, 2004, с. 216, рис. 318, 2; Молодин, Мыльникова, Гаркуша и др., 2015, с. 52, рис. 10, 9-11].

Иглы (рис. 47, 5). Два экземпляра игл обнаружены в погребениях, они имеют небольшие размеры, достигая длины 3,9 см. Такие изделия встречаются в погребальных комплексах Западной Сибири начиная с периода развитой бронзы (одиновская культура) [Молодин, 2012, с. 142]. В период поздней бронзы иглы встречаются в комплексах пахомовской культуры (Гандичевский совхоз) [Молодин, 1985, с. 125, рис. 63, 8], Еловском II могильнике [Матющенко, 2004, с. 242, рис. 352, 4], а также в комплексах бегазы-дандыбаевской культуры на памятниках Бегазы [Маргулан, 1979, с. 85, рис. 55, 2] и Атасу I [Маргулан, 1979, с. 174, рис. 127, 7].

Шилья (рис. 47, 6, 7). В погребальных комплексах могильника Старый Сад обнаружено два бронзовых шила. Первое – в погребении 2 кургана № 67. Представляет собой заостренный с двух сторон ромбический в сечении стержень с намеченным уступом для упора рукояти (рис. 47, 6). Общая длина шила составляет 7,7 см, длина рабочей части – 6 см, длина основы для рукояти – 1,7 см. Наибольшая толщина изделия – 0,5 см. Форма изделия достаточно специфична. Исследователи подобные изделия датируют IX-VIII вв. до н.э. на основе подобных находок со среднеазиатских поселений [Ермолаева, 1987, с. 93; 2012, с. 79]. Наиболее близкие аналогии известны в Еловском II могильнике [Матющенко, 2004, рис. 373, 17, рис. 385, 7], поселении Пахомовская Пристань I [Корочкова, 2010, с. 32, рис. 15, 11], могильнике Измайловка [Ермолаева, 1987, с. 67, рис. 28, 1; 2012, с. 191, рис. 61, 1]. Известны подобные шилья и в комплексах баиновского этапа тагарской культуры [Вадецкая, 1986, с. 88, табл. VI, 5].

Оригинален второй экземпляр из погребения 1 кургана № 52 с обоюдоострым утолщением по середине, которое, возможно, служило для упора рукояти (рис. 47, 7).

Фрагмент *стремечковидных удил* (рис. 47, 8) обнаружен в яме 1 кургана № 60, где он залегал совместно с нижней челюстью лошади [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017]. Перед нами, скорее всего, часть неудавшейся отливки, о чем свидетельствуют наличие на торце стержня застывшей волнистой поверхности, свидетельствующей не о поломке, а о литейном браке. Длина отлитого круглого

стержня составляет 1,7 см. Стремечковидное окончание отлито полностью. Высота его – 3 см, ширина – 2,2 см.

Аналізу удила и псалий раннескифского времени посвящен значительный объем литературы, к числу которых относятся работы Н. Л. Членовой [1967], Ю. С. Гришина [1960], Ю. Ф. Кирюшина и А. А. Тишкина [1997], Н. А. Боковенко [1986], П. И. Шульги [2013] и других исследователей. Не вдаваясь в детали дискуссий, постоянно возникающих при оценке той или иной классификационной схемы, отметим, что исследователи единодушны в констатации того факта, что бронзовые удила со стремечковидными окончаниями относятся к раннескифскому времени и их следует датировать VIII-VII (VI) вв. до н.э. или концом IX-VIII вв. до н.э. [Марсадолов, Зайцева, Семенцов и др., 1996].

Удила со стремечковидными окончаниями встречаются на памятниках Южной Сибири и Центральной Азии, что следует считать эпохальным явлением [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 76]. Поэтому, нахождение таких предметов в археологических памятниках маркирует датировку последних.

Важно, что ближайшие аналогии стремечковидным удилам найдены А. С. Ермолаевой в Восточноказахстанском Прииртышье на могильнике Измайловка [Ермолаева, 1987, с. 72, рис. 33, 1, 2; 2012, с. 189, рис. 59], справедливо отнесенному автором к IX-VII вв. до н.э. [2012, с. 112-122], находя многочисленные параллели с памятниками бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана [1987, с. 89]. Далее на юго-запад аналогичные удила известны в могильниках Южный Тагискен и Уйгарак, датируемых в пределах VIII (VII)-VI вв. до н.э. [Вишневская, 1973, с. 152, табл. 20, 5; Итина, 1992, с. 354, табл. 4, 12; Итина, Яблонский, 1997, с. 168, рис. 71].

Группа 3. Костяной инвентарь. На памятнике обнаружены два черешковых треугольных в сечении *наконечника стрел* в погребении 1 кургана № 13. Длина их составляет 8,6 и 8,9 см. Как и описанный выше комплекс бронзовых изделий, подобный тип наконечников был широко распространен в эпоху развитой и поздней бронзы Западной Сибири. Аналогии им известны в комплексах пахомовской культуры Тоболо-Иртышья [Костомаров, 2010, с. 97], в частности –

на поселении Ново-Шадрино VII [Корочкова, 2010, с. 19, рис. 8, 2], поселении Пахомовская Пристань I [Корочкова, 2010, с. 19, рис. 15, 1]. Находки подобных наконечников отмечены и на памятниках восточного варианта пахомовской культуры [Молодин, Мыльникова, Гаркуша и др., 2015, с. 52, рис. 10, 14]. Так же они зафиксированы в комплексах других культур конца эпохи бронзы Западной Сибири, таких как Еловский II могильник [Матющенко, 2004, с. 220, рис. 324, 4], поселение Чекист [Косарев, 1981, с. 156, рис. 60, 24] и др.

Группа 4. Каменный инвентарь. В погребении 1 кургана № 56 обнаружен конусовидный *нуклеус*. Предмет утрачен, поэтому описать и привести аналогии не представляется возможным. Отметим лишь, что использование каменных изделий в Барабе характерно для эпохи бронзы, и техника обработки камня имеет глубокую традицию, уходящую в неолит [Молодин, 2012, с. 141].

Обнаружено также четыре *отщепы*. По одному экземпляру найдено во рву и насыпи кургана, куда они могли попасть случайно, при сооружении земляной конструкции. Два других отщепы обнаружены в погребении 1 кургана № 67 на дне могильной ямы и являются частью сопроводительного инвентаря. Находки отщепов в погребальных камерах культур эпохи поздней бронзы достаточно редки. Известны подобные находки в Еловском I могильнике [Матющенко, 2001, с. 48, рис. 10, 11]. При этом, в Еловском II могильнике, где изучено 115 погребений еловской культуры, не зафиксировано ни одного подобного случая [Матющенко, 2004, с. 315].

Группа 5. Кости животных. На памятнике обнаружено 14 костей различных животных, 10 из которых помещены непосредственно в могильные ямы, что позволяет рассматривать их как часть сопроводительного материала. Практически все кости, к сожалению, утрачены, имеется только резец бобра из погребения 2 кургана № 91, однако для части материала нам известны остеологические определения, что позволяет ввести эти данные в научный оборот.

Кости лошади. Зафиксировано четыре кости от разных частей скелета. Так, в погребении 1 кургана № 58 и погребении 2 кургана № 60 найдено по *фаланге*, в погребении 1 кургана № 67 найден *зуб*, а в яме 2 кургана № 60 – *челюсть* вместе с

фрагментом стремечковидных удил. Кости лошади являются частой находкой в погребальных комплексах эпохи бронзы Западной Сибири, например, в захоронениях пахомовской и еловской культур [Молодин, Мыльникова, Гаркуша и др., 2015, с. 52, рис. 10, 12, 13; Матющенко, 2004, с. 318].

Кости коровы. Обнаружены два экземпляра костей ног, один находился во рву кургана № 35, второй – в погребении 1 кургана № 57. Кости коровы также являются частой находкой в погребальных памятниках эпохи поздней бронзы Западной Сибири.

Кости бобра. Выявлены 4 резца в погребениях курганов № 57, 69, 83, 91. На экземпляре из кургана № 91 не фиксируется каких-либо следов обработки или наличия отверстий. Следует отметить, что резцы найдены в погребениях. Находки костей бобра известны в Еловском II могильнике [Матющенко, 2004, с. 341]. Резцы бобра как украшение часто встречаются в комплексах эпохи ранней, развитой и поздней бронзы.

Кости лося. В погребении 1 кургана № 75 обнаружен *рог* лося. Отдельные фрагменты и изделия из рога являются распространенной находкой на памятниках эпохи поздней бронзы и переходного к раннему железному веку времени, в первую очередь на поселениях [Бородовский, 2009, с. 177-207].

Неопределенные кости животных. К их числу относятся ребро животного во рву кургана № 69, фаланга копытного в погребении 1 кургана № 70 и кости птицы в яме 2 кургана № 64.

Комплекс памятников Тартас-1 расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл. и располагается на надпойменной террасе правого берега р. Тартас, в 2,15 км к ССВ от автомобильного моста через р. Омь, в 2,5 км к северу от с. Старый Тартас (рис. 1; 2). Открыт в 2003 г. Б.А. Дейчем и О.В. Софейковым и, начиная с этого года и до сегодняшнего времени, сотрудниками Западно-Сибирского отряда ИАЭТ СО РАН, под руководством В.И. Молодина, проводятся полномасштабные раскопки. К настоящему моменту на памятнике изучено больше 700 погребений и больше 1300 хозяйственных и ритуальных ям [Молодин, 2015]. Из них к восточному варианту пахомовской культуры можно с

уверенностью отнести три погребения, один погребальный комплекс и культовый комплекс (о нем подробнее см. Гл. 4). Частично обнаруженные захоронения введены в научный оборот [Молодин, Мыльникова, Кобелева, 2011; Молодин, Ефремова, Кобелева и др., 2014; Молодин, Хансен, Дураков и др., 2016]. Переходя к описаниям погребений и погребального комплекса сразу следует сделать оговорку, что территория памятника подвергалась активному хозяйственному освоению. Так, восточная часть памятника разрушена нефункционирующей грунтовой дорогой, южная и юго-западная части памятника уничтожены карьером, из которого брали грунт для сооружения насыпи новой трассы с. Венгерovo – п. Чаны. Остальная площадь некрополя подвергалась регулярной распашке, сгладившей все, возможно, присутствовавшие на памятнике выраженные рельефные признаки надмогильных сооружений, из-за чего не представляется возможным однозначно судить о грунтовом или подкурганном способе захоронений умерших.

Погребение № 588 [Молодин, Ефремова, Кобелева и др., 2014] зафиксировано на уровне материка в виде пятна неправильной подчетыреугольной с закругленными углами формы размером $1,3 \times 1$ м (рис. 48). В процессе выборки заполнения оконтурилась могильная яма подчетыреугольной с закругленными углами формы размером $1,25 \times 1$ м, глубиной от уровня материка до 0,3 м. Стенки ямы наклонные, дно ровное. С восточной стороны на глубине 0,14 м от уровня материка на стене отмечена ступенька шириной до 0,03 м (на южной – на глубине 0,07 м). Могильная яма продольной осью ориентирована по линии В-3. На глубине 0,29 м от уровня материка обнаружены кости погребенного. Погребен младенец. Кости ребенка (плохой сохранности) были расположены компактным скоплением ($0,05 \times 0,1$ м), примерно в центральной части ямы, ближе к ЮВ углу. Находки в погребении представлены бабкой крупного рогатого скота, бронзовой бляшкой с плоским навершием диаметром до 1,5 см (рис. 49, 2), четырехгранным шилом длиной 6,5 см (рис. 49, 3). У восточной стенки погребения зафиксированы три сосуда (рис. 49, 1, 4, 5).

В 0,8 м к ЮВ от погребения № 588 расположена яма № 751 вытянутой изогнутой формы размерами 2,45 × 0,87 × 0,1 м. В центре на дне объекта обнаружен развал сосуда, относящегося к восточному варианту пахомовской культуры (рис. 49, 6). Судя по всему, эта яма связана с погребением № 588 и несла сакральную нагрузку, возможно, являясь ограждающим рвом.

Погребение № 589 зафиксировано на уровне материка в виде пятна округлой формы диаметром до 1,34 м (рис. 50, 1) [Молодин, Отчет..., 2014]. В процессе выборки заполнения оконтурилась могильная яма подчетыреугольной с закругленными углами формы. Могильная яма продольной осью ориентирована по линии С–Ю с незначительным отклонением к востоку. Размеры погребальной камеры по верхнему абрису составляют 1,31 × 1,22 м, по уровню дна – 1,05 × 0,82 м, глубина ямы от уровня материка – до 0,45 м. Костей погребенного в яме не обнаружено, находки представлены фрагментами керамики у ЮЗ стенки могильной ямы (рис. 50, 2). Судя по форме, ориентации по продольной оси, наличию скопления керамики, данная яма может быть интерпретирована как погребение, однако отсутствие костей человека позволяет определить этот объект как кенотаф.

Погребение № 684 Выявлено в виде пятна подпрямоугольной формы темно-серого цвета, ориентированного по линии СВ-ЮЗ (рис. 51) [Молодин, Отчет..., 2015]. Первоначальные размеры пятна 1,2 × 1,8 м. После выборки заполнения оконтурилась могильная яма подпрямоугольной формы. Стенки погребальной камеры слегка неровные, пологие, дно имеет небольшое понижение от края к центру. Параметры могильной ямы по верхнему абрису составляют 1,3 × 1,82 м, по нижнему – 1,24 × 1,68 м, глубина до 0,45 м. Погребение ограблено. В центре, в заполнении и на дне могилы зафиксированы кости взрослого человека, захороненного по обряду ингумации. Кости располагались хаотично, однако, кости ног и пяточные кости фиксировались единой группой в западной части, а кости и пальцы рук – в восточной, что дает возможность предположить, что погребенный лежал головой на восток. Находки представлены двумя керамическими сосудами (рис. 52).

Обнаружен погребальный комплекс, состоящий из рва и окружающих его четырех ям (являющихся, возможно, вторым рвом) [Молодин, Мыльникова, Кобелева, 2011] (рис. 53, 1). Ров сооружения в плане имеет подквадратную форму, с закругленными углами, которые ориентированы по сторонам света. В восточном углу оставлен «разрыв» шириной 1,37 м. Ширина канавки составляет 0,37-0,62 м, глубина – 0,25-0,4 м. Внешние ямы расположены по сторонам рва и образуют подчетыреугольную конструкцию с «разрывами» в углах, ориентированными по сторонам света. Ширина ям составляет 0,7-1,44 м, длина 5-6,7 м, глубина – 0,24-0,4 м. Внутри пространства, огороженного двумя рвами выявлено шесть объектов, не являющимися погребениями. Внешний периметр комплекса колеблется в пределах 9-11,2 м. Расстояние между первым рвом и ямами второй конструкции составляет 0,15-1,4 м. Находки обнаружены в заполнении ямы 2а и представлены мелкими кальцинированными костями животных. В яме 2с, на глубине 0,06-0,1 м, выявлены фрагменты керамического сосуда (рис. 53, 3). Еще два изделия обнаружены в ямах № 72 и 74, расположенных в непосредственной близости от описанного комплекса (рис. 53, 2, 4).

Таким образом, на памятнике Тартас-1 обнаружено два захоронения, один кенотаф, одна конструкция, включающая в себя ров и систему ям, и три ямы, которые могут быть с уверенностью отнесены к восточному варианту пахомовской культуры. Погребальные камеры ориентированы по линиям В-З и СВ-ЮЗ. Костяки умерших плохо сохранились, что не дает возможности однозначно судить об их расположении. Кенотаф представляет собой яму, по параметрам и форме соответствующей исследованным захоронениям восточного варианта пахомовской культуры, но не содержащую костей человека. Подобные объекты известны на памятнике Старый Сад [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017]. Изученная погребальная конструкция состоит из двух рвов, окружающих шесть ям, однако точно установить, относятся ли эти объекты к выделяемому комплексу или к другому периоду не представляется возможным, так как в них отсутствуют какие-либо находки. Подобные конструкции, включающие в себя ров, ямы, но без захоронений умерших также известны на памятнике Старый Сад

[Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017], однако специфика этого комплекса заключается в наличии двух рвов, где один опоясывает другой. Помимо этого, обнаружено три ямы, содержащие керамику, относимую к восточному варианту пахомовской культуры. Судя по всему, они связаны с погребениями и погребальными конструкциями и формируют особое сакральное пространство, однако судить об этом более точно затруднительно, так как надмогильные сооружения на памятнике Тартас-1 разрушены. По той же причине не представляется возможным с уверенностью определить взаимосвязь объектов, сакрализующих пространство, что не дает возможность составить подробную классификационную схему организации сакрального пространства. Отметим только, что погребально-поминальный комплекс и погребение № 588 возможно сопровождалось ямами, содержащими в себе керамическую посуду восточного варианта пахомовской культуры.

Два рва обнаруженных в погребальном комплексе относятся, по ранее выполненной классификации для могильника Старый Сад, к классу 1 (овальной формы) и виду **1.1.** и **1.4** (имеющих один и четыре «разрыва»). Уникальным для этого погребального комплекса является сочетание двух типов рвов в рамках одного погребально-поминального комплекса, подобная ситуация к настоящему моменту не зафиксирована ни на одном памятнике восточного варианта пахомовской культуры.

Находки представлены тремя бронзовыми изделиями, пятью полными формами и четырьмя фрагментированными сосудами, обнаруженными во рву, ямах и погребениях.

Обнаруженные керамические сосуды представляют собой низкой и средней высоты горшки с очень низкой, широкой, очень сильно и слабопрофилированной горловиной, приплюснутым и средним туловом, высоким и средним, слабовыпуклым плечиком, широким и средним дном (по терминологии В.Ф. Генинга [1973]; табл. 13, 14). Помимо этого, в погребении № 588 обнаружен сосуд на поддоне (рис. 49, 1). Он украшен меандром по тулову, двумя рядами взаимопроникающих треугольников по плечу и сеткой по горловине. Орнамент

нанесен гребенчатым штампом. Второй сосуд из этого захоронения декорирован рядами наклонных, вертикальных оттисков гладкого штампа по тулову и горловине. По придонной части нанесен зигзаг из таких же оттисков штампа. Горловина дополнительно орнаментирована тремя прочерченными линиями (рис. 49, 4). Третий миниатюрный сосуд не орнаментирован (рис. 49, 5). Сосуд из ямы № 751 украшен рядами наклонных поясов, заполненных оттисками гребенчатого штампа (рис. 49, 6). Два сосуда из погребения № 684 орнаментированы рядами поясов, заполненных косыми оттисками гребенчатого штампа, которые у второго изделия сопровождаются оттисками уголка штампа (рис. 52, 2). Горловина дополнительно украшена рядами оттисков уголка штампа (рис. 52, 1) или равнобедренными треугольниками, нанесенными гребенчатым штампом (рис. 52, 2). Орнаментация и форма этих изделий очень схожа между собой, что может свидетельствовать об изготовлении этой посуды одним мастером. В погребении № 589 (кенотаф) обнаружен фрагмент сосуда, орнаментированного меандровидным узором по тулову и рядом косых треугольников по горловине. Узоры нанесены гребенчатым штампом (рис. 50, 2). Во втором рву погребального комплекса обнаружен фрагмент сосуда, по тулову которого нанесены пояса, заполненные наклонными оттисками гребенчатого штампа, и ряды оттисков уголков штампа, горловина не орнаментирована (рис. 53, 3). Сосуд из ямы № 72 орнаментирован рядами наклонных оттисков гладкого штампа, прочерченными линиями и ямками по горловине (рис. 52, 2), второе изделие из этого объекта неорнаментировано (рис. 52, 4).

Проведено изучение типов исходного сырья и составов формовочных масс для двух сосудов (см. табл. 15). Так, все изделия изготовлены из ожелезненной глины, где в качестве естественных примесей встречен бурый железняк (один экз.). По степени запесоченности исходное сырье относится к среднезапесоченным.

В качестве минеральной добавки в формовочную массу во всех образцах зафиксирован некалиброванный шамот (размерность от 0,5 до 3,5 мм), добавленный в концентрации 1 : 6–7 и 1 : 8. Органическая примесь обнаружена во

всех экземплярах и представлена органическим раствором, возможно, из навоза жвачных.

Таким образом, по результатам анализа выделен один рецепт формовочной массы – глина + шамот + органический раствор (2 экз.).

В целом, технико-технологически данные изделия укладываются в типичную для пахомовской культуры традицию отбора исходного сырья и составления формовочной массы.

Бронзовые изделия обнаружены в погребении № 588 и представлены бронзовой иглой и бляшкой со шпеньком (49, 2, 3). Подобные иглы в эпоху бронзы были широко распространены и известны комплексах пахомовской культуры (Старый Сад, Гандичевский совхоз) [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017; Молодин, 1985, с. 125, рис. 63, 8], Еловском II могильнике [Матющенко, 2004, с. 242, рис. 352, 4], а также в комплексах бегазы-дандыбаевской культуры на памятниках Бегазы [Маргулан, 1979, с. 85, рис. 55, 2], Атасу I [Маргулан, 1979, с. 174, рис. 127, 7].

Аналоги бляшке со шпеньком так же достаточно широки, так как подобные изделия были распространены на территории Сибири, Забайкалья и Средней Азии в эпоху поздней бронзы и встречаются, как отмечалось выше, на памятниках как восточного варианта пахомовской культуры (могильник Гришкина Заимка [Молодин, Мыльникова, Гаркуша и др., 2015, с. 52, рис. 10, 1, 2, 3, 6], Старый Сад [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017]), так и западных памятниках этой культуры, таких как: могильник Черноозерье II [Корочкова, 2009, с. 79, рис. 4, 10, 21], поселении Инберень IV [Корочкова, 2010, с. 41, рис. 21, 13], поселении Жар-Агач [Корочкова, 2010, с. 51, рис. 26, 9, 10].

3.2 Погребальные комплексы долины р. Оми

К настоящему моменту известно четыре могильника, на которых исследованы захоронения восточного варианта пахомовской культуры. К ним относятся памятники Гришкина Заимка, Преображенка-3, Абрамово-4

Гандичевский совхоз. В общей сложности на этих некрополях изучено 10 погребальных конструкций, включающих 12 погребений.

Самым западным памятником восточного варианта пахомовской культуры, обнаруженным вдоль р. Омь, является могильник Гришкина Заимка, который расположенный в Усть-Таркском р-не Новосибирской обл. на границе с Венгеровским р-ном, в 8 км к востоку от с. Верхнеомка (рис. 1; 2). Памятник открыт В.И. Молодиным в 2000 г. В ходе раскопок установлено, что на исследованной площади памятника присутствует ряд разновременных комплексов: погребения эпохи ранней, развитой (12 ед.) и поздней бронзы (7 ед.), захоронения раннего железного века (14 ед.), позднего средневековья (2 ед.) и этнографические сооружения XX в. (рис. 54; 55).

К восточному варианту пахомовской культуры относятся две курганные насыпи: № 3 и № 4, после разбора которых обнаружено семь погребений (рис. 55). Находки фрагментов пахомовской керамики, обнаруженные вне погребальных комплексов, свидетельствуют о том, что могильник этого времени был представлен на памятнике большим числом захоронений, чем известно сегодня, которые пострадали при сооружении более поздних захоронений и функционирования самой заимки [описание погребальных комплексов по: Молодин, Мыльникова, Гаркуша и др., 2015].

Курган № 3 (рис. 55). Насыпь кургана округлой формы. Диаметр по линии СЮ составляет 11 м, ЗВ – 13 м. Высота от современной дневной поверхности достигает 0,6 м. Исследование кургана показало, что на этом месте первоначально существовала земляная конструкция эпохи поздней бронзы с одиночным захоронением, обнесенным округлым разомкнутым рвом (рис. 56, 1). Затем на этом месте было дополнительно досыпано сооружение раннего железного века. При разборе насыпи фиксировались мелкие единичные фрагменты разновременной керамики и разрозненные кости животных. Под насыпью кургана найдены погребения (№ 21, 23, 24), датируемые ранним железным веком. К этому же времени относится и центральное погребение № 25, нарушившее погребение эпохи поздней бронзы № 22.

Погребение № 24 перерезало ров, что подтвердило принадлежность последнего к комплексу эпохи поздней бронзы (рис. 55). Ров оконтуривал округлую площадку диаметром 6-7 м и имел две перемычки в юго-восточной и юго-западной части по 3,2 и 0,7 м соответственно. Ширина рва колебалась от 0,3 до 0,5 м, а на некоторых участках юго-западного сектора достигала 0,8 м. Глубина от уровня материка равнялась 0,16-0,27 м. В юго-западной части обнаружен орнаментированный сосуд, стоящий на дне рва, имеющий непосредственное отношение к комплексу эпохи поздней бронзы (рис. 57; 58, 1). Еще один подобный сосуд найден в яме № 31, расположенной к востоку от кургана № 3 (рис. 58, 5), сосуд попал в более позднюю яму в результате разрушения погребального комплекса.

В центре сакрального пространства кургана № 3, ограниченного рвом, выявлено погребение № 22 (рис. 56, 1). Захоронение совершено в неглубокой могильной яме, фактически на погребенной почве. Обнаружена только верхняя часть скелета, умерший лежал на левом боку, головой на юго-восток, со сложенными вместе и вытянутыми вдоль туловища руками. В изголовье находился костяной наконечник стрелы, бронзовая неорнаментированная полусферическая бляшка, вдоль костей рук располагался бронзовый обломанный у черенка нож и фрагмент бронзовой серьги (рис. 61, 5, 8, 14). В непосредственной близости от погребения на уровне погребенной почвы и выше локализуется скопление разрозненных костей человека. Скорее всего, это остатки скелета мужчины из погребения № 22, а также кости ребенка из более позднего погребения № 25. Единственная вещь, обнаруженная в этом скоплении – фрагмент бронзовой проволочной серьги.

Курган № 4 (рис. 55) находился в 6 м к северу от кургана № 3. Насыпь кургана округлой формы. Диаметр по линии СЮ составляет 11 м, ЗВ – 12 м. Высота от современной дневной поверхности достигает 0,5 м. При разборе насыпи фиксировались мелкие единичные фрагменты разновременной керамики, в том числе эпохи железа, позднесредневековой и русской, а также обломки кирпичей и обмазки, отдельные фрагменты костей животных. Под насыпью

кургана было выявлено 6 погребений и одна яма, относящихся к эпохе поздней бронзы. Могилы расположены по периметру насыпи, вокруг центрального захоронения № 31 (рис. 3; 9).

Погребение № 31 (рис. 56, 2) фиксировалось как пятно аморфных очертаний размером $2 \times 1,8$ м. По мере выборки заполнения зафиксирован факт перерезания погребальной камеры грабительской ямой. Кроме этого, оно нарушено впускным захоронением раннего железного века (№ 31А). Изначально могила эпохи бронзы имела подпрямоугольную форму и была ориентирована по линии ЮЮЗ-ССВ. Разрозненные кости скелета мужчины 25-30 лет залежали хаотично, первоначальное положение погребенного определить невозможно. В могиле обнаружен развал сосуда (рис. 58, 4).

Погребение № 32 (рис. 56, 3) совершено в подпрямоугольной яме, ориентированной по линии В-3, размерами $1,65 \times 0,8 \times 0,2-0,22$ м. Дно могилы ровное, стенки вертикальные. Погребенная женщина покоилась в скорченном положении на левом боку с согнутыми коленями, головой на восток. Левая рука вытянута вдоль корпуса, а правая – согнута в локте и налегает на левую руку. С кистью правой руки соприкасался сосуд (рис. 58, 2). Под правой локтевой костью располагалась бронзовая выпуклая неорнаментированная бляха со шпеньком (рис. 61, 1). Под бляхой сохранился небольшой фрагмент кожаного изделия. Под левой локтевой костью находились фрагменты плохо сохранившегося бронзового браслета (рис. 61, 7). Среди фаланг левой кисти зафиксировано скопление разрозненных бронзовых слабоизогнутых стержней – возможно остатки еще одного браслета или нескольких бронзовых колец малого диаметра. В изголовье, близ северо-западной стенки обнаружен мелкий фрагмент керамики, но от другого сосуда.

Погребение № 33 (рис. 56, 4) совершено в яме, по форме близкой к овальной, ориентированной по линии ВЮВ-ЗСЗ. На уровне материка размеры составляют $1,55 \times 0,6-1,15 \times 0,32-0,34$ м. Ко дну погребальная камера равномерно сужается и достигает размеров $1,4 \times 0,5-0,85$ м. Дно могилы ровное, стенки покатые. Захоронен ребенок 10-14 лет. Он помещен в погребальную камеру

скорчено на левом боку с согнутыми коленями, с согнутыми в локтях и вытянутыми перед телом руками, головой на Ю-В. В районе правой локтевой кости располагалась бронзовая бляшка с петлей (рис. 61, 2). Под ней зафиксированы мелкие фрагменты кожаного изделия. В юго-западном углу могильной ямы найдены узкая бронзовая пластинка и небольшой фрагмент кожаного изделия с обрывками нитей (рис. 61, 10, 11). Близ юго-восточной стенки находилась фаланга жеребенка (рис. 61, 13).

Погребение № 34 (рис. 56, 5) совершено в прямоугольной яме, ориентированной по линии ССВ-ЮЮЗ. На уровне материка размеры составляют $1,65 \times 1,05 \times 0,25-0,27$ м. Ко дну погребальная камера равномерно сужается и достигает размеров $1,3 \times 0,77$ м. Дно могилы ровное, стенки покатые. Среди костей скелета полностью отсутствуют кости таза, хотя скелет лежал в анатомическом порядке. Останки ребенка 5-9 лет располагались скорчено на левом боку с согнутыми коленями. Умерший ориентирован головой на ССВ. В районе колен был установлен керамический сосуд (рис. 58, 3). В разных частях погребальной камеры и на разных уровнях, фиксировался древесный тлен, что позволяет предполагать наличие перекрытия. По структуре волокон, там, где это было возможно, удалось установить, что вероятное перекрытие было продольным.

Погребение № 35 (рис. 56, 6) совершено в яме подпрямоугольной формы, ориентированной по линии ЮВ-СЗ. Размеры составляют $1,5 \times 0,75-0,85 \times 0,32-0,36$ м. Дно могилы ровное, стенки вертикальные. Останки ребенка 8-12 лет уложены на левый бок, с согнутыми в коленях и подтянутыми к корпусу ногами. Руки согнуты в локтях и соединены под подбородком кистями. Погребенный ориентирован головой на ЮВ. Под черепом обнаружена бронзовая бляшка и в ее окислах – небольшой фрагмент кожаного изделия. На шейных позвонках с правой стороны находилась бронзовая серьга (рис. 61, 4). Еще одна бляшка с петлей для крепления и продетым сквозь нее шпеньком находилась у верхнего окончания левой плечевой кости (рис. 61, 3). У локтевого сустава левой руки располагалась фаланга жеребенка (рис. 61, 12).

Погребение № 36 (рис. 56, 7) частично нарушено хозяйственной ямой, относящейся ко времени функционирования заимки. Потревожена восточная стенка погребальной камеры, однако скелет оказался не тронутым. Захоронение совершено в яме подпрямоугольной формы, ориентированной по линии С-Ю. Размеры составляют $1,7 \times 0,7 \times 0,14$ м. Дно могилы ровное, стенки вертикальные. В северо-западной части погребальной камеры фиксируется небольшой подбой, возвышающийся над дном захоронения на 0,05 м. Умерший ребенок 4-8 лет находился на левом боку с согнутыми в коленях и подтянутыми к туловищу ногами. Погребенный ориентирован головой на север. Руки согнуты в локтях и вытянуты вперед. Поверх левой локтевой кости находилась фаланга жеребенка. В правой верхней части грудного отдела обнаружена бронзовая пластина аморфной формы (рис. 61, 9). Внутренняя сторона левой ключицы сохранила на себе следы окислов несохранившегося бронзового предмета. У границы северо-восточной стенки и в ногах погребенного обнаружены практически не сохранившиеся мелкие фрагменты керамического сосуда. В разных местах могилы, на глубине 0,14-0,15 м эпизодически встречалась древесная труха, возможно остатки перекрытия.

Помимо охарактеризованных выше захоронений, под насыпью обнаружена яма № 65 (рис. 55). Она имеет вытянутую по линии ССВ-ЮЮЗ овальную форму размерами $3,4 \times 0,6-0,8$ м, в средней части прослеживается расширение до 1,1 м. Глубина ее колеблется в пределах 0,08-0,14 м. В ней не обнаружено остатков захоронения, в верхней части заполнения найдены фрагменты пахомовской керамики (рис. 58, 5), которые позволяют однозначно соотносить яму с описанными выше погребениями и констатировать, что яма входит в единый погребальный комплекс и несет определенную ритуальную нагрузку.

Полученный погребальный комплекс, несмотря на сравнительно небольшую выборку, позволяет сделать определенные выводы, демонстрирующие его специфику.

Можно констатировать, что и взрослых, и детей, относящихся к единой культурной группе, хоронили на одном кладбище, сооружая над ними земляные

сооружения (курганы). О истинной форме и размерах этих сооружений судить сложно из-за постоянного антропогенного воздействия. Высота их была сравнительно невелика. Выделяется дифференцирующий подход к умершим. В одном случае надмогильную конструкцию устраивали для одного мужчины (курган № 3), сооружая к тому же вокруг могилы ров и помещая в него сосуд. Под соседним курганом № 4 захоронены шесть человек – взрослые мужчина, женщина и четверо детей. Можно предположить какую-то родственную связь этой группы, что не только позволило объединить их в рамках одной конструкции, но и определенно планиграфически сгруппировать по кругу вокруг центрального погребения № 31 взрослого мужчины.

Общей чертой является сходная форма и конструкция погребальных камер, размеры которых предопределялись ростом умершего. Похожа их глубина, которая не так велика, как у могил населения андроновской (федоровской) культуры в данном регионе [Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002], однако глубже, чем у представителей ирменской культуры [Молодин, 1985, с. 131-135], синхронной по времени анализируемому могильнику.

Устойчивыми чертами погребальной практики является помещение умерших в могиле на левом боку, в скорченном положении и крайне неустойчивая ориентация как погребальных камер, так и помещенных в них умерших. Особенностью является также дифференциация погребального инвентаря в могилах и необязательное помещение в них сосудов, хотя последние явно использовались в других эпизодах погребального обряда.

Организация сакрального пространства на памятнике Гришкина Заимка представлена следующими видами и подвидами:

Вид 1.2. Курганная насыпь + погребение:

Подвид 1.2.4. Курганная насыпь + шесть погребений – курган № 4.

Вид 1.8. Курганная насыпь + погребение + ров:

Подвид 1.8.1. Курганная насыпь + погребение + ров – курган № 3.

В целом, исследованные курганы вписываются в систему организации сакрального пространства, выявленную для могильника Старый Сад, выделяется

только наличие шести погребений под одной насыпью [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2014].

Ров, обнаруженный под насыпью кургана № 3 относится, по ранее выполненной классификации для могильника Старый Сад, к классу 1 (овальной формы) и виду **1.3.** (имеющий два «разрыва»), что также согласуется с уже известными классами и видами.

Далее следует обратиться к анализу, хотя и количественно небольшого, но яркого керамического комплекса могильника Гришкина Заимка (рис. 58).

Коллекция керамики состоит из фрагментов и 5 полных форм (рис. 58). Сосуды горшковидной формы, украшены орнаментами в виде треугольников и опоясывающих прямоугольников, заполненных оттисками гребенчатого штампа, а также меандрами.

В ходе исследования по программе В.Ф. Генинга [1973] (табл. 16, 17) выявлено, что для сосудов характерны низкие и средние пропорции, все сосуды являются очень низкогогорлыми. По показателю ширины горла посуда разделилась на средне- и широкогорлые. Горловины встречаются как с наклоном внутрь, так и сильно- и очень сильнопрофилированные. У всех сосудов тулово приплюснутое, плечики - средних, высоких пропорций. По выпуклости они распределяются от очень слабовыпуклых, до слабо- и средневыпуклых. Все днища сосудов являются средними по размерам. По всем указателям сосуды укладываются в полученные ранее категории для керамической коллекции могильника Старый Сад. Другое дело, что керамика из Старого Сада комплекс демонстрирует значительно большую вариабельность, хотя этот факт может являться следствием малой выборки.

При анализе общей пропорциональности сосудов [Актуальные проблемы..., 1999, с. 58] (рис. 59, 4) установлено, что сосуды № 2 и 3 (рис. 58, 2, 3) относятся к «привычным» формам, сосуды № 1, 4, 5 (рис. 58, 1, 4, 5) являются «сосудами-подражаниями». Важно отметить, что очень близкие аналогии (доходящие до тождества форм и орнаментальной схемы) «привычным» изделиям из Гришкиной Заимки имеют место в комплексе поселения Алексеевка XXI в низовьях р. Тара

[Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997; Корочкова, 2010, рис. 23, 15, 20, 21]. При этом сосуд № 2 (рис. 58, 2) практически аналогичен как по форме, так и по орнаментальной схеме и композиции подобному изделию из отмеченного выше поселения (рис. 18, 4).

Сравнив индивидуальные характеристики указателей для каждого сосуда памятника Гришкина Заимка (табл. 17), выявлены два изделия (рис. 58, 4, 5), полностью сходные по всем восьми указателям, в то время как все остальные изделия отличаются минимум по двум показателям. При сравнении полупрофилей сосудов, построенных в одном масштабе (рис. 59, 1, 2), эти два сосуда-«подражания» выделяются среди остальных форм в отдельную группу по углу отгиба горловины и оформлению плечика. Полученные данные с учетом контекста позволяют предположить определенную взаимосвязь этих двух изделий. Опираясь на разработки ряда ученых в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства [Бобринский, 1978, 1986, 1988; Волкова, 1998, 2010; Цетлин, 2012], можно предположить, что эти два сосуда были изготовлены в рамках одного динамического стереотипа и, возможно, изготовлены одним мастером. Любопытно, что сосуд из ямы № 31 (рис. 58, 5) имеет поразительно близкий аналог из погребения № 271 Еловского II могильника [Матющенко, 2004, с. 232, рис. 341, 2], относимого автором раскопок В.И. Матющенко к еловской группе данного комплекса [Там же, с. 13].

Сосуд из рва кургана № 3 (рис. 58, 1) отличается по морфологическим характеристикам от двух предыдущих, но также имеет «гибридную» форму. Кроме этого, у изделий прослеживается близость орнаментальных схем (наличие мотива из ограниченной с двух сторон полосы, заполненной сеткой из оттисков гребенчатого штампа, как орнамента, маркирующего хронологическую позицию). Соответственно, эту посуду можно объединить в одну группу (с тем условием, что сосуд из рва кургана № 3 не является производением того же гончара).

Сосуды группы с «привычными» (рис. 58, 2, 3) формами отличаются от рассмотренных выше морфологическими и орнаментальными (присутствуют геометрические мотивы, меандры и др.) характеристиками. При прорисовке

скелетов сосудов (рис 59, 3), несмотря на отсутствие общего канона и широкий разброс пропорций тулова сосудов, в конструировании придонной части, которая менее всего подвержена изменениям в ходе смешения гончарных традиций, наблюдается определенное сходство, проявляющееся в практически одинаковых реальных значениях диаметра дна и угла отгиба придонной части, что может свидетельствовать о возможном единстве традиции формовки этой посуды. Из группы выбивается сосуд из рва кургана № 3, что служит подтверждением тезиса о изготовлении его мастером с иной традицией морфологии сосудов.

Кроме морфологического анализа проведено изучение типов исходного сырья и составов формовочных масс для трех сосудов (табл. 18). Так, все изделия изготовлены из ожелезненной глины, где в качестве естественных примесей зафиксированы включения бурого железняка (один экз.). По степени запесоченности изделия подразделяются на низко- (один экз.) и высокозапесоченные (два экз.)

Как минеральная добавка в формовочной массе во всех образцах обнаружен шамот (рис. 60, 1, 2), который в первом случае не калибровался (размерность от 0,5 до 5,5 мм), во втором – калиброван по верхней границе (размерность от 0,5 до 2,5 мм), в третьем – калиброван по нижней границе (размерность от 1 до 3 мм). Различия проявляются и в концентрации. Так, в двух случаях концентрация составляет 1 : 5, в одном – 1 : 7-8. В двух образцах выявлен шамот в шамоте, что свидетельствует о устойчивой традиции добавления этой примеси в состав формовочной массы.

Органическая примесь обнаружена во всех экземплярах и представлена органическим раствором, возможно, из навоза жвачных (рис. 60, 1, 3).

Таким образом, по результатам анализа выделен один рецепт формовочной массы – глина + шамот + органический раствор (три экз.).

В целом, технико-технологически данные изделия укладываются в типичную для пахомовской культуры традицию отбора исходного сырья и составления формовочной массы.

Бронзовый инвентарь состоит из разнообразных изделий различной степени сохранности (рис. 61). Так, в погребении № 22 обнаружен однолезвийный черенковый нож с намечающимся уступом и обломанной рукоятью (рис. 61, 5). Данный тип изделий был широко распространен в эпоху развитой и поздней бронзы Западной Сибири, ближайšie аналогии ему известны в материалах комплексов Еловского II могильника [Матющенко, 2004, с. 364, рис. 416, 3], некрополя Старый Сад (рис. 44, 5) и др.

Бронзовые неорнаментированные бляшки (5 экз.) можно классифицировать по способу крепления (рис. 61, 1-3, 6): с петлей для крепления (2 экземпляра); с петлей для крепления и продетым сквозь нее шпеньком (1 экземпляр); без креплений (1 экземпляр). Подобные изделия были распространены на широкой территории в эпоху развитой и поздней бронзы. Аналогии известны в материалах Еловского II могильника [Матющенко, 2004, с. 370, рис. 419, 13, 15, 16], некрополя Старый Сад (рис. 45, 46), а также на памятниках пахомовской культуры Тоболо-Иртышья, в частности, могильнике Черноозерье II [Корочкова, 2009, с. 79, рис. 4, 10, 21].

В погребении № 35 обнаружена серьга (рис. 61, 4) с длинной разомкнутой петлей, полым раструбом на конце и шаровидным утолщением между дужкой и раструбом. Подобный тип вещей был так же распространен в эпоху развитой и поздней бронзы, ближайšie аналогии известны в материалах Еловского II могильника [Матющенко, 2004, с. 370, рис. 419, 5, 6] и Еловского I могильника [Косарев, 1981, с. 155, рис. 59, 6, 20], памятнике Старый Сад (рис., 47, 2), могильнике Северный Тагискен [Итина, Яблонский, 2001].

Изделия из кости представлены одним черешковым треугольным в сечении наконечником стрелы из погребения № 22 (рис. 61, 14). Как и описанный выше комплекс бронзовых изделий, подобный тип наконечников был широко распространен в эпоху развитой и поздней бронзы Западной Сибири. Аналогии известны в комплексах пахомовской культуры Тоболо-Иртышья [Костомаров, 2010, с. 97], Еловского II могильника [Матющенко, 2004, с. 220, рис. 324, 4], поселения Чекист [Косарев, 1981, с. 156, рис. 60, 24] и др. В детских могилах №

33, 35, 36 обнаружены фаланги жеребят (рис. 61, 12-13), по одной в каждой. Подобные предметы также являются частой находкой в погребальных комплексах эпохи бронзы Западной Сибири. В том числе в захоронениях пахомовской и еловской культур.

Памятник Преображенка 3 расположен в Чановском р-не Новосибирской обл. (рис. 1; 2) и представляет собой курганный могильник, в южной части которого обнаружено поселение раннего металла. К настоящему моменту памятник, содержащий 110 курганных насыпей, изучен полностью под руководством В.И. Молодина [1985, с. 118]. Большая часть обнаруженных захоронений на памятнике относится к ирменской культуре, однако выделяется два нетипичных погребения, которые могут быть связаны с восточным вариантом пахомовской культуры [описание погребальных комплексов по: Молодин, Отчет..., 1977].

Первое обнаружено в центре насыпи андроновского кургана № 95. Насыпь округлой формы, диаметром по линии СЮ – 9,9 м, ЗВ – 9,3 м. Высота от современной дневной поверхности достигает 0,4 м. Всего под насыпью обнаружено шесть захоронений, пять из которых относятся к андроновской (федоровской) культуре.

Погребение № 1 представляет собой впускное, возможно вторичное, захоронение. В ходе снятия земляной конструкции были обнаружены разрозненные кости человека в насыпи на глубине 0,42 м. Рядом с ними обнаружены два керамических сосуда (рис. 65). В целом, подобный способ захоронения умерших в насыпи курганов известен у населения восточного варианта пахомовской культуры и встречается на могильниках Старый Сад и Гандичевский совхоз [Молодин, Сидоров, Мыльникова и др., 2016; Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017].

Выделяется погребение, обнаруженное под насыпью кургана № 84 (рис.62; 63). Насыпь округлой формы, диаметром по линии СЮ – 10,2 м, ЗВ – 11,95 м. Высота от современной дневной поверхности достигает 0,53 м. В ЮВ части

кургана обнаружен овальный в плане провал, диаметром 0,32 м, мощностью до 0,03 м (рис. 62).

Погребение № 1 (рис. 63) расположено по центру земляной конструкции и представляет собой яму подпрямоугольной формы, ориентированной по линии З-В, размерами 3,87 × 2,27 × 0,25 м. В погребальной камере обнаружено семь скелетов умерших. Центральная часть захоронения потревожена, но можно констатировать, что все погребенные лежали на вытянуто на спине головой на север. Первый скелет расположен у западной стенки могильной ямы и уложен вытянуто на спину головой на север, у изголовья обнаружен сосуд. Второй костяк расположен аналогично первому, однако находок рядом с ним не обнаружено. Третий скелет потревожен, от него сохранились кости ноги несколько ребер, предположительно в р-не головы располагался керамический сосуд. Четвертый костяк также потревожен, от него сохранились частично кости ног, исходя из чего можно предположить, что покойный был уложен на вытянуто на спину, головой на север. От пятого скелета сохранились частично кости ног, таза и позвоночника, что позволяет заключить, что умерший был уложен в погребение также, как и предыдущие. В изголовье расположен керамический сосуд. Шестой костяк также расположен вытянуто на спине, головой на север, череп отсутствует, однако его остатки обнаружены в ЮВ углу могилы. Седьмой скелет потревожен, в изголовье расположен керамический сосуд (рис. 64).

Таким образом, на анализируемом памятнике обнаружено одно погребение в насыпи андроновского кургана и одно коллективное захоронение под земляной конструкцией. Погребения в насыпи являются достаточно распространенной традицией у населения восточного варианта пахомовской культуры и известны на памятниках Старый Сад и Гандичевский совхоз [Молодин, Сидоров, Мыльникова и др., 2016; Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017]. Второе захоронение, содержащее скелеты семи умерших, является единственным известным к настоящему моменту объектом подобного типа на памятниках восточного варианта пахомовской культуры. Коллективные погребения известны в собственно пахомовской культуре и встречаются как на могильниках, так и на

поселениях [Корочкова, 2010; Матвеева, Костомаров, 2009; Полеводов, 2003]. Так, на некрополе Усть-Терсюк-2 обнаружено захоронение шести человек, уложенных скорченно на боку головами на ЮЗ, погребальный инвентарь представлен двумя керамическими сосудами [Костомаров, 2010, с. 65].

Организация сакрального пространства на памятнике Преображенка-3 представлена следующими видами и подвидами:

Вид 1.2. Курганная насыпь + погребение:

Подвид 1.2.1. Курганная насыпь + погребение – курган № 95.

Вид 1.7. Курганная насыпь + погребение + прокалы:

Подвид 1.7.1. Курганная насыпь + погребение + один прокол – курган № 84.

В целом, исследованные курганы вписываются в систему организации сакрального пространства, выявленного для могильника Старый Сад, [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2014].

Погребальный инвентарь насчитывает шесть керамических сосудов, обнаруженных в курганах № 95 и 84. Они представляют собой низкой и средней высоты горшки с очень низкой, широкой, слабо- и среднепрофилированной горловиной, приплюснутым туловом, высоким и очень слабо- и слабовыпуклым плечиком, широким дном (по терминологии В.Ф. Генинга [1973]; табл. 14). Сосуды из кургана № 95 орнаментированы рядами треугольников и ромбов, выполненных гребенчатым штампом, расположенных по тулову (рис. 65). В месте перехода горловины к плечу у сосуда № 2 расположен пояс, заполненный наклонными оттисками гребенчатого штампа (рис. 65, 2), горловины неорнаментированны (рис. 65). Сосуд из кургана № 84 украшен по тулову зигзагом, заполненным наклонными оттисками гребенчатого штампа, вертикальными оттисками украшено тулово и придонная часть, на горловине расположен пояс, заполненный горизонтальными оттисками округлого штампа (рис. 64, 1). Другое изделие орнаментировано рядами вертикальной «елочки», нанесенной гребенчатым штампом и расположенной на горловине и тулове горшка, горловина дополнительно украшена горизонтальными рядом ямок (рис. 64, 2).

Для двух сосудов из погребений курганов № 95 и 84 проведен микроскопический анализ исходного сырья и составов формовочной массы (табл. 21).

Оба изделия изготовлены из ожелезненного глинистого сырья средней степени запесоченности. В качестве естественных примесей отмечены включения разноразмерного бурого железняка.

В состав формовочной массы входили как органические, так и минеральные добавки. К первым относится органический раствор (возможно, из навоза жвачных животных), о чем свидетельствует наличие аморфных пустот со сглаженными стенками, имеющийся налет «глянца» и следы мелкой растительной органики. Минеральная примесь представлена некалиброванным (0,5-4 мм) шамотом (рис. 66). Концентрация шамота в глинистом сырье составляет 1 : 6-7 (сосуд № 1) и 1 : 5-6 (сосуд № 2). В одном случае зафиксирован шамот в шамоте.

Таким образом, для двух сосудов могильника выявлен один рецепт формовочной массы – глина + шамот + органический раствор.

В целом, исходное сырье и состав формовочной массы этих сосудов является типичным для пахомовской культуры и ее восточного варианта.

Курганный могильник Абрамово-4 расположен в Куйбышевском р-не Новосибирской обл. на левом берегу р. Омь (рис. 1; 2). Памятник исследовался под руководством В. И. Молодина и представляет собой совокупность разновременных некрополей, включающий захоронения эпохи бронзы и раннего железного века [Молодин, 1985; Полосьмак, 1987]. К восточному варианту пахомовской культуры, можно отнести три кургана (рис. 67-69) [описание погребальных комплексов по: Молодин, Отчет..., 1979].

Курган № 3 (рис. 67) расположен в южной части могильника. Насыпь кургана округлой формы. Диаметр по линии СЮ составляет 9,64 м, ЗВ – 10,96 м. Высота от современной дневной поверхности достигает 0,35 м. В насыпи, на глубине 0,4 м, почти в центре кургана обнаружен обломок челюсти человека. В юго-западном секторе обнаружен прокол округлой формы, диаметром 0,25 м, мощностью до 0,15 м. После снятия земляной обнаружен ров, состоящий из

вытянутых прямоугольных траншей, образующих подпрямоугольник, незамкнутый в углах. В юго-западной части этого рва, на глубине 0,87 м, обнаружен череп лошади без нижней челюсти, рядом с ним (с обеих сторон) стояли два сосуда.

Курган № 14 (рис. 68). Насыпь кургана округлой формы. Диаметр по линии СЮ составляет 7,52 м, ЗВ – 8 м. Высота от современной дневной поверхности достигает 0,4 м. В центре и ЮЗ части насыпи на уровне погребенной почвы обнаружены два прокала. Первое кострище овальной формы, средний диаметр составляет 0,52 м, мощность – 0,1 м. Второй прокол округлой формы, средним диаметром – 0,4 м, мощностью до 0,16 м. В северо-восточном и юго-западном секторах, ближе к центру кургана, на уровне погребенной почвы обнаружены два сосуда (рис. 70, 1, 2). Следов погребения не обнаружено.

Курган № 16 (рис. 69) расположен рядом с курганом № 14. Насыпь кургана круглой формы, диаметром 6 м. Высота от современной дневной поверхности достигает 0,15 м. В центре насыпи обнаружен прокол округлой формы, диаметром 0,44 м, мощностью до 0,1 м. Под прокалом, при его разборке, обнаружены два сосуда (рис. 70, 3). Следов погребения или костей человека не обнаружено.

Таким образом, на памятнике Абрамово-4 обнаружено три погребальных сооружения, не содержащих под собой явных следов погребения умерших. В кургане № 3 в насыпи обнаружена челюсть человека без других частей скелета и без сопроводительного инвентаря. Интерпретировать данную находку как разрушенное погребение затруднительно, так как при раскопках данного кургана не зафиксировано следов проникновения грабителей. Судя по всему, она указывает на особенности погребальной практики соорудившего данный объект населения. Нахождение деталей черепа отдельно от остального скелета изредка фиксируется в погребальном обряде еловской и ирменской культур [Молодин, 1985; Матющенко, 2004]. Два других кургана № 14 и 16 представляют собой погребальные конструкции, содержащие рвы и прокалы, но без погребальных камер. Аналогии подобным конструкциям известны на памятниках Старый Сад и

Тартас-1 [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017; Молодин, Мыльникова, Кобелева, 2011].

Организация сакрального пространства на памятнике Абрамово-4 представлена следующими видами:

Вид 1.3. Курганная насыпь + прокал – 2 ед.:

Подвид 1.3.1. Курганная насыпь + прокал – курган № 16;

Подвид 1.3.2. Курганная насыпь + 2 прокала – курган № 14.

Вид 1.9. Курганная насыпь + ров + прокал – курган № 3.

В целом, исследованные курганы вписываются в систему организации сакрального пространства, выявленного ранее для могильника Старый Сад, за исключением кургана № 14, где под насыпью обнаружено два прокала [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2014].

Ров, обнаруженный под насыпью кургана № 3 можно отнести к классу 2 (подквадратной формы) и виду **2.4.** (четыре «разрыва»). Подквадратные рвы известны на памятнике Старый Сад, однако ни в одном случае они не имеют четырех разрывов.

Погребальный инвентарь насчитывает три керамических сосуда, обнаруженных в насыпях анализируемых курганов (рис. 70). Они представляют собой низкой и средней высоты горшки с очень низкой, широкой и очень широкой, средне-, сильно- и очень сильнопрофилированной горловиной, очень приплюснутым, приплюснутым и средним туловом, средним, высоким и слабовыпуклым плечиком (по терминологии В.Ф. Генинга [1973]; табл. 19, 20). Два сосуда имеют округлое дно (рис. 70, 1, 2).

Первый сосуд орнаментирован рядом свисающих треугольников по плечу, рядами вертикальной елочки по плечу и придонной части. На горловине расположен пояс, заполненный наклонными оттисками штампа и ряды треугольников. Орнамент выполнен гладким и гребенчатым штампом (рис. 70, 1). Второй сосуд также орнаментирован рядами треугольников по плечу и придонной части, над треугольниками и по горловине расположены пояса, заполненные вертикальными оттисками штампа. Помимо этого, на горловине

нанесены ряды треугольников. Орнамент выполнен гребенчатым штампом (рис. 70, 2). Третий сосуд орнаментирован по тулову узором, близким к меандровидному, однако значительно отличающемся от подобных композиций, известных на изделиях с других памятников пахомовской культуры. Кроме этого, по тулову нанесены оттиски округлого орнамента, вписанные в меандровидный узор или скомпонованные вместе по три. На горловину изделия нанесен пояс, заполненный вертикальными оттисками гребенчатого штампа и ряд оттисков округлого штампа. Орнамент нанесен гребенчатым и округлым штампом (рис. 70, 3).

Для двух сосудов из курганов № 14 и 16 проведен микроскопический анализ исходного сырья и составов формовочной массы (табл. 22).

Оба изделия изготовлены из ожелезненного глинистого сырья средней степени запесоченности. В качестве естественных примесей отмечены включения фракций разноразмерного бурого железняка и фрагментов раковины моллюска.

В состав формовочной массы входили как органические, так и минеральные добавки. Минеральная примесь представлена шамотом (рис. 71, 1). В первом случае он калиброван по нижней границе (от 2 мм), во втором – по верхней (0,5-2,5 мм). Концентрация шамота в глинистом сырье составляет 1 : 5 (сосуд № 1) и 1 : 6–7 (сосуд № 2). К органическим относится навоз жвачных животных, добавленный в исходное сырье в сухом виде (рис. 71, 2). На одном из сосудов (рис. 70, 3) зафиксированы возможные следы обваривания.

Таким образом, для двух сосудов могильника выявлен один рецепт формовочной массы – глина + шамот + навоз.

В целом, исходное сырье и состав формовочной массы этих сосудов является типичным для пахомовской культуры и ее восточного варианта за исключением замены органического раствора на навоз. Рецепты формовочной массы с навозом изредка встречаются в технологии керамики пахомовской культуры и ее восточного варианта, однако не являются для нее типичными.

3.3 Погребальные комплексы долины р. Каргат

Самым восточным известным на данный момент памятником восточного варианта пахомовской культуры является могильник Гандичевский совхоз, расположенный в Убинском р-не Новосибирской обл., у д. Новогандичево, неподалеку от заболоченного займища, в прошлом, видимо, озера (рис. 1; 2). Памятник открыт в 1975 г. Е.А. Сидоровым, им же здесь проведены первые раскопки. В дальнейшем памятник изучался Е.А. Сидоровым в 1976 и 1980 гг., а в 1979 г. раскопки шести курганов проведены В.И. Молодиным. Всего на могильнике зафиксировано 12 насыпей, четыре из них относятся к андроновской (федоровской) культуре, две – к ирменской и три – к восточному варианту пахомовской культуры, еще три насыпи остались неисследованными (рис. 72). Прежде чем перейти к анализу погребальных комплексов, следует отметить, что часть сопроводительного инвентаря после раскопок утрачена и привести для них аналогии не представляется возможным [описание погребальных комплексов по: Молодин, Сидоров, Мыльникова и др., 2016].

Курган № 7 (рис. 73, 1) является северным объектом в цепочке. Его диаметр по линии СВ-ЮЗ составляет 8 м, по линии СЗ-ЮВ – 9 м, высота насыпи от уровня современной дневной поверхности составляет 0,1 м.

Погребение № 1 размещалось в южной части насыпи кургана на глубине 0,2 м, на уровне погребенной почвы (рис. 73, 2). Захоронен взрослый человек скорченно на левом боку, головой на ЮВ. Ноги согнуты в бедренных суставах и коленях, руки – в локтевых суставах. На тазовых костях и у коленных суставов найдены две каменные пластинки из сланца. Под ключицей обнаружена почти полностью истлевшая цилиндрическая бусина, свернутая из бронзового листка. В 0,2 м к востоку от черепа обнаружен бронзовый нож, а в 0,5 м к югу – два сосуда, между которыми находилось бронзовое шило. (рис. 73, 3).

Курган № 8 – южный объект цепочки (рис. 74, 1). Насыпь округлой формы, диаметром 8 м. Высота от современной дневной поверхности достигает 0,3 м.

Погребение № 1 расположено в центре кургана на глубине 0,2 м, на уровне погребенной почвы (рис. 74, 2). Захоронен взрослый человек в скорченном положении на правом боку, головой на ЮЗ. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – согнута в локте. Рядом с черепом найден сосуд, других находок не обнаружено.

Курган № 9 находился в центре цепочки (рис. 75, 1). Насыпь круглой формы, диаметром 10 м. Высота от современной дневной поверхности достигает 0,1 м. На глубине 0,6 м в центральной части кургана обнаружено погребение ребенка. Все части скелета, кроме черепа, истлели (рис. 75, 1). По положению черепа можно предположить, что погребенный лежал в скорченном положении (?) на левом боку головой на СВ, возможно, с отклонением к востоку. В 0,4 м к северу от черепа находился сосуд (рис. 75, 2). Других находок не обнаружено.

Таким образом, курганы восточного варианта пахомовской культуры расположены цепочкой по линии С-Ю, в 45-60 м друг от друга. Они составляют самостоятельную группу, не соприкасаясь и не накладываясь на насыпи андроновской (федоровской) и ирменской культур (рис. 72). Курганные насыпи представляют собой оплывшие всхолмления округлой формы. Современный диаметр их варьирует от 8 до 10 м, а высота – 0,1-0,3 м.

Три захоронения восточного варианта пахомовской культуры – одиночные и расположены практически в центре курганных насыпей. Погребения не потревожены, располагаются на уровне погребенной почвы или в насыпи кургана. Умерших укладывали на левый (№ 9, 7) и правый бок (№ 8), головой на ЮВ (№ 7), ЮЗ (№ 8) и СВ (№ 9).

По количеству сопроводительного инвентаря выделяется погребение в кургане № 7 (рис. 73, 2), в двух других захоронениях выявлено только по одному керамическому сосуду.

Организация сакрального пространства на памятнике Гандичевский совхоз представлена следующими видами:

Вид 1.2. Курганная насыпь + погребение:

Подвид 1.2.1. Курганная насыпь + погребение – курганы № 7-9.

В целом, исследованные курганы вписываются в систему организации сакрального пространства, выявленного для могильника Старый Сад [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2014].

Погребальный инвентарь представлен керамическими сосудами (4 ед.), бронзовыми изделиями (3 ед.) и двумя фрагментами изделий из сланца. К сожалению, часть материала утрачена и для анализа остались доступны два керамических сосуда.

Морфологически изделия представляют собой низкой высоты горшки с очень низкой, широкой, слабо- и сильнопрофилированной горловиной, приплюснутым туловом, высоким и средневыпуклым плечиком, средним дном (по терминологии В.Ф. Генинга [1973]; табл. 14). Орнаментированы сосуды рядами треугольников и ромбов, выполненных гребенчатым штампом, расположенных по тулову и горловине. В месте перехода горловины к плечу нанесены желобки (рис. 73, 3; 75, 3).

Для данных изделий проведен микроскопический анализ исходного сырья и составов формовочной массы (табл. 23). Оба изделия изготовлены из ожелезненного глинистого сырья средней степени запесоченности. В качестве естественных примесей отмечены включения фракций разноразмерного бурого железняка.

В состав формовочной массы входили как органические, так и минеральные добавки. К первым относится органический раствор (возможно, из навоза жвачных животных), о чем свидетельствует наличие аморфных пустот со сглаженными стенками, имеющийся налет «глянца» и следы мелкой растительной органики (рис. 77, 1, 2).

Минеральные примеси представлены шамотом (рис. 76, 1, 2; 77, 1, 3), дресвой (рис. 76, 1, 3; 77, 1, 3, 4) и песком (рис. 76, 1, 3). Шамот калиброван, в одном случае в диапазоне 1-1,9 мм, в другом – 0,2–2 мм. Концентрация шамота в глинистом сырье составляет 1 : 9 и 1 : 6.

Дресва встречена вместе с шамотом. Сырьем для дробления служили кварциты (рис. 76, 1, 3; 77, 1, 3, 4). Породные обломки так же калиброваны, в

одном случае в диапазоне 0,5-0,9 мм, в другом – 0,5–1,9 мм. Концентрация дресвы в глинистом сырье составляет для обоих образцов около 1 : 6–7. В одном случае зафиксирована искусственная примесь окатанного калиброванного песка (1-1,9 мм), в концентрации не менее чем 1 : 4 (рис. 76, 1, 3).

Таким образом, для двух сосудов могильника выявлены два рецепта формовочных масс:

1. глина + шамот + дресва + органический раствор;
2. глина + шамот + дресва + песок + органический раствор.

Подобное технико-технологическое исследование проведено для ирменских и позднеирменских комплексов Барабинской лесостепи [Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 34]. Примесь песка фиксируется в керамике обеих культур, однако доля рецептов с его содержанием незначительна. Традиция добавления породных обломков в состав формовочных масс посуды ирменской и позднеирменской культур не является автохтонной. В том случае, если такая керамика выявляется, то она или привозная, или изготовлена по смешанной гончарной традиции. Наиболее близкие памятники с добавлением в формовочную массу дробленой породы известны на ритуальном комплексе восточного варианта пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 [Селин, 2016а], а также поселениях переходного времени от бронзового к раннему железному веку Приобья [Мыльникова, 2015]. Добавка дресвы так же может быть связана с гончарной традицией бегазы-дандыбаевской культуры, для гончарства которой характерно наличие дробленой породы [Ломан, 2015].

Исходя из анализа специфики погребальной обрядности и керамических изделий, можно заключить, что параллели материалам из курганов № 7-9 могильника Гандичевский совхоз находятся в памятниках восточного варианта пахомовской культуры. К настоящему моменту он является самым восточным памятником для этого культурного образования и свидетельствует о продвижении групп пахомовского населения на восток. Наличие на памятнике нескольких курганов ирменской культуры позволяет предполагать, что и ирменский, и восточнопахомовский некрополи существовали одновременно, и использовались

по сути смешанным ирменско-восточнопахомовским населением. За это говорят отмеченные черты автохтонной погребальной практики (захоронение умерших на погребенной почве) и наличие новации в морфологии и технологии глиняной посуды, вероятно, связанные с пришлым пахомовским населением.

Таким образом, можно выделить несколько характерных черт погребальной практики населения восточного варианта пахомовской культуры:

1. Умершие захоронены в погребальных камерах по одному (за исключением двух захоронений на памятниках Старый Сад и Преображенка-3);
2. Характерный способ захоронения – труположение;
3. Могилы расположены под курганными насыпями (кроме случаев, когда они, скорее всего, были уничтожены в ходе хозяйственного освоения);
4. Погребальный инвентарь представлен и включает в себя керамические и бронзовые изделия, фрагменты глиняных, костяных и каменных изделий;
5. Организация сакрального пространства вариативна и включает в себя до 16 различных видов, зафиксированных на одном памятнике (Старый Сад);
6. Погребальный обряд синкретичен и включает в себя элементы практик пахомовской, ирменской, бегазы-дандыбаевской и более южных культур, оставивших такие памятники как Северный Тагискен.

Характеризуя погребальный обряд населения восточного варианта пахомовской культуры следует отметить, что на известных к настоящему времени поселениях восточного варианта пахомовской культуры в Барабинской лесостепи (Ложка-6, Ходуненково-2, Туруновка-4, Новочекино-3, Нижняя Тунуска-3, Прорва) захоронения отсутствуют [Бобров, Моор, 2010, с. 154–157; Бобров, Моор, 2011, с. 139–142; Бобров, Марочкин, Юракова и др., 2012, с. 120–123; Бобров, Юракова, Моор, 2013, с. 124–132; Бобров, Моор, Плац и др., 2016, с. 227–232; Плац, 2016; Молодин, Новиков, 1998; Молодин, Колонцов, 1984; Молодин, 1985; Глушков, 2003; Евдокимов, Стефанов, 1980; Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997].

Глава 4. КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема идентификации культовых комплексов на памятниках эпохи бронзы во многом остается дискуссионной. Ряд исследователей сходятся на том, что, несмотря на различия в конструктивных особенностях, практически все их сближает чрезвычайная насыщенность культурного слоя керамикой (в том числе целыми сосудами), костями животных, рыб. Помимо этого, характерной чертой является наличие останков человека, найденных не в погребении, а непосредственно в слое. К подобным комплексам относятся памятники сузгунской культуры – Сузгун II, Чудская Гора, Окунево-V, памятники локальных культурных образований – Лучкино-I (лучкинско-сузгунский), Хутор-Бор-I (позднесузгунско-красноозерский), а также специфические объекты, характерные для пахомовских поселений – зольники (Ново-Шадрино-VII) [Труфанов, 1983; Полеводов, 2003; Молодин, Наглер, Хансен и др., 2012, с. 235; Корочкова, 2010, с. 64]. Географически эти памятники распространены от Тоболо-Иртышского междуречья до Барабинской лесостепи.

Для восточного варианта пахомовской культуры объекты, которые можно причислить к культовым, выявлены на памятнике Тартас-1, который расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл. (рис. 1; 2). Этот комплекс обнаружен в восточной части памятника и примыкает к старице р. Тартас, которая в конце эпохи бронзы могла быть частью действующей речной системы. К настоящему моменту изучено 2175 м², на которых обнаружены системы ям, среди которых четко выделяются столбовые, хозяйственные и, возможно, ритуальные (рис. 78; 79). Столбовые ямы составляют ряды, однако четко выделить конфигурацию каркасно-столбовых конструкций крайне затруднительно, хотя подобные попытки ранее предпринимались исследователями [см.: Молодин, Наглер, Хансен и др., 2012; Молодин, Кобелева, Наглер и др., 2013; Молодин, Дураков, Кобелева и др., 2014]. Уверенно можно выделить остатки сооружения, расположенного в квадратах F^{III}-M^{III}/54-64 и зафиксированного в виде комплекса ям различной

величины, формы и глубины (рис. 79; 80). Форма конструкции в плане близка к прямоугольной, размерами около $10,6 \times 17$ м. Помимо остатков столбов, внутри постройки располагались семь крупных ям, в которых обнаружена керамика восточнопахомовского облика и фрагменты костей животных (рис. 81). Непосредственно у стенок сооружения обнаружены вытянутые аморфные объекты, так же содержащие массовые категории находок. Особо следует отметить, что вместе со скоплением костей коровы, в непосредственной близости от ям № 532–535, обнаружены фрагменты тазовых костей человека. Эти находки человеческих костей в пределах комплекса являются не единственными. В небольшой овальной яме № 517 в заполнении, вместе с фрагментами восточнопахомовской керамики, обнаружена пяточная кость взрослого человека [Молодин, Наглер, Хансен и др., 2012]. В целом же, для всей площади, занимаемой ритуальным комплексом, характерна высокая насыщенность слоя находками фрагментов керамической посуды, технической керамики (тиглей, льячек, литейных форм, обмазки), кальцинированных костей животных, известковых конкреций и мелкой охры.

В непосредственной близости от ритуального комплекса выявлена площадка, на которой распложены остатки пяти печей и несколько столбовых ям (рис. 79; 82-84). Удаленность от каркасно-столбовых сооружений позволяет атрибутировать ее как особую производственную зону. Обнаруженные печи схожи между собой по своим конструктивным особенностям и представляют собой округлые ямы размерами в пределах $0,79 \times 0,73 \times 0,6$ м. Особо выделяется тот факт, что все объекты имеют намеренно оформленные земляные «плечи», что придает им «бутылкообразный» профиль (рис. 84, 2). Стенки печей были покрыты глиняной обмазкой. Заполнение состоит из нескольких слоев. Сверху располагалась черная почва мощностью до 0,1 м. Далее фиксируется слой черной почвы с включениями пепла и древесных углей мощностью до 0,4 м. По краям ям зафиксирован слой прокаленной почвы мощностью до 0,22-0,35 м (рис. 82, 2). В некоторых случаях между черной почвой и участками прокала обнаружены слои пепла толщиной до 0,03 м. Находки представлены большим количеством (до 25

единиц в одном объекте) фрагментов обожжённых известковых конкреций, расположенных на разном уровне (рис. 83, 2). По-видимому, в дальнейшем данные конкреции дробились и добавлялись в формовочную массу как искусственная добавка, что четко фиксируется при технико-технологическом анализе керамики. Кроме этого обнаружены мелкие фрагменты кальцинированных костей животных, древесный уголь. В ходе выборки заполнения печи № 5 обнаружены кальцинированные кости со следами окислов бронзы, что позволяет говорить о том, что объекты использовались для бронзолитейного производства. Обращает на себя внимание тот факт, что объем находок в этих объектах достаточно скуден. Это может свидетельствовать о подготовке и очистке печей от мусора. Особо важно, что в заполнении печи № 1185 обнаружены фрагменты керамики восточного варианта пахомовской культуры, что позволяет однозначно отнести данные объекты к анализируемому культовому комплексу. Следует отметить, что как в слое, так и в объектах ритуального комплекса обнаружено большое количество фрагментов тиглей, льячек, литейных форм, обмазки, применяемых при бронзолитейном производстве (рис. 93). Находка большого количества подобных изделий и нескольких крупных объектов-печей, расположенных на специальной площадке, свидетельствует о массовости производства бронзовых изделий населением восточного варианта пахомовской культуры.

В непосредственной близости от пяти печей обнаружена яма № 1442 (рис. 79), заполненная костями животных и фрагментами восточнопахомовской керамики (рис. 85). Подчетыреугольный объект размером $2,58 \times 1,25$ м ориентирован продольной осью по линии В-З и имел глубину от уровня материка до 0,22 м. В западной половине ямы зафиксировано большое количество чешуи, костей и челюстей крупных рыб. Всего в объекте обнаружено 438 экземпляров костей различных животных. По определению канд.биол.наук С.К. Васильева, более 94% из них – это мелкорубленные неопределимые обломки: 315 мелкого размерного класса от распавшихся костей и 98 – среднего и крупного. До вида удалось определить 26 костей от 5 видов домашних и диких млекопитающих

(кости / минимальное число особей): лошадь – 4/2, корова – 14/2, овца – 2/1, лось – 5/1, медведь – 1/1.

Лошадь представлена нижним отделом плечевой кости, мелким фрагментом таза и двумя изолированными зубами: верхним (МЗ) от взрослой особи и молочным зубом из нижней челюсти. Остатки коровы включают 3 мелких обломка черепа, целую правую ветвь нижней челюсти взрослой особи и 2 обломка восходящей ветви, 3 изолированных зуба верхней и нижней челюсти, нижний конец и обломок диафиза плюсневой кости, целую пяточную кость и первую фалангу полувзрослой особи с не приросшим верхним эпифизом. От овцы сохранился нижний эпифиз плюсневой кости и первая фаланга. Лось представлен почти целой лобно-затылочной частью черепа со срезанными по основанию штангами рогов, 3 первыми фалангами (целой, неполной и обломком) и 2+3 запястной костью. От медведя найдена пяточная кость без проксимального отдела некрупной (молодой) особи. Среди костей рыбы особо следует выделить челюсть крупной щуки, несомненно, отличающуюся от фрагментов мелких особей, видовой состав которых еще предстоит определить. Керамический комплекс насчитывает 187 фрагментов керамики, в том числе и очень мелкой, относящейся к восточному варианту пахомовской культуры (рис. 87, 1–6). В число индивидуальных находок входит фрагмент оселка и заготовка для костяного наконечника стрелы типа томара (рис. 87, 7).

Особенности расположения комплексов и специфический набор обнаруженных артефактов и, в первую очередь, остеологического материала позволяет интерпретировать данную яму как имевшую особый, культовый статус [Ефремова, Мыльникова, Молодин, и др., 2017].

Специфической деталью анализируемых комплексов является наличие в объектах внутри систем столбовых ям «прикладов» бронзовых изделий. Следует отметить, что некоторые вещи могли быть намеренно испорчены. Так, внутри конструкции № 1, в квадрате I^{III}/57, обнаружен втульчатый наконечник копья с загнутым острием (рис. 92, 1). В траншее № 199 в кв. U^{II}/67 вместе со скоплением обожжённых зубов и костей травоядных животных найден втульчатый бронзовый

наконечник копья с двумя прорезями на лезвии полуовальной формы (рис. 92, 3). Над ямой № 681, содержащей жженые кости и зубы животных, фрагменты технической керамики и две конкреции из известняка, обнаружен бронзовый кельт с «пещеркой» относящийся к типу ассиметричных кельтов-тесел со сквозной втулкой (рис. 92, 2). В верхней части заполнения ямы № 898 обнаружен полуфабрикат бронзового наконечника стрелы, относящийся к типу двухлопостных втульчатых стрел (рис. 92, 4). На самом дне исследованной ямы зафиксированы две бронзовые бусины.

Непосредственно в слое ритуального комплекса, совместно с керамикой восточного варианта пахомовской культуры, в квадрате В^{III}/71 обнаружен фрагмент ромбической подвески (?) из мусковитового сланца (определение выполнено канд. геол.-мин. наук Н.А Кулик). Приблизительные размеры изделия составляют $4,9 \times 2,6 \times 0,2$ см. На одной из сторон изделия нанесена тонкая гравировка в виде радиальных линий. Точных аналогов этому изделию среди культур эпохи бронзы Западной Сибири неизвестно.

Помимо этого, рядом с конструкцией № 1 изучено несколько погребений и ям, которые могут иметь взаимосвязь с анализируемым культовым комплексом. Так, выделяется погребение № 602, обнаруженное в 4 м к северо-западу от конструкции № 1 (рис. 79). Могильная яма аморфной формы, стенки неровные, пологие, дно ровное. Максимальные размеры погребения по верхнему абрису – $1,48 \times 1,37$ м, по нижнему – $1,44 \times 1,34$ м. В западной части могильной ямы обнаружен скелет взрослого человека. Погребенный помещен в могилу в скорченном положении на правом боку, головой на юг. Большая часть костей лежала *in situ*, однако череп был перемещен и находился над стопами, полностью отсутствовали кости левой ноги. Антропологический материал очень плохой сохранности. У южной стенки могильной ямы, в непосредственной близости от скелета, стоял керамический сосуд, орнаментированный по горловине равнобедренными, заштрихованными треугольниками, нанесенными гребенчатым штампом. С северо-восточной стороны захоронение окружали 6 ям различных размеров (№№ 799, 800, 805, 808-810). Еще 4 ямы (№№ 806, 807, 811, 813),

располагавшиеся также с северо-восточной стороны от погребения, находились от него на незначительном удалении. По облику и морфологии сосуд из погребения № 602 наиболее близок к изделиям ирменской культуры, однако погребальный обряд несколько отличается от известных нам захоронений данной культуры. Так, сооружение погребальной камеры является скорее исключением для населения ирменской культуры. То же относится и к организации сакрального пространства, когда под курганными насыпями в редких случаях обнаружены ровики, в то время как вокруг погребения № 602 расположена система небольших ям [Молодин, 1985, с. 134]. Все вышесказанное, а также расположение погребения в непосредственной близости от конструкции № 1, позволяет предположить взаимосвязь данного захоронения с ритуальным комплексом восточного варианта пахомовской культуры.

Особый интерес представляет ряд погребений (№ 419-420, 502, 515, 516) и ям (№ 503, 506, 522, 528), примыкающих к юго-восточному краю конструкции № 1 и не перерезающих никаких объектов, входящих в нее (рис. 79). Погребальные камеры представляют собой подпрямоугольные в плане ямы, ориентированные продольной осью по линии СЗ–ЮВ, размерами 0,97–1,84 × 0,36–0,6 м и глубиной 0,1–0,2 м. Ямы № 503, 506, 528 по форме и размерам сходны с погребениями, что позволяет определить их как возможные кенотафы. Находки представлены костями умерших, которые несут на себе явные следы посмертных манипуляций. Так, в погребении № 418 обнаружены кости ног (кроме бедренной кости правой ноги), плечевая кость левой руки, левая лопатка и два ребра, расположенные в анатомическом порядке. В западной части погребения № 420, в 0,15 м от стенки обнаружены фрагменты фаланг пальцев человека, других частей скелета не обнаружено. В захоронении № 499 обнаружена бедренная кость взрослого человека и останки маленького ребенка, расположенные в хаотичном порядке. Из этих костей антропологически определимы зубы, кость руки и ребро. В западной части могилы № 502 обнаружены фрагменты ног взрослого человека очень плохой сохранности, уложенные параллельно друг другу. В центральной части найден еще один фрагмент бедренной кости. На дне погребения № 515,

обнаружен *in situ* часть черепной коробки человека, расположенная на правом виске и наклоненная лицевой частью ко дну. Еще два погребения № 419 и 516 нарушены в древности, кости умерших расположены в разных частях погребальных камер. Характер находок костей умерших и их расположение в могилах свидетельствует о вторичном способе захоронения. К сожалению, в этих могилах не обнаружено инвентаря, что серьезно затрудняет их культурную и хронологическую атрибуцию. Только в погребении № 499 под берцовой костью взрослого человека обнаружена конусовидная литая бронзовая бляшка-пуговица, диаметром около 1,4 см и неорнаментированный фрагмент керамики. Однако, опираясь на планиграфическое расположение ряда анализируемых погребений и ям непосредственно у стены конструкции № 1, можно предположить их взаимосвязь. Кроме того, для пахомовской культуры в Тоболо-Иртышском междуречье характерным является вторичный способ захоронения умерших, что может являться дополнительным аргументом в пользу отнесения данных захоронений к восточному варианту пахомовской культуры [Корочкова, 2009; 2010; Костомаров, 2010]. По-видимому, не случайным является и обнаружение разрозненных костей скелета человека внутри конструкции № 1, которые схожи с антропологическими остатками, обнаруженными в этих погребениях.

Самой массовой категорией находок, обнаруженных на культовом комплексе, является керамика (рис. 81; 86-89). Материал сильно фрагментирован, что сужает возможность анализа способов конструирования, морфологии, обработки поверхности. Для подробного исследования остается доступным, в первую очередь, определение исходного сырья и состава формовочной массы.

Определение исходного сырья и составов формовочных масс проводилось с использованием специального комплекса методов, как археологических, так и естественно-научных: микроскопический анализ поверхностей и изломов сосудов, сопоставление выявленных примесей с эталонной базой экспериментальных образцов, петрографический анализ для определения физико-химических свойств исходного сырья и примесей [Дребушак, Мыльникова, Дребушак и др., 2006; Цетлин, 2012].

При помощи микроскопического анализа изучены образцы от 148 сосудов (табл. 15). Изделия изготовлены из ожелезненного глинистого сырья. Как естественные примеси в исходном сырье отмечены включения фракций бурого железняка (87 % от общего числа образцов), мелких пластинок слюды (30 %), фрагментов раковин моллюсков (5 %), единичной крупной растительности (1 %). Бурый железняк по облику неоднороден: встречается как полностью окатанные фракции (67 %), так и только угловатые (7 %). Сочетание того и другого типа бурого железняка зафиксировано в 5 % случаев, что может говорить о наличии традиции предварительной обработки исходного сырья, в ходе которой бурый железняк принимал более окатанную форму. По степени запесоченности глинистое сырье подразделяется на низко- (7 %), средне- (86 %) и сильнозапесоченное (7 %). Подобные данные могут свидетельствовать об использовании однотипного сырья, которое могло добываться из разных залежей, но в пределах одного небольшого района. Наличие в исходном сырье естественной примеси фрагментов раковин и обрывков растительности может свидетельствовать о том, что глина добывалась в непосредственной близости от водоемов [Бобринский, 1978; Цетлин, 2012].

В состав формовочной массы входили как органические, так и минеральные добавки. К первым относится обнаруженный в 145 (98 %) образцах органический раствор (возможно, из навоза жвачных животных), о чем свидетельствует наличие в образцах аморфных пустот со сглаженными стенками, налет черного «глянца» и следы мелкой растительной органики (рис. 90, 1–2). В 3-х случаях (2 %) выявлен навоз жвачных животных.

Как минеральная примесь при составлении формовочной массы использовался шамот и дресва. Шамот обнаружен в 147 образцах (98 %) и является, наряду с органическим раствором, характерной примесью для данной керамики (рис. 90, 3, 4). Определенные различия проявляются в концентрации шамота и способах его калибровки. Так, зафиксированы пропорции сырья и примеси в соотношении 1 : 3–4 (3 %), 1 : 4–5 (17 %), 1 : 5–6 (42 %), 1 : 7 (28 %), 1 : 8 (6 %), 1 : 9 (4 %). Подобные результаты демонстрируют устойчивую традицию

концентрации шамота в соотношении 1 : 5–7 (87 %) с небольшими отклонениями, которые могут быть связаны со случайными факторами. Способы калибровки можно классифицировать на две группы. Первая представлена некалиброванным шамотом диаметром от 0,1 до 3–8 мм – 59 %. Вторая – калиброванным по верхней границе до 2 мм – 42 %

В данном случае четко фиксируются две традиции калибровки и добавления шамота. Общим у обеих групп является наличие мелких (0,5–0,9 мм) и средних (1–1,9 мм) фракций. Кроме этого, в 40 случаях (35 %) обнаружен шамот в шамоте, что свидетельствует об устойчивости традиции добавления этой минеральной примеси в глинистое сырье и, в одном случае, в шамоте прослежена примесь навоза (рис. 90, 4).

Второй минеральной примесью в составе формовочной массы является дресва (15 %), в 20 случаях встреченная вместе с шамотом и в трех – без него (рис. 91). Она не однородна по своему минеральному составу и представлена в 11 случаях известняком (рис. 91, 1, 2) и в 12 – гранитами (рис. 91, 3, 4). Концентрация дресвы в глинистом сырье составляет 1 : 4 (3 обр.), 1 : 5 (3 обр.), 1 : 6–7 (14 обр.), 1 : 9–10 (3 обр.). По способу калибровки дресва, как и шамот, делится на две группы. В первую включены некалиброванные, диаметром от 0,1 до 3–6 мм (13 единиц). Вторую составляют калиброванные по верхней границе до 3,5 мм (10 единиц).

Можно предположить, что традиция выбора калибровки и концентрации для дресвы в глинистом сырье не отличается от шамота, и на особенности калибровки дресвы не влияло ее различие по минеральному составу.

Таким образом, для керамики культово-производственных комплексов восточного варианта пахомовской культуры памятника Тартас-1 определены следующие группы с разными рецептами формовочных масс:

1. глина + шамот + органический раствор – 121 сосуд, 84 %;
2. глина + шамот + навоз – 3 сосуда, 1 %;
3. глина + шамот + дресва + органический раствор – 20 сосудов, 13 %;
  - 3.1. дресва из гранита – 12 образцов;

- 3.2. дресва из известняка – 11 образцов;
4. глина + дресва – 3 сосуда, 1 %;
5. глина + дресва (гранит) + дресва (известняк) – 1 сосуд, 1 %.

Петрографическое исследование проводилось по методике, разработанной исследователями для археологической керамики [Жущиховская, Залищак, 1986]. Всего отобрано 11 образцов из каждого выделенного рецепта формовочной массы (табл. 24).

По результатам петрографического исследования определено, что в качестве исходного сырья использовался суглинок монтмориллонит-гидрослюдистого состава с примесью хлорита и с примесью пылеватого и мелкоалевритового обломочного материала полевошпатово-кварцевого в различной концентрации. Исходное сырье во всех образцах преобладает над примесями.

Песок в керамике установлен как естественная примесь и состоит из зерен кварца неправильной и угловатой формы. Реже встречаются включения калиевого полевого шпата, плагиоклаз. Единичны в исходном сырье зерна зеленого хлорита, эпидота, циркона, турмалина, роговой обманки и слюды. Размерность песка колеблется в пределах 0,05–0,3 мм.

К искусственным добавкам в глину относятся породные обломки и шамот. Дресва из гранитоидов имеет кварц-полевошпатовый состав. Как еще один минерал для добавления в формовочную массу применялся кальцит, выявленный в виде обломков неправильной, остроугольной, овально-вытянутой формы, размером 0,1–1,6 мм.

Шамот представлен обломками темно-бурого, черного, зеленовато-бурого, красновато-бурого цвета, неправильной, овальной и угловатой формы, часто с неровными краями, содержащими примесь песка. Состав глинистой части шамота и песка близок составу черепка. Помимо этого, обнаружены обломки с более мелким песком, иногда почти без примеси песка, единично — более мелкие обломки шамота в шамоте. Размер обломков шамота колеблется в пределах 0,1–1,6 мм, доля его в образце составляет от 1 до 24 %.

Органические примеси представлены мелкими (до 0,2 мм), округлыми фосфатными образованиями светло-коричневого цвета и тонкими (0,01–0,02 мм), длинными пустотами, ориентированными как субпараллельно, так и перпендикулярно стенкам черепка.

Таким образом, петрографическое исследование подтвердило наличие всех выделенных ранее рецептов формовочных масс. Как дресва применялись гранитоиды и известняк. Наиболее частыми добавками в глину являлись шамот и органический раствор.

На территории Барабинской лесостепи в эпоху поздней бронзы и в переходное к раннему железному веку время складывается своеобразная ситуация, когда ряд культур сосуществуют друг с другом, а их носители вступают в активные контакты [Молодин, 2014; Мыльникова, 2015]. Непосредственно с проанализированной керамикой в слое и объектах залежали фрагменты посуды позднеирменской культуры, для которой выполнена детальная характеристика гончарной технологии [Мыльникова, Чемякина, 2002, Мыльникова, 2015]. Для позднеирменской керамики в составе формовочной массы также типичен шамот, поэтому не представляется возможным считать наличие этой примеси спецификой какой-то конкретной культуры в этот период. Однако для гончарства позднеирменской культуры характерно наличие рецептов без органической примеси (46,4 % на памятнике Омь-1), с добавлением песка (12,8 %) и отсутствием дресвы [Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 34]. Подобные данные позволяют говорить о специфике керамики восточного варианта пахомовской культуры по сравнению с автохтонной позднеирменской.

Для пахомовской культуры Тоболо-Иртышского междуречья исследование технологии гончарного производства проведено В. Илюшиной [2015; 2017]. В результате анализа 39 сосудов выделено 10 рецептов формовочных масс, где в 38 случаях в качестве примеси использовались шамот и органика в виде выжимки, органического раствора и навоза. Подобный факт сходства рецептов может объясняться культурной близостью этих групп населения. Примесь дресвы встречается в керамике из памятников западной территории распространения

пахомовской культуры, однако, в качестве минерала использовался тальк, а не гранит и кальцит.

Переходя к анализу керамики с дресвой, следует отметить, что в Барабинской лесостепи запасы камня практически отсутствуют, что заставляло древнего человека импортировать это сырье во все эпохи, поэтому добавление дробленой породы в формовочную массу не являлось автохтонной традицией гончарства культур этой территории [Молодин, 1985, с. 9]. Добавка дробленого известняка в формовочную массу не характерна ни для одной культуры эпохи бронзы Барабинской лесостепи [Мыльникова, 2015]. К настоящему моменту обнаружен один случай введения данного минерала в формовочную массу сосуда, найденного в насыпи кургана № 39 могильника Старый Сад, который так же относится к восточному варианту пахомовской культуры (табл. 6). Примесь дробленого известняка отмечена в коллекции посуды бегазы-дандыбаевской культуры памятника Дандыбай [Селин, 2017]. По предварительным данным можно говорить, что традиция добавления известняка в керамику не является местной, однако истоки ее до конца не ясны и требуют дополнительного изучения. В нескольких объектах на культовом комплексе памятника Тартас-1 выявлены скопления крупных фракций кальцита, часть которых обожжена [Молодин, Дураков, Кобелева и др., 2014, с. 217]. Очевидно, что именно эти конкреции в дальнейшем дробились и добавлялись в формовочную массу.

Вторым минералом, используемым в качестве дресвы, является гранит. Примесь породных обломков известна в еловской керамике Еловского I и II могильников, однако дробленным минералом там является кварцит [Матющенко, 2004, с. 417]. Так же дробленный гранит использовался как добавка в керамику населением ирменской культуры в Приобье, однако подобная примесь совершенно не характерна для этой культуры в центральной части Барабы [Мыльникова, 2015]. Помимо этого, добавление гранитов характерно для керамики бегазы-дандыбаевской культуры [Папин, Ломан, Степанова и др., 2015, с. 134, Бейсенов и др., 2014, с. 59]. Техничко-технологический анализ сосудов из

мавзолея памятника Дандыбай показал в них наличие толченого гранита [Грязнов, 1952, с. 139; Селин, 2017].

Таким образом, по результатам технико-технологического анализа можно выделить несколько групп керамики. К первой относится керамика восточного варианта пахомовской культуры (121 обр.), характеризующаяся использованием в качестве исходного сырья средне- и высокозапесоченной глины с искусственной примесью в формовочную массу шамота и органического раствора (возможно, из навоза жвачных животных). В целом, технологически данная группа полностью совпадает с керамикой собственно пахомовской культуры в Тоболо-Иртышском междуречье, для которой характерны те же навыки отбора исходного сырья и составления формовочной массы [Зах, Илюшина, 2011; Илюшина, 2015; 2017].

Ко второй группе относится керамика бегазы-дандыбаевской культуры (3 обр.), для которой характерно использование в качестве исходного сырья низкозапесоченной глины. В качестве добавки в формовочную массу использовалась дресва из гранито-гнейсовых пород и известняка. Подобная рецептура характерна для гончарства бегазы-дандыбаевской культуры, где в качестве искусственных примесей в исходное сырье использовалась дресва из гранита и песчаника, а в качестве органической примеси в некоторых случаях использовался органический раствор [Ломан, 2015, с. 74; Папин, Ломан, Степанова и др., 2015, с. 134]. Искусственная примесь известняка также зафиксирована нами при технико-технологическом анализе керамики памятника Дандыбай [Селин, 2017].

Третья группа представлена керамикой со смешанными навыками отбора исходного сырья и составления формовочной массы, сложившаяся в результате взаимодействия населения восточного варианта пахомовской культуры и бегазы-дандыбаевского (20 обр.). Она характеризуется использованием средне- и высокозапесоченной глины с искусственной примесью в формовочную массу шамота, дресвы (из гранита и известняка) и органического раствора.

Особо следует выделить фрагмент керамики, изготовленный с применением гончарного круга (рис. 89, б). Он обнаружен при выборке второго слоя траншеи

№ 302 где залегал совместно с посудой восточного варианта пахомовской культуры. Круговая керамика характерна для территории Средней Азии в эпоху Намазга VI и встречается вместе с бегазы-дандыбаевской посудой [Виноградова, Кузьмина, 1986; Ломан, 2015]. В более южных регионах круговая керамика массово встречается на памятниках бурлинского типа в Кулундинской степи, где также обнаружена совместно с бегазы-дандыбаевской посудой и датируется кон. XIII–XI (X) вв. до н.э. [Удодов, 1994; Кирюшин, Папин, Федорук и др., 2013]. Обнаруженный на культовых комплексах конца эпохи бронзы памятника Тартас-1 фрагмент круговой керамики является самой северной обнаруженной к настоящему моменту находкой данного типа и еще раз подчеркивает связи населения восточного варианта пахомовской культуры с земледельческими культурами Средней Азии, что ранее прослежено нами на материалах этого памятника и могильника Старый Сад [Молодин, Нескоров, 1992; Молодин, Мыльникова, Селин, 2017].

Помимо этого, в заполнении одной из ям ритуальных комплексов, кроме восточнопахомовской керамики, обнаружен фрагмент горловины позднеирменского сосуда, что свидетельствует о сосуществовании данных популяций на одной территории и о позднем времени существования восточного варианта пахомовской культуры в переходное от бронзы к раннему железному веку время [Молодин, Кобелева, Наглер и др., 2013, с. 267] (рис. 89, 7).

подавляющее большинство фрагментов керамики восточного варианта пахомовской культуры декорировано простыми монотонными узорами, на шести зафиксированы геометрические мотивы. Материал сильно фрагментирован, реконструировано три сосуда, поэтому судить о пропорциях и формах посуды затруднительно. Судя по всему, изделия представляли собой плавно профилированные горшки с низкой, широкой, слегка отогнутой горловиной, средним туловом и плоским средним и широким дном (табл. 14).

Самой распространенной техникой орнамента является оттиски гребенчатого штампа (77 %), которым наносились практически все фиксируемые элементы орнамента. Доля оттисков гладкого штампа составляет 20 %. Наиболее

часто встречаемыми орнаментальными мотивами являются наклонные (41 %) и прямые (19 %) ряды оттисков штампа. Так же довольно значительную долю занимают узоры в виде «елочки» (25%) и ряды каплевидных оттисков (19 %), которые выполнялись гладким орнаментом. Помимо этого, на горловинах сосудов встречаются ямки (8 %), выполненные круглым штампом и ряды желобков с насечками (5 %), характерные для пахомовской керамики Тоболо-Иртышского междуречья [Корочкова, 2010, с. 58]. Фиксируются ямки (8%), выполненные круглым орнаментом и ряды желобков (8%) на горловинах сосудов. Следует отметить наличие рядов треугольных оттисков штампа (7 %) и меандров (4 %) [Селин, 2014].

В целом, отдельные элементы орнамента, такие как – «желобки с насечками», вдавления углом штампа, диагональные «лесенки» – наиболее близкие аналогии находят в материалах пахомовской культуры. Следует отметить, что «желобки с насечками», по мнению О.Н. Корочковой, являются одним из индикаторов пахомовской орнаментики [Корочкова, 2010, с. 58]. Кроме того, наличие на некоторых емкостях рядов ямок, расположенных на горловине, плече и тулове позволяет предположить влияние сузгунской культуры на орнаментальные традиции восточного варианта пахомовской культуры. Подобный орнаментальный мотив является одной из характерных черт керамики сузгунской культуры [Молодин, 1985, с. 147; Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 110; Полеводов, 2003, с. 73]. Следует отметить, что подобная ситуация прослежена и для посуды из курганов № 67–69 памятника Старый Сад, на которых так же нанесены опоясывающие ряды ямок (рис. 37, 3; 41, 3, 6).

Помимо массовых категорий находок на ритуальном комплексе обнаружен бронзовый инвентарь (5 ед.), расположенный как в слое, так и в объектах, и требующий отдельного анализа.

Наконечники копий (рис. 92, 1, 3). Найдено два экземпляра, первый обнаружен в конструкции № 1 и представляет собой орудие с полый втулкой. Лезвие изделия намеренно изогнуто в верхней части (рис. 92, 1). Длина наконечника составляет 11,6 см, максимальная ширина – 3,5 см, диаметр втулки –

1,9 см. Подобные копыя встречаются на широкой территории в эпоху поздней бронзы [Аванесова, 1991, с. 47; Грязнов, 1956, табл. XVII, 1, 2].

Второе изделие обнаружено в скоплении вместе с фрагментами керамики и мелкими костями животных и характеризуется наличием двух прорезей на лезвии и полый втулкой (рис. 92, 3). Длина изделия составляет 10 см, максимальная ширина – 3,7 см, диаметр втулки – 1,9 см. Размеры прорезей в длину составляют 2, 7 см, в ширину – 0,7 см. По типологии Н.А. Аванесовой оно относится к типу В втульчатых наконечников копий и датируется эпохой поздней бронзы – переходным временем к раннему железному веку (XII–IX вв. до н.э.) [Аванесова, 1991, с. 49]. Данный тип изделий был широко распространен в эпоху поздней бронзы и обнаружен на памятниках ирменской [Косарев, 1981, с. 171, рис. 67, 19], еловской [Косарев, 1981, с. 158, рис. 64, 4], гамаюнской культур [Косарев, 1987, с. 396, рис. 117, 11] и др.

В культурном слое над ямой № 681 совместно с кальцинированными костями животных и фрагментами керамики обнаружен *кельт* с «пещеркой» (рис. 92, 2). Он относится к типу ассиметричных кельтов-тесел со сквозной втулкой. С конструктивной точки зрения он характеризуется простым полуовальным в сечении туловом, слабо расширяющемся к лезвийной части, и четко выраженной асимметрией конфигурации профиля. Общий вес изделия 199 гр. Максимальная высота кельта на лицевой стороне изделия 8,05 см, минимальная (с оборотной стороны) – 7,70 см. Лезвие полукруглое, его ширина 4,6 см. Втулка полуовальная, размерами 4,4 × 3 см, глубина 4,3 см. «Пещерка» арочного типа, верхний край оформлен рельефным валиком. На боковых сторонах кельта прослеживаются рельефно выраженные литейные швы шириной 0,15–0,2 см. По краю втулки прослеживаются следы от двух литников вытянутой щелевидной формы. Их размеры составляют 2,1 × 0,4 см и 1,5 × 0,4 см [описание кельта по: Молодин, Кобелева, Наглер и др., 2013, с. 266]. Изделия подобного типа характерны для памятников эпохи поздней бронзы Сибири и Урала [Гришин, 1971, с. 22; Корочкова, Стефанов, Усачев и др., 2013, с. 131, рис. 2, 4; Хаврин, 1999, рис. 1, б, 9].

В верхней части заполнения ямы № 898 обнаружен полуфабрикат бронзового *наконечника стрелы* (рис. 92, 4). Наконечник относится к типу двухлопостных втульчатых стрел и близок по форме наконечникам группы V по классификации Н.А. Аванесовой, но не тождественен им [Аванесова, 1991, с. 42]. В районе конца жала сохранился неотделенный литник в виде круглого вертикального, слегка сужающегося канала стока. Длина изделия составляет 3,6 см, максимальная ширина – 1,5 см, диаметр втулки – 0,5 см. Аналогии таким изделиям известны в материалах предскифского времени Северного Причерноморья и Сибири [Тереножкин, 1976, с. 133–139, рис. 82, 4; Аванесова, 1991, рис. 39].

На самом дне исследованной ямы зафиксированы две бронзовые *бусины*. Подобные изделия встречаются как одиночно, так и в связке повсеместно на широкой территории начиная с эпохи развитой бронзы [Умеренкова, 2015, с. 164]. Близкие аналоги известны в Еловском II могильнике [Матющенко, 2004, с. 218, рис. 321, 4,5], памятнике Старый Сад.

Таким образом, по результатам исследования комплекса можно выделить несколько аргументов, указывающих на его культовый статус:

1. Отсутствие на площади комплекса хозяйственных объектов, характерных для поселений – очагов и хозяйственных ям;
2. Присутствие на комплексе специально выделенной площадки для осуществления производственной деятельностью (изготовление керамики, бронзовых вещей);
3. Находки внутри конструкций и в объектах бронзовых вещей без следов использования, в некоторых случаях намеренно испорченных;
4. Обнаружение внутри конструкции № 1 фрагментов тазовой и пяточной кости человека, которые могут являться следами ритуальных практик или жертвоприношений (?);
5. Расположение в непосредственной близости от комплекса захоронений, несущих следы посмертных манипуляций;

6. Общая локализация комплекса в непосредственной близости от захоронений восточного варианта пахомовской культуры и некрополей синхронных и более ранних культур Барабы.

Все вышесказанное, на наш взгляд, позволяет еще раз подчеркнуть особый статус комплекса и интерпретировать данный участок памятника как ритуальный.

Аналогий данному типу конструкций к настоящему моменту не известно ни на одном культовом памятнике других синхронных культур эпохи поздней бронзы и переходного к раннему железному веку времени [Труфанов, 1983; Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995; Полеводов А.В., 2003; Корочкова О.Н., 2010, с. 64]. Некоторое сходство различным конструкциям памятника Тартас-1 можно обнаружить на могильнике Усть-Терсюк-2, относящегося к пахомовской культуре, где при исследовании курганов № 2 и 3 под земляной насыпью обнаружены ряды столбовых ям, расположенные вокруг погребальных камер [Матвеева, Костомаров, 2009]. Кроме этого, интересны обнаруженные при исследовании памятника Ложка-6 ряды столбовых ям, расположенных в 14 м к СЗ от котлована жилища и протянувшихся вдоль берега оз. Ложка. Можно предположить, что частично в ходе раскопок изучена постройка, конструктивно схожая с исследованными сооружениями на памятнике Тартас-1. Интересен факт обнаружения на пахомовском памятнике Ново-Шадрино-VII зольников с коллективным вторичным захоронением [Корочкова, 2010]. В конструкции № 1 культового комплекса Тартаса-1, обнаружены фрагменты скелета человека в слое, что может являться косвенным подтверждением сходства моделей ритуальных практик населения, оставившего эти два памятника.

Хронология ритуального комплекса восточного варианта пахомовской культуры памятника Тартас-1 опирается, в первую очередь, на находку фрагмента керамики позднеирменской культуры, обнаруженной совместно с посудой восточного варианта пахомовской культуры [Молодин, Кобелева, Наглер, 2013, с. 267, рис. 2] (рис. 89, 7). К настоящему моменту позднеирменская культура надежно датирована на основании типологического анализа инвентаря и серии радиоуглеродных дат вт. пол. X–VIII вв. до н.э. [Молодин, Парцингер, 2009].

Бронзовый инвентарь датируется, в целом, достаточно широко – эпохой поздней бронзы и переходным к раннему железному веку временем (рис. 92). Обращает на себя внимание фрагмент среднеазиатской круговой керамики, также обнаруженный вместе с посудой восточного варианта пахомовской культуры (рис. 89, б). Находки подобного типа массово обнаружены на памятниках бурлинского типа в Кулундинской степи и датируются кон. XIII–XI (X) вв. Таким образом, опираясь на вышесказанное можно определить хронологию культового комплекса восточного варианта пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 в пределах X–VIII вв. до н.э.

Глава 5. КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И ХРОНОЛОГИЯ

5.1 Культурная принадлежность

Вокруг культурной принадлежности проанализированных поселенческих, погребальных и культовых комплексов сложилось несколько исследовательских концепций, по-разному интерпретирующих этот материал (подробнее см. Гл. 1). Следует подробно остановиться на определении места памятников в общей периодизации культур эпохи поздней бронзы и переходного к раннему железному веку юга Западной Сибири и определить их специфику.

Прежде чем перейти к анализу культурной принадлежности следует подробно остановиться на керамической коллекции, полученной на разных памятниках, относимых к восточному варианту пахомовской культуры. Отмеченный ранее синкретизм делает крайне затруднительной ее типологизацию. За основу предлагается взять форму сосуда, ориентируясь на фиксируемые для керамики восточного варианта пахомовской культуры более древние, андроновские (федоровские) традиции, такие как – высокое приплюснутое тулово, широкая низкая слегка отогнутая горловина, узкое дно. Типологическая схема апробирована на коллекции полных форм восточного варианта пахомовской культуры с памятника Старый Сад [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017]. В этой работе она расширена и дополнена сосудами с других памятников. Для посуды культур эпохи поздней бронзы (ирменской, карасукской, бегазы-дандыбаевской) характерно более широкое раздутое тулово, практически вертикальная широкая горловина и широкое дно [Молодин, 1985; Косарев, 1981; Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014; Членова, 1964]. В отдельные группы вынесены наиболее отчетливо фиксируемые промежуточные и оригинальные формы. Помимо этого, при характеристике каждой группы учитывается орнаментальная композиция.

Забегая вперед, следует подчеркнуть сильную размытость критериев основы типологической схемы, что еще раз подтверждает многокомпонентность и синкретизм коллекции. Вместе с тем, предлагаемые критерии обоснованы устойчивыми показателями формы, по крайней мере для посуды эпохи развитой бронзы (андроновская (федоровская) культура) и поздней бронзы (ирменская, карасукская, бегазы-дандыбаевская культуры), что делает предлагаемую типологическую схему более выдержанной [Молодин, 1985; Косарев, 1981; Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014; Членова, 1964].

В типологическую схему вошли 73 полностью или частично реконструированные керамические изделия. Подавляющее большинство сосудов обнаружено на восточнопахомовских погребальных комплексах памятника Старый Сад (46 ед.) и составляют основу типологии. На других памятниках в типологическую схему вошло следующее количество сосудов: Гришкина Заимка – 5 изд.; Гандичевский совхоз – 2 изд.; Преображенка-3 – 4 изд.; Абрамово-4 – 3 изд.; Тартас-1 – 8 изд.; Прорва – 1 изд.; Алексеевка XXI – 2 изд.; Новочекино-3 – 1 изд.; Нижняя Тунуска-3 – 1 изд. К сожалению, керамический материал, обнаруженный на поселениях, фрагментарен и нет возможности реконструировать большую часть полны форм изделий.

К сосудам **I группы**, наиболее близким по форме к андроновской (федоровской) посуде, можно отнести 15 изделий (рис. 94) [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017]. Их сближает классическая горшковидная форма. Профилировка отличается выраженной горловиной, слегка отогнутым наружу венчиком, выпуклым туловом, диаметр которого превышает диаметр венчика, достаточно узким дном. Отмечено несколько случаев дополнительного выделения придонной части. При этом все сосуды серии (кроме одного, рис. 94, 5) имеют высокие пропорции, однако и такие горшки, где диаметр тулова превышает высоту в андроновской (федоровской) культуре встречаются. Отличием от классической андроновской (федоровской) формы, является наличие отогнутого венчика и, в результате, вытянутой горловины (рис. 94, 3, 4).

У пяти сосудов этой группы наблюдается орнаментика характерная для так называемых нарядных андроновских (федоровских) изделий, где орнамент наносился гребенчатым штампом, а композиция строилась по зонам: горловина, плечо, тулова, придонная часть, а иногда дно. Часть зоны орнамента разделялась горизонтально нанесенными каннелюрами. Для таких сосудов характерными элементами орнамента являются косые штрихованные треугольники по венчику (в нашей серии сосуд на рис. 94, 2), меандровидные фигуры по тулову, часто обрамленными фестонами из штрихованных треугольников (рис. 94, 4-6), и штрихованные треугольники по придонной части (рис. 94, 4). Вместе с тем, у этих сосудов, несмотря на наличие классической андроновской (федоровской) схемы проявляются новации, которые присущи орнаментальным мотивам эпохи поздней бронзы. Речь идет о горизонтальных поясах, заполненных оттисками косо поставленного гребенчатого штампа (рис. 94, 3), или косо поставленной по горловине «лесенке» (рис. 94, 5), или геометрических фигурах, косо поставленных опять же по горловине (рис. 94, 4, 6). Все вышесказанное не позволяет квалифицировать эти сосуды как андроновские (федоровские), хотя напоминают посуду данной культуры.

Еще три сосуда I группы также имеют форму, вполне характерную для андроновских (федоровских) изделий (рис. 94, 1, 7, 8, 10, 11). Тулово сплошь орнаментировано рядами горизонтальной «елочки». Вместе с тем, от классических андроновских (федоровских) образцов три из пяти сосудов существенно отличаются. Так, на изделии из Старого Сада (рис. 94, 1) по уже нанесенному орнаменту в виде горизонтальной «елочки» отпечатаны пять горизонтальных опоясывающих рядов круглых ямок, а по горловине выделена зона в виде узкой горизонтальной сетки. На другом сосуде из Старого Сада такая сетчатая зона выделена на придонной части (рис. 94, 7). Еще один сосуд с наличием рядов горизонтальных ямок по тулову обнаружен на поселении Нижняя Тунуска-3 (рис. 94, 14). Нестандартную орнаментальную композицию на этом изделии дополняет цепочка разреженных треугольников на плечике, где одна сторона (основание), не нанесена, зато фигура разделена на две части

вертикальной линией. Ряд круглых ямок, нанесенных по горловине фиксируется и на изделии из могильника Преображенка-3 (рис. 94, 11). К этой же группе можно отнести и четыре сосуда с поселенческих памятников (Алексеевка XXI, Новочекино-3, Нижняя Тунуска-3, Прорва; рис. 94, 12-15), для которых так же характерна андроновская (федоровская) форма, однако орнамент уже значительно отличается от образцов классических андроновских (федоровских) образцов и представляет собой монотонный узор в виде рядов оттисков штампа по тулову и придонной части (рис. 94, 12-15). В некоторых случаях тулово украшено наклонными рядами поясов, заполненных оттисками штампа (рис. 94, 13), рядами сетки, зигзагом и рядами ямок (рис. 94, 14). На горловине изделий расположен зигзаг и пояс, заполненный наклонными оттисками штампа (рис. 94, 10) или ряды вертикальных оттисков штампа (рис. 94, 12, 15) и треугольников с «бахромой» (рис. 94, 13).

Наконец, сосуд из Старого Сада (рис. 94, 9) неорнаментирован и по форме близок классическим андроновским (федоровским) изделиям, однако по горловине проведено два желобка, что может сближать его как с андроновскими (федоровскими), так и с ирменскими и пахомовскими образцами.

К **группе II** относится серия из 16 сосудов (рис. 95) [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017]. По форме изделия этой группы тождественны позднебронзовым образцам и представлены плоскодонными профилированными горшками с широким, раздутым туловом, почти вертикальной, четко выраженной горловиной, резко переходящей в тулово. Дно широкое, но по диаметру немного уступает горловине. Общая высота сосудов меньше или равна диаметру тулова. Аналогии подобным формам посуды известны в археологических культурах Западной Сибири в эпоху поздней бронзы, таких как ирменская и карасукская [см.: Молодин, 1985; Членова, 1964; 1972]. Орнаментация сосудов II группы также переменна. Композиционное построение орнамента в 12 случаях из 16 характерно для сосудов эпохи поздней бронзы – это неорнаментированная гладкая горловина (рис. 95, 1-6, 8, 11, 12-14), и, только в двух случаях (рис. 95, 5, 11), их орнаментация типична для позднебронзовых изделий – свисающие по

плечикам треугольники. Один из сосудов серии (рис. 95, 9) напоминает андроновские (федоровские), однако его пропорции, практически прямая горловина, широкое дно, позволяет отнести его ко II группе несмотря на андроновскую (федоровскую) орнаментальную схему. Надо сказать, что андроновские (федоровские) элементы орнаментации присутствуют на половине сосудов этой группы. Это меандровидные узоры на тулове (рис. 95, 1, 6, 7, 9, 15, 16), фестоны из свисающих треугольников (рис. 95, 2, 5, 11), ряды треугольников по придонной части (рис. 95, 1, 9, 14). Вместе с тем, на всех изделиях, где эти элементы встречаются, они отличаются от классических андроновских (федоровских) мотивов и модифицированы. Для эпохи поздней бронзы характерны горизонтальные заштрихованные зоны (рис. 95, 1, 3, 6, 8, 12, 13, 14), а также зоны штрихованных ромбов, нанесенных по тулову сосуда (рис. 95, 3, 4, 8, 13).

Выделяется сосуд из Старого Сада (курган № 57, погребение 2). Подобная форма встречается на памятниках ирменской культуры, однако орнаментальная схема оригинальна [Молодин, 1985, с. 121, рис. 60, 2]. Орнаментирована горловина и выборочные зоны тулова (рис. 95, 10).

К **группе III** относятся два сосуда из памятника Старый Сад. Их форма также типична для изделий эпохи поздней бронзы и отличается от II группы большей приземистостью [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017]. Сосуды плавно профилированы, наиболее широким является тулово, дно и горловина одинаковы по своему диаметру, тогда как их высота не велика (рис. 96). Горловина выраженная, вертикальная. Интересно, что и пропорции, и размеры этих изделий очень близки, более того, сосуды идентичны по орнаментальной схеме. По горловине нанесены два параллельных пояса штрихованного сетчатого узора, еще такие же пояса нанесены по тулову и придонной части. Наиболее широкая часть тулова украшена поясом штрихованных квадратов, расположенных в шахматном порядке. Подобное сходство формы и орнамента этих сосудов может свидетельствовать о том, что они сделаны одним мастером.

К **группе IV** следует отнести один сосуд из памятника Старый Сад (рис. 97) [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017]. Он имеет подчетыреугольное тулово, выраженную профилировку, широкое тулово, горловину и дно. Диаметр горловины превышает высоту сосуда. Форма изделия относится к позднебронзовым образцам. С другой стороны, орнаментация имитирует андроновскую (федоровскую) как по составными элементами, так и по общей композиции. Меандровидный узор, нанесенный на тулово, отличается тем, что его контур продублирован прочерченной линией. Эта особенность является типичной чертой керамики черкаскульской культуры, к которому изделие, по-видимому, и относится. Любопытно, что черкаскульская посуда нередко встречается в комплексах пахомовской культуры [Корочкова, 2010, рис. 30, 30, 31, 36]. Помимо этого, фрагменты черкаскульского сосуда зафиксированы на дне рва, окружающего захоронение № 659 на памятнике Тартас-1 [Молодин, Хансен, Дураков и др., 2016, с. 359].

К **группе V** относятся пять сосудов [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017] (рис. 98). Все сосуды имеют выраженную узкую горловину, слегка отогнутый наружу венчик, у трех из них раздутое тулово (рис. 104, 1-3). Одно изделие из Старого Сада (курган № 83, погребение 1) имеет непропорционально широкое дно (рис. 98, 2). Для двух сосудов характерен модифицированный меандровидный узор, нанесенный по всему тулову (рис. 98, 2, 3, 4, 5). С андроновской (федоровской) традицией можно связать нанесение ряда штрихованных треугольников по придонной части сосуда, однако треугольники вытянутой формы, с узким основанием и заштрихованные горизонтальными линиями не характерны для андроновской (федоровской) посуды (рис. 98, 2). Еще одно изделие из памятника Абрамово-4 (рис. 98, 4) украшено узором, схожим с меандровидным, но серьезно отличающимся от подобных орнаментальных композиций, характерных для андроновской (федоровской) и постандроновских культур. Тулово сосуда из Старого Сада украшена рядами поясов, заполненных рядами наклонных отпечатков гребенчатого штампа или равнобедренными треугольниками (рис. 98, 1).

Горловина у двух изделий из Старого Сада украшена заштрихованными поясами (рис. 98, 1, 2). У двух сосудов на горловине расположен ряд равнобедренных треугольников, обрамленных «бахромой» (рис. 98, 3, 5) у четвертого горловина неорнаментирована и в месте перехода к плечу нанесен ряд оттисков округлого штампа (рис. 98, 4). Таким образом, и в группе V мы наблюдаем синкретизм орнаментальных традиций при наличии оригинальной формы сосудов.

К группе VI относится самая количественно значительная серия изделий, насчитывающая 26 экземпляров (рис. 99-101) [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017]. По форме сосуды этой группы занимают промежуточное положение между группой I и II. С одной стороны, это плавно профилированные горшки с отогнутым наружу венчиком, напоминающие андроновские (федоровские) образцы, что сближает их с группой I, с другой, у изделий очень широкое дно и не столь большая высота, что сближает их с группой II, тяготеющей к позднебронзовым формам. Важность этой группы и ее количественная представительность чрезвычайно значима, поскольку она еще раз демонстрирует синкретизм изучаемой коллекции. Также синкретична и орнаментальная схема. С одной стороны, в узоре присутствуют элементы андроновской (федоровской) орнаментальной традиции. Особенно показателен сосуд из Старого Сада (курган № 67, погребение 1; рис. 99, 1), где присутствует почти классическая андроновская (федоровская) орнаментальная схема, однако очень широкое дно и небольшая высота не позволяют отнести его к группе I. Другое изделие из Старого Сада (курган № 69, погребение 1; рис. 99, б) украшено фестонами из свисающих треугольников, типичных для андроновских (федоровских) изделий. Близкую декоративную схему демонстрирует также сосуд из Старого Сада (насыпь кургана № 8; рис. 100, 1) и памятника Гришкина Заимка (курган № 4, погребение № 31; рис. 100, б), с той лишь разницей, что ряды треугольников нанесены более разрежено. Однако, этот элемент настолько модифицирован, что от классической андроновской (федоровской) схемы фактически ничего не осталось. Кроме того, горловина и придонная часть изделий украшены поясами,

заполненными сетчатым узором – элементом орнамента типичным для эпохи поздней бронзы и керамики группы II. Этот орнаментальный элемент широко представлен на сосудах группы VI (рис. 99, 4, 5, 8-11; рис. 100, 4, 5; рис. 101, 3, 4), где сетчатые пояса встречаются как отдельно, так и в сочетании с другими элементами. Еще три сосуда группы VI украшены по тулову горизонтальными ромбами (рис. 99, 7, 12; рис. 100, 7), которые встречаются в группе II. Кроме того, у сосуда из Старого Сада (курган № 57, погребение 2) имеется неорнаментированная горловина (рис. 99, 7). Вообще же подобный элемент орнамента характерен для пяти горшков (не считая неорнаментированных полностью (рис. 99, 7, 8; рис. 100, 4-7)). Три изделия украшены рядами округлых ямок, опоясывающих сосуды по горловине, плечу и тулову (рис. 100, 2, 3; рис. 101, 5). Подобный орнаментальный мотив является одной из характерных черт керамики сузгунской культуры [Молодин, 1985, с. 147; Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 110; Полеводов, 2003]. По тулову сосуда из Тартаса-1 (погребение № 589) нанесен меандровидный узор, серьезно отличающийся от «классических» андроновидных меандров (рис. 101, 2). Наконец, к рассматриваемой группе относятся три неорнаментированных изделия (рис. 99, 2, 3, 13).

К **группе VII** относятся два сосуда из Старого Сада. Это слабо профилированные изделия с невыраженной горловиной, выпуклым туловом, широким венчиком, с несколькими меньшим, но также непропорционально широким дном и небольшой высотой (рис. 102) [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017]. На сосуде из насыпи кургана № 68 присутствует попытка реализовать андроновскую (федоровскую) орнаментальную схему. К ней относятся нанесенные по горловине и придонной части ряды косо поставленных штрихованных треугольников (рис. 102, 2). Тулово орнаментировано горизонтальными зонами с нанесенной в разных направлениях разреженной штриховкой. Эта орнаментальная композиция достаточно оригинальна и, пожалуй, не имеет четких аналогов. Второй сосуд этой группы сплошь покрыт тесно поставленной «елочкой» (рис. 102, 1), что довольно часто встречается на

андроновских (федоровских) изделиях. В целом, выделенные в VII группу сосуды во всех отношениях оригинальны.

Столь же оригинальной по форме является **группа VIII** (три изделия, рис. 103) [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017]. Сосуды имеют выпуклое тулово со слегка намеченным ребром, высокую (в двух случаях) горловину и слегка отогнутый наружу край венчика. Особо выделены придонная часть емкостей. Сосуды этой группы выделяются и своей нестандартной орнаментацией. Так, у сосуда из Старого Сада (курган № 13, погребение 1) рядами косой штриховки украшена только придонная часть (рис. 103, 1), а прочерченной линией отмечен переход от тулова к горловине. У другого изделия из Старого Сада (кургана № 40, погребение 1; рис. 103, 2) крупными разреженными штрихами украшена верхняя часть изделия, по середине туда нанесен горизонтальный ряд таких же крупных штрихов. Третий миниатюрный сосуд из Тартаса-1 (погребение № 588) полностью неорнаментирован и также имеет выпуклое тулово и выраженный переход от горловины к плечу (рис. 103, 3). В целом, группа VIII является нетипичной для комплекса керамики восточного варианта пахомовской культуры.

К **группе IX** отнесен неорнаментированный сосуд из Старого Сада (насыпь кургана № 82). Представляет собой низкую плоскодонную чашу и напоминает среднеазиатские изделия эпохи бронзы (рис. 104) [Кузьмина, 2008, рис. 65, 7; Итина, 1977, с. 156, рис. 74, 10, 11].

В **группу X** входит небольшой горшковидный сосуд, украшенный по горловине «сеткой», рядами взаимопроникающих треугольников, оттисками уголков штампа (рис. 105). По тулову нанесен меандровидный орнамент, который схож с подобным узором на одном из сосудов группы VI из Старого Сада (рис. 99, 1). Отличительной особенностью изделия, что и позволило выделить его в отдельную группу, является наличие поддона. Такие сосуды изредка встречаются на памятниках пахомовской культуры [Корочкова, 2010, с. 57, рис. 29, 34], однако этот конструктивный элемент не является характерным как для самой пахомовской культуры, так и для восточного варианта.

Наконец, к **группе XI** относятся два сосуда из памятника Абрамово-4. Оба изделия орнаментированы по горловине рядами треугольников, в одном случае нанесенных схематично (рис. 106, 1). Тулово сосудов украшено свисающими треугольниками–фестонами, в одном случае состоящими из более мелких фигур (рис. 106, 2). Как и сосуд из группы X, эти два изделия отличаются от других одной конструктивной деталью – округлым дном. Сосуды с округлым дном изредка встречаются в пахомовской культуре, однако по форме они близки к небольшим чашкам [Корочкова, 2010, с. 59, рис. 30, 32, 37], что делает изделия группы XI оригинальными и не находящими точных аналогов в данных культурах.

Уместно подчеркнуть и то обстоятельство что в ряде погребальных комплексов на разных памятниках восточного варианта пахомовской культуры отмечено присутствие нескольких сосудов – от 2 до 4 (рис. 107-110). Особенно подобная ситуация характерна для памятника Старый Сад, где изучено 74 погребальных комплекса. Так, на нем зафиксировано десять подобных ситуаций (рис. 107-108; 109, 1, 2) и только в трех случаях такого сочетания имеются серии, относящиеся к одной группе. Так, к группе I относятся два изделия (рис. 107, 4). Из кургана № 67 четыре изделия относятся к группе VI (рис. 109 2). Наконец, в кургане № 21 два сосуда из рва принадлежат к группе II (рис. 107, 1). В остальных семи случаях наблюдаются различные сочетания сосудов из разных групп. Так, в кургане № 65 сосуд из насыпи и погребения относятся соответственно к группе VI и VII (рис. 108, 1), сосуды из погребения 1 кургана № 40 относятся к группе VIII и I (рис. 107, 3), сосуды из насыпи кургана № 68 принадлежат к типам VII и I (рис. 108, 4). Наиболее показательной является серия из четырёх сосудов, обнаруженных в погребении 1 кургана № 14 (рис. 109, 1). В ней два сосуда относятся к группе I, один к группе II, еще один к группе IV. Помимо этого, интересны и другие сочетания: в кургане № 69 присутствуют сосуды группы I и VI (рис. 108, 2), в кургане № 36 – сосуды VI и II группы (рис. 107, 2). Наконец, в кургане № 82 имеются сочетание изделий из групп IX и VI (рис. 108, 3).

Для погребальных комплексов других памятников также зафиксированы подобные случаи. На памятнике Гришкина Заимка в кургане № 4 в разных погребениях обнаружены сосуды V и VI групп (рис. 109, 3). В погребении № 588 памятника Тартас-1 выявлены три изделия, отнесенные к группам X, II и VIII (рис. 109, 4). В захоронении № 684 найдено два сосуда из одной группы VI (рис. 110, 1). На памятнике Преображенка-3 в коллективном захоронении кургана № 84 два горшка отнесены к группам I и II (рис. 110, 2). В другом кургане № 95 оба изделия имеют отношение к группе II (рис. 110, 3). На памятнике Абрамово-4 в насыпи кургана № 14 обнаружено два сосуда с округлым дном, отнесенные нами к группе XI (рис. 110, 4). Таким образом, подобная встречаемость сосудов из разных групп в одних комплексах является еще одним подтверждением синкретичности посуды восточного варианта пахомовской культуры.

Мотивы орнамента на посуде можно разделить на две основных категории: монотонные и геометрические (табл. 25-27). Узоры наносились на поверхность сосуда в большинстве случаев при помощи гребенчатого штампа (82 %). Доля использования гладкого орнамента составляет 18 %. В 3 % случаев зафиксировано совместное использование гребенчатого и гладкого штампа для нанесения узора на поверхность изделия.

Самым распространенным мотивом среди монотонных на восточнопахомовской посуде является «елочка» (17 %), нанесенная, преимущественно, на придонную часть изделий (50 %). Наклонные и вертикальные ряды оттисков штампа составляют 6,7 и 3,5 % от общего числа мотивов соответственно. При этом, ряды наклонных оттисков встречаются на всех частях сосудов, а вертикальные оттиски – преимущественно на придонной части. Доля горизонтальных линий от общего числа составляет 5,6 %, а рядов оттисков уголкообразного штампа – 5,1 %. Опоясывающие ряды ямок (3,5 %) зафиксированы на всех частях сосудов, что позволяет наметить некоторые параллели в использовании этого мотива с керамикой сузгунской культуры [Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995]. На горловине и в месте перехода горловины к плечу на посуде зафиксированы желобки (5,4 %) и валики (1,8 %).

Немногочисленную, но важную часть орнаментальных мотивов занимают такие специфичные мотивы орнамента как желобки с насечками (1,1 %), «бахрома», обрамляющая геометрические фигуры и меандры (1,8 %). По мнению О.Н. Корочкиной, эти мотивы орнамента являются индикаторами пахомовской орнаментики [Корочкова, 2010, с. 58].

Среди геометрических орнаментов преобладают ряды треугольников и горизонтальные пояса, заполненные оттисками гребенчатого штампа (по 13,5 %). Зафиксированы эти мотивы на всех частях керамических изделий. Большая часть узоров нанесены на плечо и придонную часть и составляет 76 % от общего числа. Интересен тот факт, что общая встречаемость этих двух мотивов на разных функциональных частях совпадает. Реже встречаются ряды ромбов (5,6 %), нанесенные преимущественно на плечо и придонную часть сосудов. К еще одним специфичным пахомовским мотивам орнамента могут быть отнесены диагональные «лесенки» (3,3 %), расположенные на разных частях сосуда, и «решетки» (1,8 %). Особое место занимают меандры (3,2 %), придающие посуде андронидный колорит. Встречаются узоры, размеченные как по прямой, так и по кривой сетке (рис 95, 1, 7). Отдельное место среди орнаментальных мотивов занимает «неорнаментированная горловина», зафиксированная на 26 % полных форм (3 % от общей доли мотивов), что делает его достаточно весомым приемом орнаментации, влияющим на общую композицию изделий.

Специфичные мотивы пахомовской орнаментации (желобки с насечками, «бахрома», диагональные лесенки) не зафиксированы одновременно в композиции одного сосуда. Парно данные мотивы встречаются в крайне редких случаях (3 %), что позволяет говорить о них как о самостоятельных частях узора (табл. 25-26). Три наиболее часто встречаемых мотива («елочка», треугольники, вертикальные пояса, заполненные оттисками штампа) также ни в одном случае не зафиксированы все совместно и в паре встречены на 6 % сосудов. Помимо этого, выделяется ряд изделий (9 %), орнаментированных только одним орнаментальным мотивом (вертикальные пояса, заполненные оттисками гребенчатого штампа, ряды ромбов, «елочка»), что не характерно для посуды

пахомовской культуры [Корочкова, 2010, рис. 29-30; Костомаров, 2010; Ткачев Ал.Ал., 2017]. Так же, в коллекции восточнопахомовской керамики выделяется серия полностью неорнаментированных емкостей (6 %). Подобные изделия не являются редкостью и для пахомовской культуры и обнаружены как на поселениях, так и в погребениях [Корочкова, 2010, рис. 6, 15; рис. 7, 10; рис. 9, 8; рис. 27, 9].

Наиболее близкие аналогии изученным сосудам известны на памятниках пахомовской культуры в Тоболо-Иртыше [Корочкова 2009; 2010; Костомаров, 2010; Ткачев Ал.Ал., 2017]. Сближает эти типы керамики наличие в декоре характерных для пахомовской культуры элементов орнамента (желобки с насечками, обрамление геометрических фигур «бахромой», геометрические мотивы и меандры, расположенные на тулове), сходные традиции отбора исходного сырья (среднезапесоченные ожелезненные глины) и составления формовочных масс (глина + шамот + органический раствор).

Крайне важно, что аналогичные сосуды (доходящие практически до полного тождества) найдены всем выделенным группам. Так, на поселении Пахомовская Пристань I наблюдается присутствие горшка II группы типологии, имеющего позднебронзовую форму при андроновской схеме орнаментации [Корочкова, 2010, рис. 13, 1] сопоставимого с изделием из Старого Сада (курган № 18, погребение 1; рис. 95, 7). На этом же памятнике присутствует придонная часть сосуда [Корочкова, 2010, рис. 13, 16], сопоставимая с горшком группы I по нашей типологии (рис. 94, 1). Оба изделия демонстрируют явные черты сузгунского влияния (ряды круглых ямочных наколов). С сосудами группы II сопоставимы изделия из могильников Лихачевский и Черноозерье II [Генинг, Стефанов, 1991], где на позднебронзовую форму наносился модернизированный андроновский (федоровский) орнамент. С сосудами II группы сопоставимы изделия с поселения Алексеевка XXI, где на позднебронзовую форму нанесены горизонтальные ряды ромбов [Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997; рис. 18, 7]. Однако, не только наиболее типичные группы I и II находят параллели на пахомовских памятниках, но и малопредставительные, что крайне важно. Так,

черкаскульский сосуд из Старого Сада (группа IV; рис. 97) аналогичен посуде этой культуры из пахомовских поселений Инберень-IV [Корочкова, Стефанов, 1981] и Ново-Шадрино VII [Корочкова, 2010]. Изделия редко встречаемой группы V (рис. 98) находят поразительные аналогии среди также редких емкостей на поселениях Инберень-IV [Корочкова, Стефанов, 1981], Пахомовская Пристань I [Корочкова, 2010, с. 31, рис. 14, 8], Оськино Болото [Ткачев Ал.Ал., 2017, рис. 90, 1, 2], Святой Бор [Ткачев Ал.Ал., 2017, рис. 67, 5] и могильника Абатский-I [Мошкова, Генинг, 1972], а редкому по форме сосуду группы VII из Старого Сада (насыпь кургана № 68; рис. 102, 2) аналогичен сосуд поселению Ук III [Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991; Корочкова, 2010, с. 23, рис. 10, 1]. Сосуду с поддоном из группы X (рис. 105) аналогии известны на поселении Ново-Шадрино VII и могильнике Черноозерье II [Корочкова, 2010, рис. 6, 24; рис. 29, 34].

Говоря о параллелях керамике восточного варианта пахомовской культуры, нельзя не отметить и достаточно нестандартные орнаментальные композиции. Так, оригинален узор сосуда из VII группы – чередующиеся цепочки косой «лесенки» (рис. 102 2). Аналогии этому орнаменту обнаружены на одном из сосудов Лихачевского могильника [Корочкова, 2010, рис. 18, 2], а горизонтальные зоны шахматного узора, представленные на сосудах группы III (рис. 96) находят параллели на одном из изделий поселения Оськино Болото [Ткачев А.А., Ткачева, 2006].

Однако, несмотря на общее сходство, керамика восточного варианта пахомовской культуры обладает несомненным колоритом. Так, посуда пахомовской культуры представлена, в большей своей части, плоскодонными горшками высоких пропорций с невысокой, слегка отогнутой горловиной, плавно переходящей в слегка раздутое тулово [Корочкова, 2010, с. 56-57]. Баночные сосуды встречаются крайне редко, круглодонные изделия сопровождается короткая вертикальная неорнаментированная горловина. В свою очередь, керамика восточного варианта пахомовской культуры характеризуется, в основном, низкой высотой, низко- и широкогорлостью, прямой или слегка отогнутой горловиной, приплюснутым туловом, высоким расположением плечика. Помимо

этого, большинство из известных нам изделий плоскодонные (кроме двух сосудов группы XI) и горшковидные. Что касается орнаментальных композиций, то для 26 % полных форм керамики, включенных в типологию, характерна неорнаментированная горловина, что для пахомовской культуры является скорее исключением, тем более, что она сочетается с круглодонными изделиями. Кроме того, в пахомовской культуре к настоящему времени не зафиксировано сосудов, орнаментированных исключительно поясами, заполненными оттисками гребенчатого штампа, в то время как на восточнопахомовских памятниках подобные изделия известны в погребальных комплексах Старого Сада, Тартаса-1 и Гришкиной Заимки (рис 95, 2; 96; 98, 1; 99, 4, 5, 8-11; 100, 5; 101, 3, 4). Помимо этого, практически полностью отсутствуют ряды ямок, выполнявших функцию разделителя узоров [Корочкова, 2010, с. 60].

С другой стороны, несмотря на имеющиеся различия между керамическими комплексами, в целом можно констатировать сходство между ними, что подтверждается большим кругом аналогий, фактом наличия в анализируемых комплексах мало встречаемых емкостей, а также близость мотивов орнамента, таких как «желобки с насечками» (рис. 94, 5; 95, 7; 98, 1, 3), которые, как отмечено выше, являются одним из индикаторов пахомовской орнаментики, а также вдавления углом штампа, диагональные «лесенки» [Корочкова, 2010, с. 58]. Кроме того, на Старом Саду (рис. 97) зафиксирован черкаскульский сосуд, который аналогичен посуде этой культуры из пахомовских поселений Инберень IV [Корочкова, Стефанов, 1981] и Ново-Шадрино VII [Корочкова, 2010]. Еще один черкаскульский сосуд (точнее, две его половины) обнаружен на дне двух рвов погребально-поминального комплекса № 16 на памятнике Тартас-1 [Молодин, Хансен, Дураков и др., 2016, с. 359].

В пользу близости керамики пахомовской культуры и восточного варианта свидетельствует технология изготовления керамики. Проведен технико-технологический анализ керамики пахомовской культуры с памятников Пахомовская Пристань I (52 обр.), Ново-Шадрино VII (50 обр.), Инберень IV (13 обр.), Жар-Агач (11 обр.). Так, пахомовская керамика поселения Пахомовская

Пристань I (табл. 28) изготовлена из ожелезненного слабо- (12 %), средне- (65 %) и высокозапесоченного (23 %) глинистого сырья с естественной примесью фракций окатанного бурого железняка (62 %), мелких пластинок слюды (19 %), чешуи рыб (1 %). По размерности включения бурого железняка подразделяются на мелкие (20 обр.), средние (1 обр.) и крупные (2 обр.). Большое количество мелкого окатанного бурого железняка может свидетельствовать о предварительной обработке исходного сырья перед введением искусственных примесей. В качестве органической добавки в 88 % образцов зафиксирован органический раствор из навоза жвачных животных (рис. 111, 1). В 4-х изделиях (8 %) обнаружен навоз жвачных животных. В других изделиях (4 %) следов органических примесей не зафиксировано. Минеральной добавкой выступает шамот, обнаруженный во всех образцах (рис. 111, 2, 3). По способу калибровки он подразделяется на некалиброванный (67 %) и калиброванный до 2 мм (33 %). Концентрация шамота в исходном сырье составляет 1 : 4 (1 %), 1 : 5 (14 %), 1 : 6 (16 %), 1 : 7 (45 %), 1 : 8 (13 %), 1 : 9 (11 %). В трех образцах зафиксирован шамот в шамоте, что свидетельствует об устойчивой традиции добавления шамота в формовочную массу. Таким образом, по результатам технико-технологического исследования пахомовской керамики поселения Пахомовская Пристань I можно выделить три рецепта формовочной массы: 1) глина + шамот + органический раствор (88 %); 2) глина + шамот + навоз (8 %); 3) глина + шамот (4 %).

Керамика другого пахомовского поселения Ново-Шадрино VII (табл. 29) также изготовлена из ожелезненного слабо- (2 %), среднезапесоченного (98 %) глинистого сырья с естественной примесью фракций окатанного бурого железняка (62 %), мелких пластинок слюды (26 %), чешуи рыб (1 %). По размерности включения бурого железняка подразделяются на мелкие (22 обр.) и крупные (3 обр.). Органические добавки представлены в 92 % образцов органическим раствором из навоза жвачных животных (рис. 112, 1, 3) и в 8 % – навозом жвачных животных. Как минеральная добавка выступает шамот, обнаруженный во всех образцах (рис. 112, 1, 2). По способу калибровки он подразделяется на некалиброванный (78 %) и калиброванный до 2 мм (22 %).

Концентрация шамота в исходном сырье составляет 1 : 4 (4 %), 1 : 5 (16 %), 1 : 6 (34 %), 1 : 7 (30 %), 1 : 8 (12 %), 1 : 9 (4 %). Помимо этого, в 2-х образцах зафиксирован шамот в шамоте. Таким образом, по результатам технико-технологического исследования пахомовской керамики поселения Ново-Шадрино VII можно выделить два рецепта формовочной массы: 1) глина + шамот + органический раствор (92 %); 2) глина + шамот + навоз (8 %).

Пахомовская керамика поселения Инберень IV (табл. 30) характеризуется использованием в качестве исходного сырья среднезапесоченной ожелезненной глины с естественной примесью включений мелкого окатанного бурого железняка (3 обр.). Как органическая примесь в составе формовочной массы в 11 образцах обнаружен органический раствор из навоза жвачных животных (?) и в одном – навоз жвачных животных. Минеральная примесь представлена некалиброванным (11 обр.) и калиброванным до 2 мм (2 обр.) шамотом, обнаруженном во всех изделиях. Концентрация шамота в исходном сырье составляет 1 : 5 (4 обр.), 1 : 6 (5 обр.), 1 : 7 (3 обр.), 1 : 8 (1 обр.). Таким образом, по результатам технико-технологического исследования пахомовской керамики поселения Инберень IV можно выделить три рецепта формовочной массы: 1) глина + шамот + органический раствор (11 обр.); 2) глина + шамот + навоз (1 обр.); 3) глина + шамот (1 обр.).

На поселении Жар-Агач (табл. 31) керамика пахомовской культуры изготовлена из ожелезненной среднезапесоченной глины с примесью фракций крупного окатанного бурого железняка (3 ед.). Как органическая добавка в двух образцах зафиксирован органический раствор из навоза жвачных животных (?). В четырех изделиях обнаружен навоз жвачных животных, добавленный в формовочную массу в сухом состоянии. В шести других образцах органические примеси не зафиксированы. В качестве минеральных добавок выступают шамот (11 обр.), песок (1 обр.) и дресва (1 обр.). Шамот по способу калибровки подразделяется на некалиброванный (2 обр.) и калиброванный до 2 мм (10 обр.). Концентрация шамота в исходном сырье составляет 1 : 5 (3 обр.), 1 : 6 (3 обр.), 1 : 7 (3 обр.), 1 : 8 (1 обр.), 1 : 9 (1 обр.). Песок калиброван до 2 мм и добавлен в

исходное сырье в концентрации 1 : 7. Дресва из гранитоидов калибрована до 2 мм и зафиксирована в образце вместе с шамотом в пропорции 1 : 7. Таким образом, по результатам технико-технологического исследования пахомовской керамики поселения Жар-Агач можно выделить пять рецептов формовочной массы: 1) глина + шамот + органический раствор (2 обр.); 2) глина + шамот + навоз (3 обр.); 3) глина + шамот (5 обр.); 4) глина + песок (1 обр.); 5) глина + шамот + дресва + навоз (1 обр.). Присутствие на памятнике Жар-Агач пахомовской керамики с примесью песка и дресвы связано, по всей видимости, с влиянием алексеевско-саргаринской культуры, керамика которой также обнаружено на этом поселении и для которой характерны рецепты с дресвой и шамотом [Папин, Ломан, Степанова и др., 2015, с. 125].

Таким образом, для керамики пахомовской культуры Тоболо-Иртышского междуречья характерными технико-технологическими навыками отбора исходного сырья и составления формовочной массы являются: 1) отбор среднезапесоченного ожелезненного глинистого сырья без естественных органических примесей и с примесью фракций бурого железняка; 2) использование в качестве органической примеси органического раствора из навоза жвачных животных; 3) использование в качестве минеральной примеси некалиброванного и калиброванного до 2 мм шамота в концентрации 1 : 5-7. Помимо этого, для других памятников пахомовской культуры Тоболо-Иртышского междуречья исследование технологии гончарного производства проведено В.В. Илюшиной [2015; 2017]. В результате анализа 39 сосудов выделено 10 рецептов формовочных масс, где в 38 случаях в качестве примеси использовались шамот и органика в виде выжимки, органического раствора и навоза, что согласуется с выделенными нами характерными технико-технологическими навыками. В целом, технология керамического производства населения пахомовской культуры отличается от синхронных ей культур, таких как черкаскульская, ирменская, сузгунская [Мыльникова, 2015, Зах, Зиминая, Илюшина и др., 2016; Илюшина, 2017].

Для керамики восточного варианта пахомовской культуры также проведен технико-технологический анализ. Для технологии изготовления керамики этой культуры характерен отбор среднезапесоченного ожелезненного глинистого сырья без естественных органических примесей с примесью фракций бурого железняка. В качестве органической примеси в формовочную массу добавлялся органический раствор из навоза жвачных животных. Как минеральная примесь использовался некалиброванный и калиброванный до 2 мм шамота в концентрации 1 : 5-7, что полностью согласуется с характерными технико-технологическими навыками, выделенными нами для пахомовской культуры. Помимо этого, в традиции составления формовочной массы выделяются рецепты, где в исходное сырье добавляется дресва из гранитоидов или известняков. Данная традиция не является характерной для пахомовской культуры и связана, по всей видимости, с кругом южных популяций, таких как бегазы-дандыбаевская и алексеевско-саргаринская, для которых данные примеси являются распространенными [Ситников, 2002; Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014; Ломан, 2015; Папин, Ломан, Степанова и др., 2015; Селин, 2017].

Опираясь на вышесказанное, можно утверждать, что сходство керамического комплекса пахомовской культуры и восточного варианта является не общеэпохальным явлением, а следствием генетической близости, что, в свою очередь, позволяет предположить факт передвижения части пахомовского населения на территорию Барабинской лесостепи и адаптации пришельцев в местной среде. Имеющая место специфика барабинских комплексов как раз и позволяет видеть в нем особый, восточный вариант культуры (табл. 32).

Помимо параллелей с керамикой пахомовской культуры, в анализируемой посуде восточного варианта пахомовской культуры фиксируются выраженный южный колорит, связанный, в первую очередь, с бегазы-дандыбаевской культурой (табл. 33). Сходство проявляется в орнаментации (украшающие тулово решетчатые ромбы, треугольники и фестоны, наличие валика), в некоторых случаях доходящей до тождества [см.: Маргулан, 1979, с. 145, рис. 110, 1], наличии серии неорнаментированных емкостей. В принципе, на такую

взаимосвязь уже неоднократно указывали различные исследователи [Молодин, Нескоров, 1992; Ткачев А.А., 2013; Варфоломеев, 2013]. Дополнительным аргументом в пользу близости керамики бегазы-дандыбаевской культуры и ряда изделий восточного варианта пахомовской культуры может служить технология изготовления керамики. Так, для одного сосуда из коллекции Старого Сада зафиксирован случай добавления в состав формовочной массы известняка (кальцита). Подобная примесь абсолютно не характерна для других культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи [Мыльникова, 2015] и зафиксирована нами как искусственная примесь в керамике памятников Дандыбай и Тартас-1 [Селин, 2017]. Кроме того, при анализе керамической технологии изделий восточного варианта памятника Тартас-1 определены случаи добавки в формовочную массу дробленого гранита, выходы которого отсутствуют в Барабе, и известняка [Молодин, 1985; Селин, 2016а, с. 69].

Еще более юго-западные параллели изделиям восточного варианта пахомовской культуры, в первую очередь из могильника Старый Сад, известны среди находок в мавзолеях Северного Тагискена [Итина, Яблонский, 2001, с. 267, рис. 69, 370; Итина, 1992, табл. 2, 26] (табл. 33). Аналогии низкой чаше (рис. 104) можно обнаружить на поселении Якке-Парсан 2 [Кузьмина, 2008, рис. 65, 7; Итина, 1977, с. 156, рис. 74, 10, 11] в Узбекистане. Указанный вектор аналогий, ярко проявляющийся в бронзовом инвентаре, еще раз свидетельствуют о южных связях скотоводческого населения Западносибирской лесостепи с земледельцами Средней Азии, и, возможно, что уже не раз отмечалось исследователями, о проникновении на юг северных скотоводов [Виноградова, 2000, с. 89-109].

Следует иметь в виду, что многие аспекты, возникающие при сравнении керамики различных культур эпохи поздней бронзы остаются дискуссионными. Главная особенность заключается в том, что у носителей разных культур, таких как бегазы-дандыбаевская, карасукская, еловская, корчажкинская, можно обнаружить очень близкие, доходящие порой до тождества, керамические сосуды, что неоднократно отмечалось разными исследователями [см. напр.: Грязнов, 1952; Грязнов, Комарова, Лазаретов и др., 2010, с. 166, рис. 59; Варфоломеев, 2013;

Корочкова, 2013; Ломан, 2013; Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014]. Так, при соотнесении анализируемой посуды восточного варианта пахомовской культуры с емкостями еловской культуры, обнаруженными, в первую очередь, на Еловском I и II могильниках, выявлены изделия, схожие с некоторыми сосудами нескольких групп предлагаемой нами типологии. В целом же для керамики еловской культуры Еловского I и II могильников характерны горшки с четкой профилировкой стенок, плавным переходом от плеча к отогнутой горловине [Матющенко, 2004, с. 321]. Помимо этого, встречаются баночные изделия открытого и закрытого типов, кувшинообразные горшки с узкой горловиной и раздутым туловом, а также круглодонные сосуды [Там же, с. 323]. Для орнаментальных композиций характерны ряды геометрических фигур, расположенных рядами, «елочки» по тулову, горизонтальные и диагональные штрихованные пояса. Однако, на керамике еловской культуры [Матющенко, 2001; 2004] практически отсутствуют «классические» меандровидные узоры, ряды косых треугольников по горловине, встречаемые на керамике восточного варианта пахомовской культуры (рис. 94, 2, 4; 95, 9; 98, 2, 3; 99, 1, 4; 101, 2, 4; 102, 2). Таким образом, имеющие место сходства между отдельными элементами формы или орнамента изделий разных культур следует квалифицировать, на наш взгляд, как результат эпохальной близости этих культур, а не прямой взаимосвязи.

Следует отметить, что подобная ситуация зафиксирована и для других культур эпохи бронзы, например, кротовской, елунинской и окуневской. [Молодин, Гришин, 2016, с. 233]. Некоторые «эпохальные» черты могут встречаться на широкой территории от Приуралья до Енисея и от Южнотаежного Прииртышья до Узбекистана. К таким чертам для конца эпохи бронзы, на наш взгляд, можно отнести:

1. Наличие в разных культурах средних и низких по высоте горшковидных изделий (по терминологии В.Ф. Генинга [1973, с. 121]) с низкой и широкой горловиной, приплюснутым туловом, широким или средним дном;

2. Использование в орнаментации сосудов геометрических мотивов ромба и треугольника, скомпонованных в ряды, поясов, заполненных оттисками гребенчатого штампа и меандровидных узоров.

Подобная «эпохальная» близость прослеживается между керамикой восточного варианта пахомовской культуры и посудой карасукской и корчажкинской культур. Так, для орнаментации сосудов карасукской культуры характерны геометрические мотивы ромба и треугольника, скомпонованные в ряды и расположенные в зоне тулова изделий [Вадецкая, 1986, с. 56, табл. V, 27, 33; Грязнов, Комарова, Лазаретов и др., 2010, рис. 62, 1, 3, 12, 13; 65, 2, 6; 68], пояса, заполненные оттисками гребенчатого штампа [Грязнов, Комарова, Лазаретов и др., 2010, с. 175, рис. 68, 17], неорнаментированная горловина [Вадецкая, 1986, с. 56, табл. V, 27, 33; Грязнов, Комарова, Лазаретов и др., 2010, с. 175-185]. Форма карасукских изделий на карасукском этапе имеет округлое или уплощенное дно [Вадецкая, 1986, с. 56; Грязнов, Комарова, Лазаретов и др., 2010, с. 189]. На более позднем, каменоложском этапе, керамика приобретала все более «яйцевидную» форму с выраженным округлым дном [Вадецкая, 1986, с. 57; Грязнов, Комарова, Лазаретов и др., 2010, с. 189]. В коллекции керамики восточного варианта пахомовской культуры практически полностью отсутствуют круглодонные сосуды, и, для пахомовской культуры, они скорее исключение, чем правило [Корочкова, 2010, с. 56-57]. Таким образом, все вышесказанное, на наш взгляд, не позволяет говорить о какой-либо взаимосвязи рассматриваемых комплексов с карасукской культурой, кроме как сосуществования в одну эпоху. К тому же следует учитывать локализацию карасукской культуры в Минусинской котловине, которая достаточно сильно удалена от Прииртышья. Для посуды корчажкинской культуры характерно использование гребенчатого штампа для орнаментации, использование геометрических мотивов и поясов, заполненных наклонными оттисками штампа [Кирюшин, Шамшин, 1987, рис. 5, 1, 2; Бобров, Умеренкова, 1998; Бобров, Фрибус, Марочкин и др., 2006]. В некоторых случаях зафиксирована неорнаментированная горловина [Кирюшин, Шамшин, 1987, рис. 5, 2]. В традиции составлении формовочных масс корчажкинской культуры

примесь шамота зафиксирована в 20,8 % изученной керамики, в то время как для восточнопахомовской посуды этот минеральный отощитель является характерным [Папин, Ломан, Федорук, 2016, с. 263]. Помимо этого, для корчажкинской культуры свойственно изготовление баночных сосудов или слабопрофилированных горшков со слабо выраженной горловиной, что совершенно не типично для морфологии восточнопахомовской керамики [Кирюшин, Шамшин, 1987, рис. 4].

Отдельно следует сказать об ирменской и позднеирменской культурах и их связи с восточным вариантом (табл. 33). Керамика ирменской культуры не раз подробно охарактеризовалась специалистами [см. напр.: Молодин, 1985; Матвеев, 1993; Мыльникова, Васильев, 2016 и др.]. Несмотря на известную близость керамике карасукской культуры, она имеет несомненную специфику. В значительной степени, именно этот фактор стал определяющим при выделении этой культуры Н.Л. Членовой [1955]. Поселенческая посуда ирменской культуры представлена крупными профилированными емкостями, она, чаще всего, плоскодонная и имеет устойчивую орнаментальную схему. Композиция узора строится, в основном, при помощи цепочки штрихованных и гладких ромбов и треугольников по горловине, свисающих по плечу и тулову фестонов в виде равнобедренных треугольников, горловина отмечена цепочкой крупных жемчужин. Погребальная посуда значительно меньших пропорций. Она имеет округлое или плоское дно, хорошо профилирована. Горловина выраженная, прямая, тулово раздутое. Орнаментальная схема этих изделий совпадает с крупными поселенческими горшками. Нередко встречаются неорнаментированные емкости, однако устойчивость формы дает возможность отнести их к ирменской культуре. Для орнаментации посуды ирменской культуры не характерно использование гребенчатого штампа. Отсутствуют характерные для андроновской (федоровской) культуры формы и орнаментальные мотивы и композиции [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017].

Все вышеизложенное отличает ирменскую посуду от всех культур эпохи поздней бронзы Западной Сибири. С керамикой пахомовской культуры и

восточного варианта ирменскую посуду сближает только наличие типичной формы сосуда, которая, впрочем, для пахомовских изделий не является доминирующей. В пахомовской посуде встречаются характерные для ирменской погребальной керамики орнаментальные схемы, однако нанесены они гребенчатым штампом.

Таким образом, это говорит об эпохальной близости ирменской и пахомовской посуды. Учитывая же территориальную близость и сосуществование на одной территории Барабинской лесостепи разных культурных образований [Молодин, 2014], не следует исключать и возможность обмена изделиями и технологиями, что отразилось на форме и орнаментации керамики.

В связи с хронологической позицией восточного варианта пахомовской культуры (подробнее хронология будет освещена далее в гл. 5), подробно остановимся на керамике позднеирменской культуры, датированной по калиброванным радиоуглеродным датам, полученным на городище Чича-1 вт. пол. X-VIII вв. до н.э. [Молодин, Парцингер, 2009]. Немаловажным фактом является и зафиксированный случай совместного залегания керамики восточного варианта пахомовской культуры с позднеирменской на памятниках Тартас-1 и Туруновка-4 [Молодин, Кобелева, Наглер и др., 2013, с. 267] (рис. 10; 89).

Позднеирменская культура выделена В.И. Молодиным благодаря специфике посуды [Молодин, 1979]. В специальной работе, на основе материалов, полученных с поселения Туруновка-4, была разработана типология позднеирменской керамики, включающая ее исчерпывающую характеристику [Молодин, Колонцов, 1984]. В целом, для позднеирменской культуры характерно преобладание хорошо профилированных плоскодонных горшков больших размеров, часто со слегка загнутой внутрь высокой горловиной, а также небольших круглодонных емкостей с невысокой, резко профилированной горловиной [Мыльникова, 2015, с. 285]. Орнаментация позднеирменской керамики отличается зональностью и разнообразием мотивов. По горловине, чаще всего, идут горизонтальные прочерченные линии, ряды жемчужин, заштрихованные треугольники и ромбы. Плечики украшались заштрихованными

треугольниками, елочкой, жемчужинами, «лесенкой». Характерной чертой этой керамики является наличие двойного ряда жемчужин по горловине и плечу сосуда [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004, с. 272]. В целом, орнамент на позднеирменской керамике схематичен, на посуде не встречается сложных меандров или геометрических узоров, что значительно отличает ее от изделий восточного варианта пахомовской культуры.

Кроме того, можно наметить некоторые параллели между анализируемой нами керамикой и изделиями сузгунской культуры (табл. 33). Связано это, в первую очередь, с наличием на некоторых емкостях из погребальных комплексов Старого Сада и культового комплекса Тартас-1 горизонтальных рядов опоясывающих ямок, расположенных на горловине, плече и тулове (рис. 94, 1; 100, 2, 3; 101, 5). Подобный орнаментальный мотив является одной из характерных черт керамики сузгунской культуры [Молодин, 1985, с. 147; Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 110; Полеводов, 2003]. Однако, отсутствие на этих изделиях таких характерных элементов сузгунской орнаментации как скоба и лощеная дорожка, не позволяют нам считать их чисто сузгунскими, но дает возможность говорить о связях населения восточного варианта пахомовской культуры с носителями барабинского варианта сузгунской культуры [Молодин, Чемякина, 1984]. Кроме того, на поселениях Новочекино-3 и Нижняя Тунуска-3, расположенных на р. Тара, керамика восточного варианта пахомовской культуры обнаружена совместно с посудой барабинского варианта сузгунской культуры [Марченко, 2009]. Следует отметить, что на позднеирменском городище Чича-1 также зафиксирована сузгунская керамика [Молодин, Парцингер, Гаркуша и др., 2004, с. 273; Молодин, Парцингер, Кривоногов и др., 2009]. Таким образом, вероятно, представители сузгунской культуры эпизодически перемещались в центральную часть рассматриваемой территории и контактировали здесь с населением других культур, что приводило к появлению смешанных керамических изделий [Молодин, 2014, с. 59].

Таким образом, керамика восточного варианта пахомовской культуры представляется нам синкретичной, в формировании которой приняли участие

гончарные традиции пахомовской и бегазы-дандыбаевской культур. Кроме того, влияние на население пахомовской культуры и ее восточного варианта оказали носители сузгунской культуры и ее барабинского варианта. Определенное взаимодействие у населения восточного варианта пахомовской культуры фиксируется с носителями ирменской и последующей за ней позднеирменской культуры, уровень которого был различным [Молодин, 2010б]. Отмеченное неоднократно сходство восточнопахомовской керамики с еловской и карасукской посудой, на наш взгляд, следует считать эпохальным явлением, не связанным с прямыми контактами или миграциями.

Кроме керамических сосудов на памятниках восточного варианта пахомовской культуры обнаружены бронзовые, костяные и каменные изделия. Большая часть вещей достаточно широко распространено и датируется в пределах развитой и поздней бронзы, однако, выделяется ряд вещей, нетипичных для культур конца эпохи бронзы юга Западной Сибири. Особый интерес представляет хвостатый (ковровый) нож с памятника Старый Сад (рис. 44, 1), аналоги которому известны на памятниках эпохи поздней бронзы Юго-Западного Туркменистана, что является еще одним подтверждением южных связей восточного варианта пахомовской культуры [см.: Хлопин, 1983, с. 101; 2002, табл. 121, 5, 6; Виноградова, 2004, рис. 27, 5, 6]. Кроме него, на взаимосвязь населения юга Западной Сибири с земледельцами Средней Азии указывает бронзовая булава с ажурным навершием (рис. 47, 1), сходные экземпляры которой известны в Центральной Азии в погребальных комплексах памятников Северный Тагискен, Сумбар I, II, Пархай I [Хлопин, 1983; 2002; Итина, Яблонский, 2001, с. 97–98], а также в составе двух кладов – Шамшинского и Хакского [Сорокин, 1960, с. 29, рис. 1, 6; Кожумбердиев, Кузьмина, 1980]. Помимо этого, на ритуальном комплексе памятника Тартас-1, совместно с керамикой восточного варианта пахомовской культуры, обнаружен фрагмент станковой керамики времени Намазга VI (рис. 89, б). Все эти предметы, наряду с керамикой, демонстрируют юго-западный вектор связей носителей восточного варианта пахомовской культуры. Южный ареал связей демонстрирует и рукояточный нож из Старого

Сада (рис. 44, 7) аналоги которому известны в Центральном Казахстане (бегазы-дандыбаевская культура), Минусинской котловине (карасукская культура) и Китае [Членова, 1972, табл. 9, 21, 10, 52; 62, 3; Маргулан, 1979, рис. 166, 1; Чжун Сук-Бэ, 2000, рис. 14, 19].

Особый интерес представляет фрагмент стремечковидных удил который, скорее всего, является не обломком, а частью неудавшейся отливки (рис. 47, 8). Подобные вещи являются достаточно частой находкой на памятниках южной Сибири и Алтая, что следует считать эпохальным явлением [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 76; Шульга, 2013; 2015; 2016]. Особенно важен факт, что ближайшие аналогии стремечковидным удилам известны на могильнике Измайловка, в ограде № 17 бегазы-дандыбаевского захоронения [Ермолаева, 1987; с. 72; рис. 33, 1, 2, 2012, с. 189, рис. 59]. Любопытно и то, что контекст помещения удил на этих двух памятниках совпадает – на Старом Саду фрагмент помещен в яму рядом с погребением под насыпью кургана № 60, а на могильнике Измайловка удила располагались внутри ограды и в специальной ямке [Ермолаева, 2012, с. 117].

Одним из важнейших показателей культурной принадлежности памятника является погребальная практика. Для сравнения уместнее всего привлечь погребальные комплексы пахомовской культуры в Тоболо-Иртышском междуречье (табл. 32).

В этом регионе к настоящему моменту изучено 19 захоронений населения пахомовской культуры на пяти могильниках – Черноозерье II, Лихачевский могильник, Усть-Терсюк-2, Чепкуль 5 и Омская крепость [Корочкова, 2009, 2010; Матвеева, Костомаров, 2009; Зах, Илюшина, 2011; Герасимов, Корусенко, Полеводов, 2015, с. 206]. Общим для этих памятников является расположение по берегам водоемов, низкая высота насыпей или грунтовый характер могил. Погребения совершены по обряду вторичного захоронения в овальных или подпрямоугольных в плане ямах, ориентированных по линии СЗ-ЮВ или СВ-ЮЗ [Корочкова, 2009, с. 80-81; Матвеева, Костомаров, 2009, с. 23; Зах, Илюшина, 2011, с. 25]. На могильнике Усть-Терсюк-2 зафиксированы следы надмогильных

деревянных конструкций и коллективное грунтовое захоронение [Матвеева, Костомаров, 2009, с. 20].

Характерной чертой пахомовской культуры является наличие погребений на территории поселений [Корочкова, 2009, с. 80-81; Костомаров, 2010, с. 66-67]. На памятнике Пахомовская Пристань I обнаружены следы захоронения, представляющего собой фрагменты черепа в яме одного из сооружений. На поселении Усть-Китерьма IV известно погребение ребенка (скорчено на правом боку, без инвентаря) и коллективное захоронение со следами воздействия огня. Следует отметить и специфический способ захоронения в зольнике поселения Ново-Шадрино VII, где обнаружены останки 14 человек вперемешку с костями животных [Корочкова, 2010, с. 12].

Таким образом, для населения пахомовской культуры Тоболо-Иртышского междуречья можно выделить следующие характерные черты погребальной практики:

1. Могильники расположены по берегам водоемов;
2. Отсутствуют крупные некрополи, захоронения единичны;
3. Погребения присутствуют как на территории могильников, так и на площади поселений;
4. Погребения совершены по обряду вторичного захоронения;
5. Наряду с индивидуальными захоронениями имеется значительная доля коллективных;
6. Погребения умерших совершались как в грунтовых могилах, так и под курганными насыпями;
7. Погребальный инвентарь представлен редкими керамическими сосудами, расположенными в изголовье и редкими бронзовыми изделиями;
8. Умершие ориентированы по линиям СЗ-ЮВ, СВ-ЮЗ.

В Тоболо-Иртышье обнаружены два памятника с элементами организации сакрального пространства. На могильнике Черноозерье II – ямы с проколами, находящиеся поблизости от захоронений. Прокалы в ямах исследователи трактуют как возможные отголоски андроновской погребальной обрядности, в

которой важная роль отводилась огню [Костомаров, 2010, с. 70]. На могильнике Усть-Терсюк-2 под насыпью кургана № 3 выявлены 15 столбовых ям, расположенных в два ряда. Их можно считать следами прямоугольного наземного строения, в которое могли помещать тела умерших [Матвеева, Костомаров, 2009, с. 21].

Аккумулированные О.Н. Корочковой наблюдения, касающиеся погребальной практики пахомовской культуры в Тоболо-Иртышье, позволяют отметить некоторые черты сходства с восточным вариантом, в частности, имеющие место на могильнике Старый Сад. Так, можно говорить о наличии земляных надмогильных сооружений [Корочкова, 2010, с. 69; Матвеева, Костомаров, 2009, с. 21]. На р. Ишим удалось выявить наличие «разрушенной квадратной канавки», ограждающей захоронение [Корочкова, 2010, с. 68]. Однако имеющиеся на сегодняшний день материалы по погребальным практикам пахомовской культуры и восточного варианта демонстрируют больше отличий, чем сходства. К ним относятся (табл. 32):

1. Наличие крупных могильников в Барабинской лесостепи;
2. В Барабе погребения индивидуальны (за исключением двух захоронений на памятниках Старый Сад и Преображенка-3);
3. На известных поселениях в Барабинской лесостепи (Ложка-6, Ходуненково-2, Туруновка-4, Новочекино-3, Нижняя Тунуска-3, Прорва, Алексеевка XXI) захоронения отсутствуют [Бобров, Моор, 2010, с. 154–157; Бобров, Моор, 2011, с. 139–142; Бобров, Марочкин, Юракова и др., 2012, с. 120–123; Бобров, Юракова, Моор, 2013, с. 124–132; Бобров, Моор, Плац и др., 2016, с. 227–232; Плац, 2016; Молодин, Новиков, 1998; Молодин, Колонцов, 1984; Молодин, 1985; Глушков, 2003; Евдокимов, Стефанов, 1980; Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997];
4. Характерный способ захоронения – труположение;
5. Могилы расположены под курганными насыпями (кроме случаев, когда они, скорее всего, не зафиксированы из-за хозяйственного освоения площади памятника);

6. Погребальный инвентарь представлен и включает в себя керамические и бронзовые изделия, фрагменты глиняных, костяных и каменных изделий.

Далее следует обратиться к анализу организации сакрального пространства. В соответствии с приведенной классификационной схемой (см. Гл. 3) проанализированы объекты могильников пахомовской культуры Тоболо-Иртышского междуречья. На могильнике Усть-Терсюк-2 выделены:

Класс 1. Курганная насыпь:

Вид 1.1. Курганная насыпь + погребение:

Подвид 1.1.1. Курганная насыпь + погребение;

Подвид 1.1.4. Курганная насыпь + коллективное погребение.

Вид 1.17. Курганная насыпь + погребение + система столбовых ям (надмогильное сооружение).

На могильниках Лихачевский, Черноозерье II, Чепкуль 5 и Омская крепость определены следующие классы и виды:

Класс 2. Без курганной насыпи:

Вид 2.1. Погребение (Лихачевский могильник, Чепкуль 5, Омская крепость);

Вид 2.2. Погребение + яма + прокол (Черноозерье II).

Классификация отражает единообразие способов организации сакрального пространства у населения, соорудившего могильники Лихачевское, Черноозерье II, Чепкуль 5 и Омская крепость. Они представляют собой простые грунтовые погребения, иногда в сопровождении ритуальных ям. Более разнообразен и по организации сакрального пространства, и по способу захоронения умерших, могильник Усть-Терсюк-2. Авторы раскопок отмечают присутствие черт, характерных для бархатовской культуры на двух пахомовских сосудах могильника, что, возможно, может говорить о смешении различных культурных традиций [Матвеева, Костомаров, 2009, с. 24]. В одной из могильных ям обнаружен бронзовый кельт, датируемый XII-VIII вв. до н.э., что, в комплексе с бархатовскими чертами на посуде, может говорить о позднем времени

функционирования могильника. Последнее является дополнительным аргументом в пользу предположения смешанного характера традиций оставившего его населения [Там же, с. 23]. В совокупности с радиоуглеродными датами с памятника Оськино Болото, укладываемыми в хронологический период IX–VII вв. до н.э. [Ткачев Ал.Ал., 2017], эта точка зрения становится еще более значимой.

Таким образом, несмотря на наличие ряда сходных черт между погребальными памятниками пахомовской культуры в разных регионах, совершенно очевидна специфика материалов могильников восточного варианта пахомовской культуры.

Следует отметить, что кроме сопроводительного инвентаря на южные связи погребальных комплексов восточного варианта пахомовской культуры указывают и особенности погребальной практики. Так, подпрямоугольные конструкции, ограждающие погребения, зафиксированные на памятниках Старый Сад, Тартас-1 и Абрамово-4, являются распространенной практикой в мавзолеях бегазы-дандыбаевской культуры [Грязнов, 1952; Маргулан, 1979; Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин. 2014]. Особо близки по форме подпрямоугольным рвам памятника Старый Сад ограды мавзолеев Северного Тагискена [Итина, Яблонский, 2001]. Дополнительной чертой, сближающие эти памятники является традиция обжига поверхности погребальной площадки перед сооружением надмогильной конструкции (Старый Сад, курган № 48) [Итина, Яблонский, 2001].

Исследования антропологических комплексов могильника Старый Сад естественнонаучными методами демонстрируют активное взаимодействие представителей восточного варианта пахомовской культуры с населением других культурных групп в Барабинской лесостепи, а также говорит о его пришлом характере и последующем смешении с автохтонным населением. Так, при генетических исследованиях индивидов из захоронений эпохи поздней бронзы могильника Старый Сад установлено, что образцы мтДНК населения восточного варианта пахомовской культуры являются, как минимум, двухкомпонентными и включают в себя генетические субстраты автохтонных доандроновских и пришлых андроновских популяций. По большинству исследованных линий

мтДНК значительная часть изученного населения происходит от автохтонного доандроновского пласта, фиксируемого в Центральной Барабе [Молодин, Пилипенко, Журавлев и др., 2012, с. 67; Молодин, Пилипенко, Чикишева и др., 2013, с. 155]. Однако авторы отмечают фрагментарность данных и их локальный характер в силу недостаточной изученности палеоантропологических серий всех участников, включенных в культурногенетические процессы, а также то, что изучаемая мтДНК, наследуемая по материнской линии, отражает процессы формирования генетического состава женской части рассматриваемого населения. Для получения более полной картины следует исследовать другие генетические маркеры, в первую очередь Y-хромосомы, передающиеся по мужской линии наследования [Молодин, Пилипенко, Журавлев и др., 2012, с. 68; Молодин, Пилипенко, Чикишева и др., 2013, с. 156].

Согласно результатам антропологического анализа, население, которому принадлежал могильник Старый Сад, демонстрирует сходство с носителями андронидных культурных традиций. Это, как считает Т.А. Чикишева, говорит «не об ирменской, а об андроновской основе культуры» [2010, с. 32]. Связь же женской части серии с представителями андроновской группы из Северного Казахстана, по ее мнению, может свидетельствовать об участии «в формировании женского компонента населения индивидов, связанных генетическими корнями с антропологическим субстратом этой общности и ее потомками», что может объясняться «притоком женщин из бегазы-дандыбаевских племен, принесших в Барабу также бегазы-дандыбаевские традиции изготовления керамических изделий» [Чикишева, 2000, с. 145; 2012, с. 128]. А.В. Зубова так же отмечает сложность антропологического состава популяции и связи женской группы с бегазы-дандыбаевским населением [Зубова, 2014, с. 170].

Подводя общий итог, анализируемые материалы памятников конца эпохи бронзы Барабинской лесостепи ближайšie аналогии находят в комплексах пахомовской культуры Тоболо-Иртышского междуречья. Однако, своеобразие керамики, элементов погребальной практики, а также антропологического типа и генетической основы не позволяют отнести в полной мере эти памятники к

вышеназванной культуре. На наш взгляд, их следует отнести к особому, **восточному варианту пахомовской культуры**. Данное культурное образование могло включать в себя ряд черт разных археологических культур эпохи поздней бронзы и переходного к железному веку времени из различных регионов – местных (Барабинская лесостепь), западных (Тоболо-Иртышье), и южных (степное Обь-Иртышское междуречье, восточный Казахстан, низовья р. Сырдарьи).

К характерным чертам восточного варианта пахомовской культуры, которые позволяют выделить это образование среди материалов других культур, на наш взгляд, относятся:

1. Оригинальный керамический комплекс, являющийся продуктом синтеза гончарных традиций пахомовского, бегазы-дандыбаевского, сузгунского населения;

2. Погребальный обряд, включающий в себя вариативность в способах организации сакрального пространства, разнообразие рвов, захоронение умерших в могилах и на погребенной почве по обряду трупоположения и являющийся продуктом синтеза разных культурных групп (пахомовской, ирменской, бегазы-дандыбаевской);

3. Наличие в Барабинской лесостепи крупных ритуальных комплексов, зафиксированных на памятнике Тартас-1;

4. Антропологический тип, который свидетельствует не об ирменской, а об андроновской основе культуры и о притоке населения, связанного с бегазы-дандыбаевской культурой;

5. Своеобразие генофонда, включающего в себя генетические субстраты автохтонных доандроновских и пришлых андроновских популяций.

Разумеется, следует иметь в виду, что ежегодно поступающие в наше распоряжение материалы восточного варианта пахомовской культуры с поселения Ложка-6, погребальных и ритуальных комплексов Тартаса-1, могут существенно дополнить и видоизменить сложившуюся картину, однако, на сегодняшний день, она видится нам именно таким образом.

5.2 Хронология восточного варианта пахомовской культуры

Наряду с решением вопросов культурной принадлежности восточного варианта пахомовской культуры важнейшим является вопрос его хронологии. В составе инвентаря с поселений, погребальных и ритуальных комплексов присутствует ряд предметов из бронзы и кости, которые имеют широкие хронологические границы существования, начиная с эпохи развитой бронзы, вплоть до конца этого периода.

Вместе с тем, имеют место бронзовые изделия, имеющие достаточно короткую датировку, что позволяет определить более узкую хронологическую позицию восточного варианта пахомовской культуры. Большая часть подобных вещей получена из погребальных комплексов некрополя Старый Сад которые и легли в основу хронологических построений, но, при этом, будут разобраны и изделия с других памятников.

Верхнюю границу существования восточного варианта пахомовской культуры маркирует ряд бронзовых бляшек со шпеньком, обнаруженных в погребениях Старого Сада (рис. 46), и фрагмент стремечковидных удил, обнаруженный в яме под насыпью кургана № 60 могильника Старый Сад (рис. 47, 8). Бляшки находят аналогии в памятниках переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Центрального и Южного Казахстана, где они надежно датируются в пределах сер. IX-VIII вв. до н.э. [Ермолаева, 1987, рис. 33, 1, 2; 43, 1-3; 2012, рис. 59; 62, 2, 3]. Стремечковидные удила на территории Южной Сибири и Центральной Азии не встречаются ранее комплексов переходного от бронзового к железному веку времени [см.: Кирюшин, Тишкин, 1997; Шульга, 2015; 2016] К датирующим вещам можно отнести и два экземпляра обоюдоострых шил с утолщением по середине (рис. 47, 6, 7). Подобные находки со среднеазиатских поселений датируются в пределах IX-VIII вв. до н.э. [Ермолаева, 1987, с. 93; 2012, с. 79]. Кроме того, аналогии шилу с уступом (рис. 47, 6) известны в комплексах баиновского этапа тагарской культуры [Вадецкая, 1986, с. 88, табл. VI, 5].

Сходную датировку имеет плоская булавка с ажурным навершием из Старого Сада (рис. 47, 1). Наиболее близкие аналогии ей известны в мавзолеях Северного Тагискена, датируемого в пределах IX-VIII вв. до н.э. [Итина, 1992, с. 352, табл. 2, 2; Итина, Яблонский, 2001, с. 289, рис. 123, 14].

Представительная серия ножей, обнаруженных в погребальных комплексах могильника Старый Сад, имеет достаточно широкие рамки существования. Так, черешковый однолезвийный нож и двулезвийный плоский обломанный с двух концов кинжал массово начинают встречаться в позднекротовских (черноозерских) комплексах (рис. 44, 5, 8). Возможно, в анализируемых погребальных комплексах мы фиксируем верхнюю границу существования вещей подобного типа, т.е. переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. «Хвостатый» (ковровый) нож, обнаруженный на Старом Саду (рис. 44, 1) имеет аналогии в погребальных комплексах Юго-Западного Туркменистана [Хлопин, 2002, табл. 121, 5, 6], которые датируются в пределах XIV-X вв. до н.э. [Хлопин, 1983, с. 55].

Планиграфически датирующие вещи расположены в разных концах памятника (рис. 113), что может являться дополнительным аргументом в пользу относительно одновременного существования разных частей некрополя Старый Сад в это время, т.е. на заключительной стадии эпохи бронзы.

Помимо этого, для погребальных комплексов восточного варианта пахомовской культуры памятника Старый Сад получена серия радиоуглеродных дат по костям человека (рис. 114, табл. 34). К сожалению полученные датировки вызывают большое сомнение в их корректности. Следует отметить, что часть материала после раскопок в 80-е гг. XX в. утрачена, поэтому большинство погребальных комплексов, в том числе включающих в себя стремечковидные удила, бляшки и заколку, хронология которых с точки зрения археологии выглядит безупречно, остались недатированными радиоуглеродным методом.

Всего для комплексов конца эпохи бронзы получено пять радиоуглеродных дат. Все они получены по антропологическому материалу из погребений. Датирование всех образцов выполнено в лаборатории Center for Applied Isotope

Studies University of Georgia и получены при помощи метода ускорительной масс-спектрометрии (AMS). Все обсуждаемые даты калиброваны в программе OxCal по ± 2 сигма [Ramsey, Lee, 2013].

Переходя к анализу радиоуглеродных дат сразу следует сделать оговорку, что их суммарный хронологический диапазон составил XX-XV вв. до н.э., что, на наш взгляд, полностью противоречит обнаруженному на могильнике Старый Сад вещевому комплексу.

Так, погребение 1 кургана № 62 имеет калиброванную ^{14}C дату в пределах XIX-XVII вв. до н.э., однако нарушенность погребения и отсутствие в нем каких-либо вещей не позволяет уверенно говорить в пользу корректности подобной даты, так как на общем фоне проанализированных выше вещей она выглядит слишком удревненной.

Другое продатированное захоронение 2 кургана № 65 так же вызывает ряд вопросов. Погребение, как и предыдущее, имеет калиброванную ^{14}C дату в пределах XIX-XVII вв. до н.э. В нем обнаружена бронзовая бляшка, к сожалению, утраченная. Однако, в другом захоронении под той же курганной насыпью, до нас дошел бронзовый однолезвийный бесчерешковый нож. Несмотря на достаточно широкое время существования вещей подобного типа, наиболее распространенными они стали в эпоху поздней бронзы, где встречаются в комплексах ирменской и еловской культур [Молодин, 1985; Матющенко, 2004], что не позволяет признать корректной полученную датировку.

Погребение 1 кургана № 91 имеет калиброванную ^{14}C дату в пределах кон. XVII-XVI вв. до н.э. В свою очередь, в этом захоронении обнаружена бронзовая бляшка со шпеньком, аналогии которой известны в памятниках переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Центрального и Южного Казахстана, где подобные изделия датируются сер. IX-VIII вв. до н.э. [Ермолаева, 1987, с. 83, рис. 43, 1-3; 2012, с. 192, рис. 62, 2, 3], а также раннескифского времени равнинного Алтая [Грязнов, 1992, табл. 69, 22; Шульга, 2016, рис. 28, 5; 30, 3; 45, 28-32], Забайкалья [Членова, 1992, табл. 101, 9] и Северного Китая

[Шульга, 2015, рис. 103]. Очевидно, что эти две датировки противоречат друг другу и радиоуглеродная дата не может быть принята.

Погребение 1 кургана № 92 датировано радиоуглеродным методом в пределах XV вв. до н.э. Из инвентаря в захоронении обнаружен керамический сосуд, по своему облику соответствующий посуде восточного варианта пахомовской культуры. Помимо этого, погребение потревожено. На наш взгляд, ^{14}C дата этого погребения хоть и выглядит более приемлемой, чем предыдущие, но все же является удревной, так как в XV вв. до н.э. еще не сформировалась собственно пахомовская культура, датируемая большинством специалистов в пределах эпохи поздней бронзы – XIV-XII (XI) вв. до н.э. [Корочкова, 2009; 2010; Костомаров, 2010].

Еще одно захоронение в кургане № 96 имеет калиброванную ^{14}C дату в пределах кон. XXI-XVIII вв. до н.э. В нем обнаружен экземпляр бронзового однолезвийного бесчерешкового ножа. Как уже отмечалось выше, вещи подобного типа получили наибольшее распространение в эпоху поздней бронзы, где они встречаются в комплексах ирменской и еловской культур [Молодин, 1985; Матющенко, 2004], что также позволяет поставить под сомнение корректность полученной датировки.

Таким образом, на наш взгляд, полученные радиоуглеродные даты совершенно не коррелируют с относительной хронологией вещей, тем более, что в погребальных комплексах Старого Сад обнаружены изделия с достаточно узкой хронологической позицией (стремечковидные удила, бляшки, заколка). ^{14}C даты являются намного более удреванными, чем реально существующие комплексы. Возможно, такое удревание погребальных комплексов связано с функционированием на территории могильника авторемонтной мастерской, где проходили починку машины, участвовавшие в строительстве дороги в 80-е г. XX в. Подобная ситуация может являться и следствием резервуарного эффекта из-за палеодиеты индивидов, в которой доминировала ихтиофауна [Wood, Higham, Buzilova et al, 2013; Shishina, Sevastyanov, Zazovskaya et al., 2014; Зазовская, 2016, с. 156 и др.]. Этот факт ставит под сомнение корректность полученных датировок

и возможность радиоуглеродного датирования других погребальных комплексов Старого Сада. О некорректности радиоуглеродных датировок говорит и их сильный разброс между собой.

Таким образом, основываясь на особенностях погребальной практики и инвентаря можно датировать погребальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры на памятнике Старый Сад в пределах переходного времени от бронзового к раннему железному веку, т.е. вт. пол. IX–VIII вв. до н.э.

Особо интересен с точки зрения хронологии памятник Тартас-1, где зафиксированы два разных типа археологических памятников восточного варианта пахомовской культуры – культовый и погребальный. Хронология ритуального комплекса опирается, в первую очередь, на находки керамики позднеирменской культуры, обнаруженной совместно с посудой восточного варианта пахомовской культуры [Молодин, Кобелева, Наглер, 2013, с. 267, рис. 2] (рис. 89, 7). Позднеирменская культура надежно датирована на основании типологического анализа инвентаря и серии радиоуглеродных дат вт. пол. IX–VIII вв. до н.э. [Молодин, Парцингер, 2009]. Бронзовый инвентарь (рис. 92), обнаруженный на ритуальном комплексе (наконечники копий, кельт, бусы, наконечник стрелы) датируется, в целом, достаточно широко – эпохой поздней бронзы и переходным к раннему железному веку временем, однако, такие изделия как наконечник стрелы, тяготеют к более позднему, предскифскому времени (рис. 92, 4). Обращает на себя внимание фрагмент среднеазиатской круговой керамика, обнаруженный вместе с посудой восточного варианта пахомовской культуры на ритуальном комплексе (рис. 89, 6). Находки подобно типа массово обнаружены на памятниках бурлинского типа в Кулундинской степи и датируются кон. XIII–XI (X) вв. [Удодов, 1994; Кирюшин, Папин, Федорук и др., 2013]. Таким образом, опираясь на вышесказанное можно определить хронологию культового комплекса восточного варианта пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 в пределах X–VIII вв. до н.э.

Количество бронзовых изделий, найденных в погребениях, относимых к восточному варианту пахомовской культуры на памятнике Тартас-1, невелико.

Так, в погребении № 588 обнаружена бронзовая игла и бляшка со шпеньком (рис. 49, 2, 3). Подобные иглы в эпоху бронзы распространены широко и известны в комплексах восточного варианта пахомовской культуры (Старый Сад, Гандичевский совхоз) [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017; Молодин, 1985, с. 125, рис. 63, 8], Еловском II могильнике [Матющенко, 2004, с. 242, рис. 352, 4], а также в бегазы-дандыбаевской культуре на памятниках Бегазы [Маргулан, 1979, с. 85, рис. 55, 2], Атасу I [Маргулан, 1979, с. 174, рис. 127, 7]. Аналогии бляшке со шпеньком так же достаточно широки, так как подобные изделия были распространены на территории Сибири, Забайкалья и Средней Азии в эпоху поздней бронзы и встречаются, как отмечалось выше, на памятниках пахомовской культуры, как ее восточного варианта (могильник Гришкина Заимка [Молодин, Мыльникова, Гаркуша и др., 2015, с. 52, рис. 10, 1, 2, 3, 6], Старый Сад [Молодин, Мыльникова, Селин и др., 2017]), так и западных памятниках, таких как: могильник Черноозерье II [Корочкова, 2009, с. 79, рис. 4, 10, 21], поселении Инберень IV [Корочкова, 2010, с. 41, рис. 21, 13], поселении Жар-Агач [Корочкова, 2010, с. 51, рис. 26, 9, 10].

Следует отдельно остановиться на находке бронзового однолезвийного ножа, обнаруженного в яме, примыкающей ко рву погребально-поминального комплекса № 16 [Молодин, Хансен, Дураков и др., 2016, с. 359, рис. 1, 4] (рис. 92, 5). Судя по полевым исследованиям 2017 г., данная яма относится не к комплексу № 16, а является элементом организации сакрального пространства погребения № 692, предварительно отнесенного к восточному варианту пахомовской культуры, образуя подобие несомкнутого рва, состоящего из трех (возможно четырех) схожих между собой ям. Подобные экземпляры ножей обнаружены на памятниках предскифского и раннескифского времени и датируются в пределах VIII-VII вв. до н.э. [Итина, 1992, с. 41-43, табл. 4, 13, 14]. Близкие аналоги такому изделию известны в памятниках ранней стадии тагарской культуры, таких как Гришкин Лог I [Максименков, 2003, табл. 23, 16-19; 24, 11], Черновая I [Там же, табл. 36, 9-14], Новая Черная I [Там же, табл. 52, 10-12], датируемых в пределах VI в. до н.э. [Там же, с. 135]. Помимо этого, изделия такого типа обнаружены при

исследовании памятника Аржан-2 в Туве, датируемого кон. VII вв. до н. э. [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017, табл. 107, 1; с. 185].

Все вышесказанное позволяет определить хронологическую позицию погребальных памятников восточного варианта пахомовской культуры памятника Тартас-1 в рамках переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку, т.е. вт. пол. IX-VIII вв. до н.э. Однако продолжение работ на памятнике и получение серии радиоуглеродных дат позволят уточнить хронологию.

На поселении Ложка-6 также обнаружен инвентарь, позволяющий более подробно определить хронологическую позицию памятника. Так, на наш взгляд, среди керамического комплекса выделяется группа посуды, которая может быть соотнесена с красноозерской культурой (рис. 5, 1). На это указывает, в первую очередь, орнаментация сосудов при помощи крестового штампа [Плац, 2016, рис. 9, 3]. Большинство специалистов красноозерская культура датируется переходным временем от эпохи бронзы к раннему железному веку (вт. пол. IX-VIII вв. до н.э.) [Косарев, 1991; Труфанов, 1990; Полеводов, 2003; Данченко, Полеводов, 2007; Шерстобитова, 2010]. Бронзовые изделия, обнаруженные на поселении (наконечник стрелы, обломок однолезвийного ножа, игла, шило, кольцо [Бобров, Моор, Плац и др., 2016, с. 229, рис. 1, 21-24; Плац, 2016, с. 49]; рис. 7, 2, 3, 6, 7), имеют широкое время существования, включающее конец эпохи бронзы [Молодин, 1985; Матющенко, 2001; 2004; 2006, Корочкова, 2010]. Интересна находка фрагмента литейной формы из талька для отливки втульчатого орудия с валиковым навершием [Бобров, Моор, 2010, с. 156, рис. 2] (рис. 7, 4). Как отмечают авторы раскопок, находки подобных форм из талька крайне редки [Там же, с. 156]. Кроме того, естественные выходы камня в Барабинской лесостепи отсутствуют [Молодин, 1985], что указывает на импорт или сырья, или самой литейной формы. Крупные месторождения талька известны на Урале, что еще раз указывает на связи населения восточного варианта пахомовской культуры с западными группами, что проявляется в находках черкаскульских сосудов на памятниках Старый Сад и Тартас-1. Помимо этого, близкие аналогии орнаментации керамики поселения Ложка-6 мы находим на могильнике Старый

Сад, датируемого нами переходным временем от эпохи бронзы к раннему железному веку. К ним относится орнаментация тулова изделий ромбами [Бобров, Моор, Плац и др., 2016, с. 229, рис. 1, 12] (рис. 5, 4), использование меандровидных узоров и опускающихся вниз по тулову треугольников [Бобров, Моор, Плац и др., 2016, с. 229, рис. 1, 8-11; Плац, 2016, рис. 12, 9] (рис. 5, 2, 6). Таким образом, аналогии керамическим изделиям на могильнике Старый Сад и обнаруженные фрагменты красноозерской керамики позволяют датировать памятник Ложка-6 в пределах переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (вт. пол. IX–VIII вв. до н.э.). Следует подчеркнуть, что исследования поселения продолжаются и новые материалы, а также радиоуглеродные даты, могут скорректировать предложенную датировку.

На поселении Туруновка-4 обнаружена хоть и количественно небольшая, но достаточно яркая группа керамики, по облику сопоставимая с восточным вариантом пахомовской культуры (рис. 10). Само поселение, где доминирующей является керамика позднеирменской культуры, надежно датируется вт. пол. IX–VIII вв. до н.э. [Молодин, Колонцов, 1984; Молодин, 1985, с. 174].

Нижнюю границу существования восточного варианта пахомовской культуры в Барабинской лесостепи маркирует, судя по всему, могильник Гришкина Заимка. Хронология бронзового инвентаря, обнаруженного в погребениях, широка и включает в себя эпоху развитой и поздней бронзы. Так, в погребении № 22 обнаружен однолезвийный черенковый нож с намечающимся уступом и обломанной рукоятью (рис. 61, 5). Данный тип изделий был распространен в эпоху развитой и поздней бронзы Западной Сибири, ближайшие аналогии ему известны в материалах Еловского II могильника [Матющенко, 2004, с. 364, рис. 416, 3], некрополя Старый Сад (рис. 44, 5) и др. Бронзовые неорнаментированные бляшки (рис. 61, 1-3, 6) были распространены на широкой территории в эпоху развитой и поздней бронзы. Аналогии известны в материалах Еловского II могильника [Матющенко, 2004, с. 370, рис. 419, 13, 15, 16], некрополя Старый Сад (рис. 45; 46), а также на памятниках пахомовской культуры Тоболо-Иртышья, в частности, могильнике Черноозерье II [Корочкова,

2009, с. 79, рис. 4, 10, 21]. Серьги (рис. 61, 4) с длинной разомкнутой петлей, полым раструбом на конце и шаровидным утолщением между дужкой и раструбом были так же распространены в эпоху развитой и поздней бронзы, ближайšie аналогии известны в материалах Еловского II могильника [Матющенко, 2004, с. 370, рис. 419, 5, 6] и Еловского I могильника [Косарев, 1981, с. 155, рис. 59, 6, 20], памятнике Старый Сад (рис. 47, 2). Изделия из кости представлены одним черешковым треугольным в сечении наконечником стрелы из погребения № 22 (рис. 15, 14). Как и описанный выше комплекс бронзовых изделий, подобный тип наконечников был распространен в эпоху развитой и поздней бронзы Западной Сибири. Аналогии известны в комплексах пахомовской культуры Тоболо-Иртышья [Костомаров, 2010, с. 97], Еловского II могильника [Матющенко, 2004, с. 220, рис. 324, 4], поселения Чекист [Косарев, 1981, с. 156, рис. 60, 24] и др.

Помимо этого, для погребений восточного варианта пахомовской культуры памятника Гришкина Заимка выполнены три радиоуглеродные даты по антропологическому материалу из погребений (рис. 115, табл. 35). Датирование всех образцов выполнено в лаборатории Center for Applied Isotope Studies University of Georgia и получены при помощи метода ускорительной масс-спектрометрии (AMS). Все обсуждаемые даты калиброваны в программе OxCal по ± 2 сигма [Ramsey, Lee, 2013].

Так, погребение № 32 по калиброванным значениям датируется 1501-1407 вв. до н.э., погребение № 35 – 1561-1423 вв. до н.э., а погребение № 34 – 1420-1283 вв. до н.э. Суммарный возраст данных погребальных комплексов по радиоуглеродным данным укладывается в период XV–XIII вв. до н.э. Собственно пахомовская культура, по мнению большинства специалистов, формируется в Тоболо-Иртышье в XIV вв. до н.э. [Корочкова, 2009; 2010; Костомаров, 2010]. Подобная ситуация может свидетельствовать о достаточно раннем проникновении на территорию Барабинской лесостепи групп пахомовского населения, с последующей их адаптацией в регионе. При этом, возможно, эти

даты так же являются более удревненными, так как были получены в той же лаборатории, что и даты с памятника Старый Сад.

Хронология других памятников восточного варианта пахомовской культуры более размыта, так как отсутствуют узко датирующие металлические предметы и радиоуглеродные даты. Опираясь, в этом случае, приходится на особенности керамического комплекса и элементов погребальной практики. Так, на могильнике Гандичевский совхоз изучено три кургана и обнаружено три изделия из бронзы и четыре сосуда, однако сохранились только два горшка, отнесенные в типологической схеме к группе VI и имеющие аналогии на памятниках Старый Сад, Гришкина Заимка, Тартас-1 (рис. 100, 7, 8). Их облик, а также способ захоронения умерших на погребенной почве (рис. 73; 74), аналоги которому известны в ирменской культуре, позволяют отнести эти погребения к восточному варианту пахомовской культуры и датировать эпохой поздней бронзы–переходным к раннему железному веку времени [Молодин, Сидоров, Мыльникова и др., 2016].

На памятнике Преображенка-3 изучено одно погребение в насыпи кургана и одно коллективное (рис. 62; 63). В качестве сопровождающего инвентаря обнаружены керамические сосуды, размещенные в типологической схеме в группы I и II (рис. 94, 11; 95, 15), и сопоставимые с образцами из памятников Старый Сад, Тартас-1 и Гришкина Заимка, что также позволяет отнести эти погребальные комплексы к концу эпохи бронзы.

На могильнике Абрамово-4 обнаружено три погребальных сооружения, не содержащих под собой явных следов погребения умерших (рис. 67-69). В одном случае под насыпью кургана зафиксирован ров подквадратной формы, имеющий четыре «разрыва» (рис. 67). Подквадратные рвы известны на памятнике Старый Сад, однако ни в одном случае они не имеют четырех разрывов. Погребальный инвентарь насчитывает шесть керамических сосудов, обнаруженных в насыпях анализируемых курганов. До нас дошли только три изделия (рис. 70). По облику они специфичны, и, в типологической схеме, отнесены к группам V и XI (рис. 98, 4; рис. 106). Однако, несмотря на то, что изделия группы V являются редкими,

они все же встречаются на памятниках восточного варианта пахомовской культуры, таких как Старый Сад и Гришкина Заимка, что и позволяет датировать эти комплексы по аналогии с этими памятниками эпохой поздней бронзы–переходным к раннему железному веку времени.

Вопросы хронологии поселений долины р. Тара подробно проанализированы Ж.В. Марченко [2009]. Так, на поселениях Новочекино-3 и Нижняя Тунуска-3 зафиксировано совместное залегание в одном слое керамики ирменской, барабинского варианта сузгунской и восточного варианта пахомовской культур [Марченко, 2009]. Этот факт позволяет определить время существования этих памятников по аналогии с хронологией ирменской культуры в лесостепной зоне, полученной по радиоуглеродным данным в пределах XIV (XIII)–X вв. до н.э. [Марченко, 2009]. Поселения Прорва и Алексеевка XXI можно датировать по аналогии с другими памятниками пахомовской культуры по сходству керамических комплексов в пределах XIV–XII (XI) вв. до н.э.

Таким образом, восточный вариант пахомовской культуры в целом следует датировать в пределах XIV–VIII до н.э. На наш взгляд, в развитии данного культурного образования можно выделить два этапа. На **раннем этапе (XIV–X вв. до н.э.)** группы пахомовского населения проникают с запада в правобережное Прииртышье, что маркируется появлением таких памятников, как Прорва, Алексеевка XXI и Гришкина Заимка. Далее, по двум основным водным магистралям – рекам Омь и Тара, возможно, проникают на восток, так как на памятниках Новочекино-3 и Нижняя Тунуска-3 зафиксирована восточнопахомовская посуда, залегающая совместно с материалами других синхронных культур (ирменская, барабинский вариант сузгунской культуры). На этом этапе, материальная культура пахомовского населения еще не приобретает черт, характерных для культур переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку, к которым относится появление специфичного набора инвентаря (бляшки со шпеньком, стремечковидные удила, бронзовые ножи раннетагарского облика). Кроме того, отсутствуют свидетельства контактов с популяциями южных культур и импортов южных вещей.

На **позднем этапе (X–VIII вв. до н.э.)**, материальная культура пришлого населения изменяется под действием как эпохальных тенденций, так и в результате взаимодействия с населением других культурных групп, как автохтонных, так и проникавших в Барабинскую лесостепь с северного и южного направления. К эпохальным тенденциям можно отнести появление специфичного для переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку набора бронзового инвентаря – обнаруженные на памятнике Старый Сад бляшки со шпеньком, бронзовую булавку с ажурным навершием и стремечковидные удила, а на памятнике Тартас-1 – нож раннетагарского облика. В орнаменте керамической посуды появляются характерные элементы – геометрические мотивы ромба и треугольника, скомпонованные в ряды и расположенные по тулову сосуда, пояса, заполненные оттисками гребенчатого штампа, крупные фестоны, спускающиеся вниз по тулову. Так же, на переходное время указывают и особенности погребальной практики населения восточного варианта пахомовской культуры, для которой характерна высокая вариабельность в приемах организации сакрального пространства и способах захоронения умерших. Подобная ситуация связана, по всей видимости, с тем, что в конце эпохи бронзы Барабинская лесостепь становится транзитной зоной и на ее территории складывается этнокультурная мозаика, когда население различных автохтонных и пришлых культур взаимодействовали и сосуществовали в рамках одних поселений [Молодин, Парцингер, Кривоногов и др., 2009; Молодин, 2014]. На этом этапе население восточного варианта пахомовской культуры активно взаимодействует с группами бегазы-дандыбаевской культуры, что проявляется как в материальной культуре (синкретизм керамической технологии и орнаментации, появление импортных южных бронзовых изделий), так и в погребальной практике (появление квадратных рвов). Кроме того, результаты антропологических и генетических исследований индивидов восточного варианта пахомовской культуры с памятника Старый Сад демонстрируют сложность антропологического состава популяции и связь женской группы с бегазы-дандыбаевским населением [Чикишева, 2000, с. 145; 2012, с. 128; Молодин,

Пилипенко, Журавлев и др., 2012; Зубова, 2014, с. 170]. К данному этапу можно отнести следующие памятники – Старый Сад, Тартас-1, Ложка-6, Преображенка-3, Абрамово-4, Туруновка-4, Гандичевский совхоз.

К настоящему моменту, на наш взгляд, можно выделить два направления миграции, которые связаны с двумя водными артериями региона – реками Омь и Тара (рис. 1; 2). Судя по локализации памятников, группы пахомовского населения вначале обосновались в правобережном Прииртышье, а затем – постепенно продвигались вдоль этих рек вглубь Барабинской лесостепи и Притарья (рис. 1). Первая группа продвигалась вдоль р. Тара, где взаимодействовала и сосуществовала с населением барабинского варианта сузгунской и ирменской культурами, что прослежено на памятниках Новочекино-3 и Нижняя Тунуска-3 (рис. 2). Судя по немногочисленности материалов и памятников с керамикой пахомовского облика этот импульс был незначительным, и, видимо, не был поддержан, после чего группа пахомовского населения ассимилировалась в среде автохтонных племен в эпоху поздней бронзы.

Вторая волна миграции связана с р. Омь (рис. 2). Начальный этап проникновения пахомовского населения прослежен по результатам изучения памятника Гришкина Заимка, датированного XIV-XIII вв. до н.э., что свидетельствует о достаточно раннем проникновении этих групп вглубь Барабинской лесостепи по р. Омь. В дальнейшем, эти группы продолжают продвигаться на восток, где, в переходное от эпохи бронзы к раннему железному веку время, начинают активно взаимодействовать с населением бегазы-дандыбаевской культуры, в результате чего появляется синкретичная керамика, импорт южных бронзовых вещей, изменяется погребальный обряд и сооружаются крупные некрополи, такие как Старый Сад. Кроме того, носители восточного варианта пахомовской культуры активно контактируют с населением автохтонной позднеирменской и пришлой с севера сузгунской культур, в результате чего появляются синкретичные керамические изделия и фиксируются случаи совместного залегания керамики этих культур на одних памятниках в одних объектах. Сейчас сложно оценить, продвигалась на восток только одна группа

пахомовского населения, или это было несколько подобных «импульсов», но в пользу того, что регулярные связи с западной частью пахомовской культуры, по-видимому, существовали, свидетельствуют находки в погребальных комплексах Старого Сада и Тартаса-1 сосудов, напоминающих черкаскульские.

Дальнейшую историю населения восточного варианта пахомовской культуры проследить крайне затруднительно, так как у культур эпохи раннего железного века Барабы не прослеживается четкой преемственности с анализируемой нами культурой [Полосьмак, 1987]. Возможно, что население восточного варианта пахомовской культуры в конце переходного периода было ассимилировано группами доминировавшей в этот период в Барабинской лесостепи позднеирменской культурой, что косвенно может подтверждаться редкими находками на позднеирменских поселениях восточнопахомовской керамики (Туруновка-4) и свидетельств их взаимодействия в рамках восточнопахомовских памятников (ритуальный комплекс Тартаса-1). Дальнейшие исследования памятников переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку позволят более детально реконструировать историческую судьбу восточнопахомовского населения в Барабинской лесостепи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования дана комплексная характеристика и культурно-хронологическая атрибуция памятников восточного варианта пахомовской культуры.

В историографическом обзоре охарактеризованы основные исследовательские концепции, определяющие культурно-хронологическую атрибуцию, генезис пахомовских древностей Тоболо-Иртышского междуречья, хронологию. Помимо этого, проанализированы точки зрения по более частным вопросам изучения культуры, таким как: гончарство, конструкция очажных устройств. В результате выделен ряд дискуссионных вопросов, по которым имеется несколько различных точек зрения. К ним относятся: территория формирования пахомовской культуры, ее происхождение и хронологические рамки, а также соотношение с сузгунской культурой.

Отдельно охарактеризованы точки зрения исследователей на интерпретацию материалов восточного варианта пахомовской культуры. При анализе различных концепций выявлены дискуссионные вопросы, по которым имеется несколько точек зрения. К таковым относятся: культурная принадлежность и хронология памятников Старый Сад, Гришкина Заимка и др., участие пахомовской культуры в формировании этих комплексов.

Проведена характеристика поселенческих комплексов восточного варианта пахомовской культуры. Определено, что жилища представляют собой однокамерные каркасно-столбовые сооружения с углубленным в материк подпрямоугольным котлованом. Внутри жилых построек фиксируются следы ритуальных практик. Кроме этого, на площади восточнопахомовских поселений, к настоящему моменту, не обнаружено захоронений животных и человека, что является распространённым явлением для других культур конца эпохи бронзы юга Западной Сибири. В свою очередь, для поселений собственно пахомовской культуры в Тоболо-Иртышском междуречье характерно сооружение много- и однокамерных каркасно-столбовых построек. На площади поселений

зафиксированы захоронения животных и человека как в погребальных камерах, так и в зольниках.

Анализ коллекции керамики с разных памятников как восточного варианта, так и собственно пахомовской культуры, позволил выявить, что, посуда с поселений Прорва и Алексеевка XXI по совокупности данных ближе к экземплярам подобных изделий собственно пахомовской культуры и, судя по всему, эти два поселения маркируют собой начало проникновения групп пахомовского населения на восток. Керамика других поселений, в первую очередь с памятника Ложка-6, при сохранении характерных черт пахомовской орнаментации (желобки с насечками, «бахрома», оконтуривающая геометрические фигуры и меандры, «решетка», ряды оттисков уголко штампа) приобретает орнаментальные композиции, свойственные не для пахомовской, а для других культур конца эпохи бронзы. К ним относятся: пояса, заполненные оттисками гребенчатого штампа, крупные ромбы, расположенные на тулове, свисающие по тулову фестоны-треугольники. В технологии изготовления керамики появляются смешанные рецепты формовочной массы с использованием в качестве искусственных добавок песка, дресвы и навоза. Подобные примеси характерны для позднеирменской, сузгунской и бегазы-дандыбаевской культур, на поселениях которых также обнаружена восточнопахомовская керамика (Новочекино-3, Нижняя Тунуска-3, Туруновка-4). Однако большая часть формовочных масс изделий изготовлена по собственно пахомовской традиции, где в качестве исходного сырья используются ожелезненные среднезапесоченные глины с примесью шамота и органического раствора (87 % от общего количества изученных образцов).

В ходе характеристики погребальной практики населения восточного варианта пахомовской культуры определено, что характерным способом захоронения является труположение индивидуально в погребальной камере или на погребенной почве под курганной насыпью. Одной из особенностей восточнопахомовских погребальных комплексов является сложность и вариативность в организации сакрального пространства (на могильнике Старый

Сад насчитывается до 16 различных видов). Помимо этого, в Барабинской лесостепи зафиксирован крупный некрополь восточного варианта пахомовской культуры, насчитывающий 75 погребальных комплексов. Для пахомовской культуры в Тоболо-Иртышском междуречье характерно захоронение умерших по обряду вторичного захоронения в погребальных камерах. Зафиксировано как сооружение надмогильных конструкций, так и их отсутствие. Помимо индивидуальных захоронений на могильниках присутствует и значительная доля коллективных. Обнаруженные пахомовские некрополи небольшие и включают несколько погребений.

В целом погребальный обряд восточнопахомовского населения синкретичен и включает в себя элементы практик пахомовской, ирменской, бегазы-дандыбаевской и более южных культур, оставивших такие памятники как Северный Тагискен.

Определено, что коллекция керамики с погребальных памятников восточного варианта пахомовской культуры является синкретичной, и включает в себя черты гончарства пахомовской, бегазы-дандыбаевской и сузгунской культур. В технологии изготовления посуды это проявляется в наличии рецептов формовочной массы с искусственной примесью дресвы из гранито-гнейсовых пород и известняка, что является характерной чертой гончарства бегазы-дандыбаевской культуры. Однако, как и в случае с поселенческой керамикой, большая часть формовочных масс изделий изготовлена по пахомовской традиции (88 %). В орнаменте связь с бегазы-дандыбаевской культуры проявляется в наличии на восточнопахомовских сосудах узоров в виде шахматной сетки, решетчатых ромбов, крупных треугольников-фестонов (бегазы-дандыбаевская культура) и рядов опоясывающих горизонтальных ямок (сузгунская культура). Однако, при этом, сохраняются орнаменты, характерные для пахомовской культуры (желобки с насечками, «бахрома», оконтуривающая геометрические фигуры и меандры, «решетка», ряды оттисков уголко́м штампа, диагональные «лесенки»). Вещевой инвентарь демонстрирует контакты населения восточного варианта пахомовской культуры с южными популяциями. Это проявляется в

обнаружении в комплексах таких вещей как: булавка с плоским ажурным навершием, хвостатый (ковровый) нож, станковая керамика.

Охарактеризован и особый комплекс восточного варианта пахомовской культуры памятника Тартас-1, интерпретированный как культовый. К его характерным особенностям относится отсутствие на площади комплекса хозяйственных объектов, характерных для поселений – очагов и хозяйственных ям. На площади комплекса присутствует специально выделенная площадка для осуществления производственной деятельностью – изготовления керамики и бронзовых вещей. Кроме этого, внутри отдельных конструкций и в объектах обнаружены «заклады» бронзовых артефактов без следов использования, в некоторых случаях намеренно испорченных. Также внутри конструкции № 1 и в объектах зафиксированы фрагменты тазовой и пяточной костей человека. В непосредственной близости от одной из конструкций расположен ряд захоронений, несущих следы посмертных манипуляций. Обнаруженный на памятнике Тартас-1 комплекс является уникальным и не имеет четких аналогов среди памятников других синхронных археологических культур юга Западной Сибири.

Охарактеризована керамическая коллекция восточного варианта пахомовской культуры. Так, для изготовления сосудов как исходное сырье использовалась среднезапесоченная ожелезненная глина без естественных органических примесей и с примесью фракций бурого железняка. Как органическая примесь в формовочную массу добавлялся органический раствор. Минеральной примесью выступала добавка некалиброванного и калиброванного до 2 мм шамота в концентрации 1 : 5-7. В традиции составления формовочной массы выделяются рецепты с добавкой дресвы из гранито-гнейсовых пород и известняка. В целом, технология изготовления восточнопахомовской посуды отличается от гончарных приемов других синхронных культур Барабинской лесостепи и Тоболо-Иртышья, таких как ирменская, позднеирменская, черкаскульская.

Для технологии изготовления собственно пахомовской керамики также характерно использование среднезапесоченных ожелезненных глин с примесью шамота в концентрации 1 : 5-7 и органического раствора. Своеобразие этой традиции составления рецепта формовочной массы на фоне других синхронных культур позволяет определить сходство между гончарной технологией пахомовского и восточнопахомовского населения как взаимосвязанное и свидетельствующее о их культурной близости. Наличие у восточного варианта пахомовской культуры рецептов формовочной массы с дресвой и песком является результатом взаимодействия с группами населения бегазы-дандыбаевской, ирменской и позднеирменской культур, у которых эти примеси распространены.

Расширена и дополнена типологическая схема для коллекции полных и частично реконструированных керамических изделий восточного варианта пахомовской культуры. В основу типологии положена форма сосуда, где ориентиром выступают фиксируемые для восточнопахомовской керамики более древние, андроновские (федоровские) традиции, такие как – высокое приплюснутое тулово, широкая низкая слегка отогнутая горловина, узкое дно. Для посуды культур эпохи поздней бронзы (ирменской, карасукской, бегазы-дандыбаевской) характерно более широкое раздутое тулово, практически вертикальная широкая горловина и широкое дно. В отдельные группы вынесены фиксируемые промежуточные и оригинальные формы. По результатам типологического анализа выделено 11 групп, что еще раз подтверждает отмеченный синкретизм керамической коллекции. Для посуды собственно пахомовской культуры характерна горшковидная форма высоких пропорций с невысокой, слегка отогнутой горловиной, плавно переходящей в слегка раздутое тулово (по О.Н. Корочковой). Баночные сосуды встречаются крайне редко, круглодонные изделия сопровождается короткая вертикальная горловина.

Мотивы орнамента можно разделить на монотонные и геометрические. К первым относятся ряды наклонных и вертикальных оттисков штампа, «елочка», ряды оттисков уголко́м штампа, желобки и валики. К геометрическим причисляются ряды треугольников, ромбов, зигзаги, вертикальные пояса,

заполненные оттисками штампа, и меандры. В целом, для орнаментации восточнопахомовской посуды также, как для технологии и морфологии, характерен синкретизм. На сосудах встречаются узоры, распространённые в разных синхронных археологических культурах юга Западной Сибири, такие как: горизонтальные ряды ромбов и треугольников, горизонтальные пояса, заполненные оттисками штампа, и меандровидные узоры. Помимо этого, в декоре восточнопахомовской посуды присутствуют специфичные для пахомовской культуры мотивы, такие как: косые насечки, нанесенные по желобку в месте перехода горловины к плечу, обрамление геометрических фигур «бахромой», наличие диагональных «лесенок» и рядов оттисков уголко́м штампа, что указывает на взаимосвязь этих двух культурных образований.

Помимо параллелей с пахомовской культурой в материальной культуре восточнопахомовского населения фиксируются и черты других синхронных культур. Сходство с бегазы-дандыбаевской культурой проявляется в орнаментации керамики (неорнаментированная горловина, украшающие тулово решетчатые пояса и ромбы, крупные треугольники-фестоны по тулову), в некоторых случаях доходящей до тождества, наличии серии неорнаментированных емкостей, использовании при составлении формовочной массы дробленого гранита и известняка, элементах погребальной практики (сооружение вокруг погребений подпрямоугольных оград, ограждающих сакральное пространство) и наличии станковой керамики. Некоторые параллели намечены с «культурой Северного Тагискена», в которые входит сходство по форме и орнаментации некоторых керамических сосудов (в некоторых случаях, доходящих практически до полного тождества), обжигание погребальной площадки перед сооружением кургана, а также наличие специфичных типов бронзовых изделий (булавка с ажурным навершием). С сумбарской культурой в Центральной Азии параллели прослеживаются в бронзовом инвентаре, в первую очередь, в наличии на восточнопахомовских памятниках таких изделий как хвостатый (ковровый) нож и булавка с ажурным навершием. Сходство с ирменской культурой проявляется как в керамическом материале (наличие

рецептов формовочной массы с искусственной добавкой песка, использование свисающих по плечу и тулову фестонов в виде равнобедренных треугольников), так и в элементах погребальной практики (расположение умерших на погребенной почве). Сходство восточного варианта пахомовской культуры с сузгунской культурой проявляется, в первую очередь, в наличии горизонтальных опоясывающих рядов ямок, расположенных на горловине, плече и тулове сосуда. Подобный орнаментальный мотив является одной из характерных черт керамики сузгунской культуры.

Таким образом, на наш взгляд, восточный вариант пахомовской культуры является особым культурным образованием, для которого характерен синкретизм. Он характеризуется наличием оригинального керамического комплекса, являющегося продуктом синтеза гончарных традиций пахомовского, бегазы-дандыбаевского и сузгунского населения, погребального обряда, включающего вариативность в способах организации сакрального пространства, разнообразие формы рвов, захоронение умерших в могилах и на погребенной почве по обряду трупоположения, наличием в Барабинской лесостепи крупных ритуальных комплексов. Помимо этого, проведенные антропологические и генетические исследования позволили определить, что антропологический тип восточнопахомовского населения свидетельствует не об ирменской, а об андроновской основе культуры и о притоке населения из бегазы-дандыбаевских племен, а генофонд, включает в себя генетические субстраты автохтонных доандроновских и пришлых андроновских популяций.

Выявлено, что нижнюю границу существования данного культурного образования маркируют погребальные комплексы памятника Гришкина Заимка, датированные по совокупности вещевого инвентаря и радиоуглеродных данных периодом XV–XIII вв. до н.э. Собственно пахомовская культура складывается в Тоболо-Иртышском междуречье в XIV в. до н.э., что может свидетельствовать о достаточно раннем проникновении групп пахомовского населения в Барабинскую лесостепь. Верхнюю границу маркирует, в первую очередь, фрагмент бронзовых стремечковидных удил (могильник Старый Сад), которые надежно датируются

переходным временем от эпохи бронзы к раннему железному веку, т.е. сер. IX-VIII вв. до н.э. На этот хронологический период указывают также серия бляшек со шпеньком, булавка с плоским ажурным навершием (могильник Старый Сад) и нож раннетагарского облика (Тартас-1). Таким образом, восточный вариант пахомовской культуры в целом следует датировать в пределах XIV-VIII до н.э.

В развитии этого культурного образования можно выделить два этапа. 1) ранний (XIV-X вв. до н.э.); 2) поздний (X-VIII вв. до н.э.).

На раннем этапе группы пахомовского населения проникают в правобережное Прииртышье, что маркируется появлением таких памятников, как Прорва, Алексеевка XXI и Гришкина Заимка. Далее, по двум основным водным магистралям – рекам Омь и Тара, они продвигаются вглубь Барабинской лесостепи и Притарья, где зафиксирована восточнопахомовская керамика на таких памятниках как Новочекино-3 и Нижняя Тунуска-3. В это время материальная культура пахомовского населения еще не приобретает черт, характерных для культур переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку, к которым относится появление специфичного набора инвентаря (бляшки со шпеньком, стремечковидные удила, бронзовые ножи раннетагарского облика). Кроме того, отсутствуют свидетельства контактов с популяциями южных культур и импортов южных вещей.

На позднем этапе, материальная культура пришлого населения изменяется под действием как эпохальных тенденций, так и в результате взаимодействия с населением других культурных групп, как автохтонных, так и проникавших в Барабинскую лесостепь с северного и южного направления. К эпохальным тенденциям можно отнести появление специфичного для переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку набора бронзового инвентаря – бляшки со шпеньком, булавка с ажурным навершием и стремечковидные удила, а на памятнике Тартас-1 – нож раннетагарского облика. В орнаменте керамической посуды появляются характерные элементы переходного периода – геометрические мотивы ромба и треугольника, скомпонованные в ряды, пояса, заполненные оттисками гребенчатого штампа. Так же, на переходное время

указывают и особенности погребальной практики населения восточного варианта пахомовской культуры, для которой характерна высокая вариабельность в способах организации сакрального пространства и захоронения умерших. В это время население восточного варианта пахомовской культуры активно взаимодействует с группами бегазы-дандыбаевской культуры, что проявляется как в материальной культуре (синкретизм керамической технологии и орнаментации, появление импортных южных бронзовых изделий), так и в погребальной практике (появление квадратных рвов). Кроме того, результаты антропологических и генетических исследований индивидов восточного варианта пахомовской культуры с памятника Старый Сад демонстрируют сложность антропологического состава популяции и связь женской группы с бегазы-дандыбаевским населением.

Возможно, что пахомовское население продвигалось на восток по двум направлениям, связанным с двумя наиболее крупными водными артериями – реками Омь и Тара. Судя по локализации памятников, группы пахомовского населения в начале обосновались в правобережном Прииртышье, а затем, постепенно двигались вдоль этих рек вглубь. Первая группа проникала вдоль р. Тара, где взаимодействовала и сосуществовала с населением барабинского варианта сузгунской и ирменской культурами, что прослежено на памятниках Новочекино-3 и Нижняя Тунуска-3. Вторая часть мигрантов продвигалась по р. Омь. Начальный этап проникновения пахомовского населения прослежен по результатам изучения памятника Гришкина Заимка. В дальнейшем, эти группы продолжают двигаться на восток, где в переходное от эпохи бронзы к раннему железному веку время, начинают активно взаимодействовать с населением бегазы-дандыбаевской культуры, в результате чего появляется синкретичная керамика, импорт южных бронзовых вещей, изменяется погребальный обряд и сооружаются крупные некрополи, такие как Старый Сад. Кроме того, носители восточного варианта пахомовской культуры активно контактируют с населением автохтонной позднеирменской и пришлой с севера сузгунской культурами, в результате чего так же появляются синкретичные керамические изделия и

фиксируются случаи совместного залегания керамики этих культур на одних памятниках в одних объектах.

СПИСОК АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Полевые архивные отчеты

Молодин В. И. Отчет об археологических исследованиях в Западной Сибири в 1977 г. – Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. № 1. Оп. № 1. Д. № 32.

Молодин В. И. Отчет об археологических исследованиях в Западной Сибири летом 1977 г. – Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. № 6375.

Молодин В. И. Отчет об археологических исследованиях в Западной Сибири в 1979 г. – Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. № 7464.

Молодин В. И. Отчет об археологических исследованиях в Западной Сибири в 2000 г. – Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. № 1. Оп. № 1. Д. № 205.

Молодин В. И. Отчет об археологических исследованиях в Западной Сибири в 2001 г. – Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. № 1. Оп. № 1. Д. № 217.

Молодин В. И. Отчет об археологических исследованиях в Западной Сибири в 2002 г. – Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. № 1. Оп. № 1. Д. № 228.

Молодин В. И. Отчет об археологических исследованиях сезона 2003 года в Здвинском, Венгеровском, Усть-Таркском районах Новосибирской обл. и Кош-Агачском р-не Республики Алтай – Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. № 1. Оп. № 1. Д. № 240.

Молодин В. И. Отчет об археологических раскопках в Венгеровском, Чановском районах Новосибирской обл. в 2010 г. – Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. № 1. Оп. № 1. Д. № 576.

Молодин В. И. Отчет об археологических раскопках в Венгеровском, Чановском районах Новосибирской обл. в 2011 г. – Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. № 1. Оп. № 1. Д. № 2327.

Молодин В. И. Отчет об археологических раскопках в Венгеровском, Чановском районах Новосибирской обл. в 2012 г. – Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. № 35001-35008.

Молодин В. И. Отчет об археологических раскопках в Венгеровском, Чановском районах Новосибирской обл. в 2013 г. – Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. № 40962-40969.

Молодин В. И. Отчет об археологических раскопках в Венгеровском р-не Новосибирской обл. в 2014 г. – Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. № 45221-45228.

Молодин В. И. Отчет об археологических раскопках памятников Тартас-1, Венгерово-2 и Сергино-2 в Венгеровском и Чановском районах Новосибирской обл. в 2015 году в 10-ти томах – Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. № 48081-48091.

Нескоров А. В. Отчет об археологических исследованиях курганного могильника Старый Сад в 1983 г. – Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. № 9650.

Нескоров А. В. Отчет об археологических исследованиях курганного могильника Старый Сад в 1984 г. – Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. № 10348.

Нескоров А. В. Отчет об археологических исследованиях курганного могильника Старый Сад в 1987 г. – Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. № 13176.

Сидоров Е. А. Раскопки в Убинском и Каргатском районах Новосибирской обл. в 1975 г. – Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. № 6017.

Сидоров Е. А. Отчет о работах Миловановского отряда Новосибирской археологической экспедиции в 1980 г. – Архив ИА РАН. Ф. Р–1. Д. № 8139.

Литература

Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 103–130.

Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. – Ташкент: Изд-во «Фан», 1991. – 202 с.

Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – 233 с.

Бейсенов А. З., Варфоломеев В. В., Касеналин А. Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. – Алматы: Изд-во Института археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. – 192 с.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А. А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. ун-та, 1986. – С. 137-157.

Бобринский А. А. Отражение эволюционных и миграционных процессов в особенностях древней гончарной технологии // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1994. С. 14–16.

Бобринский А. А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. ун-та, 1988. – С. 5-21.

Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Моор Н. Н. Исследования разновременных археологических комплексов в Барабинской лесостепи в 2012 году // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2012 года. – Кемерово, 2012. – Вып. 4. – С. 120–123.

Бобров В. В., Моор Н. Н. Результаты археологических исследований на памятнике Ложка-6 (2010 год) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 154–157.

Бобров В. В., Моор Н. Н. Результаты археологических исследований на памятнике Ложка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 154–157.

Бобров В. В., Моор Н. Н., Плац И. А., Фальман А. В. Исследования поселения постандроновского времени ложка-6 (предварительные итоги) //

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2016 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 225–231.

Бобров В. В., Умеренкова О. В. Исследования поселения Танай 4 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 1998 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV – С. 197–201.

Бобров В. В., Фрибус А. В., Марочкин А. Г., Соколов П. Г., Баштанник С. В. Итоги полевых исследований памятника Исток (предварительное сообщение по материалам керамических комплексов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2006 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, часть I – С. 274–280.

Бобров В. В., Чикишева Т. А., Михайлов Ю. И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск: Наука, 1993. – 157 с.

Бобров В. В., Юракова А. Ю., Моор Н. Н. Исследования неолита и бронзы в Барабинской лесостепи в 2013 году // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2013 года. – Кемерово, 2013. – Вып. 5. – С. 124–132.

Боковенко Н.А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): автореф дис. ... канд.ист. наук. – Л. 1986. – 21 с.

Бородовский А. П. Рекогносцировочные исследования на поселении эпохи поздней бронзы Чингис-1 // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994 – 1996 годах – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000 – С. 11–13.

Бородовский А. П. Обработка кости и рога на городище Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009 – Т. 3. – С. 51–77.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. – М.: Изд-во «Прогресс», 1990. – 368 с.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. – 178 с.

Ван Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с.

Варфоломеев В. В. Керамика суперстратного облика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии. – Алматы: Изд-во «Бегазы-Тасмола», 2013. – С. 167-198.

Виноградова Н. М. Исследование контактов земледельческого и степного населения на юге Средней Азии (Южный Таджикистан) в эпоху поздней бронзы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: Изд-во «ГЕОС», 2000. – С. 89-109.

Виноградова Н. М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. – М.: Изд-во ИВ РАН, 2004. – 298 с.

Виноградова Н. М., Кузьмина Е. Е. Контакты степных и земледельческих племён Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока – М.: Наука – 1986. – С. 126–152.

Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. – М.: Наука, 1973. – 162 с.

Волкова Е. В. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. – М.: Изд-во «Старый Сад», 1998. – 260 с.

Волкова Е.В. Новинковские могильники фатьяновской культуры. – М.: Изд-во ИА РАН, 2010. – 248 с.

Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–135.

Генинг В. Ф., Стефанов В. И. Могильники андроновидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. – С. 52–60.

Генинг В. Ф., Стефанова Н. К. Черноозерье I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья / Препринт. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. – 66 с.

Герасимов Ю. В., Корусенко М. А., Полеводов А. В. Некоторые проблемы изучения бронзового века лесостепного Обь-Иртышья в свете новейших находок в Омске // Археология западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – с. 204–209

Глушков И. Г. Нижняя Тунуска-3 – памятник начального этапа формирования сузгунской культуры в Среднем Прииртышье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2003 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – С. 324–326.

Гришин Ю.С. Производство в тагарскую эпоху // МИА. – М., 1960. – № 90. – С. 116–207.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. – М.: Наука, 1971. – 90 с. – (САИ; вып. ВЗ–12).

Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. 1952. – № 16. – С. 129–163.

Грязнов М. П. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА – М., 1956. – № 48 –228 с.

Грязнов М. П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 161–178.

Грязнов М. П., Комарова М. Н., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Пшеницына М. Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. – СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение», 2010. – 200 с.

Данченко Е. М., Полеводов А. В. Сузгунское наследие в культурогенезе южнотаежного Прииртышья // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). – Курган: Изд-во КурГУ 2007. – С. 125–130.

Дмитриев П. А. Жертвенные камни Зауралья // КСИИМК. – 1948. – Вып. 19. – С. 12–21.

Дребушак В. А., Мыльникова Л. Н., Дребушак Т. Н., Болдырев В. В., Молодин В. И., Деревянко Е. И., Мыльников В. П., Нартова А. В. Физико-

химическое исследование древней керамики (на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 98 с.

Евдокимов В. В., Стефанов В. И. Поселение Прорва // Археология Прииртышья. – Томск: Изд-во ТГУ, 1980. – С.41-51.

Ермолаева А. С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Изд-во Наука, 1987. – С. 64–95.

Ермолаева А. С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). – Алматы: Изд-во «Хикари», 2012. – 238 с.

Ефремова Н. С., Мыльникова Л. Н., Молодин В. И., Васильев С. К., Дураков И. А., Селин Д. В. Ритуальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры: новые концепции интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2017 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – в печати.

Ефремова Н. С., Селин Д. В., Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Керамика ритуального комплекса восточного варианта пахомовской культуры: результаты исследований 2017 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2017 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – в печати.

Зазовская Э. П. Радиоуглеродное датирование – современное состояние, проблемы, перспективы развития и использование в археологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 1 (32). – С. 151–164.

Зах В. А., Зимина О. Ю., Илюшина В. В., Данченко Е. М., Еньшин Д. Н. Керамический комплекс финала бронзы и переходного времени к эпохе железа с Борковского городища (по результатам работ 2012-2013 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 4 (35). – С. 33–47.

Зах В. А., Илюшина В. В. Позднебронзовый могильник Чепкуль 5 в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1 (14). – С. 20–29.

Зубова А. В. Демографические характеристики андронидного населения Западной Сибири (по материалам могильников Еловский-2 и Старый Сад) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2006 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – С. 336–340.

Зубова А. В. Население Западной Сибири во II тысячелетии до нашей эры (по антропологическим данным). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014 – 228 с.

Илюшина В. В. Гончарное производство населения пахомовской культуры Нижнего Притоболья // Человек и север: антропология, археология, экология. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. – С. 143–147.

Илюшина В. В. Особенности гончарного производства у населения эпохи бронзы в Нижнем Притоболье // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. – С. 246–250.

Итина М. А. История степных племен южного Приаралья. – М.: Наука, 1977. – 241 с.

Итина М. А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 31–47.

Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М.: Изд-во «РОССПЭН», 1997. – 187 с.

Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2001. – 295 с.

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук А. С., Редников А. А., Федорук О. А. Проблема изучения памятников «бурлинского типа» эпохи поздней бронзы на территории Степного Алтая // Проблемы археологии, этнографии,

антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2013 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 212–216.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха горного Алтая. Часть I. Культура населения в раннескифское время. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1997. – 232 с.

Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б. Корчажкинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1987. С. 137-158

Классификация в археологии / Отв. ред. Колпаков Е. М. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2013. – 248 с.

Клейн Л. С. Археологическая типология. – Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ. ЛНИАО, 1991. – 448 с.

Ковтун И. В. Нескоров А. В. Хронология и мифология андроновских сосудов с подквадратным устьем // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – № 1 (28). – С. 15–25.

Кожумбердиев И., Кузьмина Е. Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. – 1980. – № 4. – С. 140–153.

Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. – 1952. – № 24. – С. 7-50.

Конигов Б. А. Археологический комплекс Омская Стоянка: в поисках тысячелетий. – Омск: б/и, 2014. – 200 с.

Корочкова О. Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – 26 с.

Корочкова О. Н. Андронидные культуры Западной Сибири // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. – Екатеринбург: Изд-во Ин-та истории и археологии УрО РАН, 1993. – С. 95–96.

Корочкова О. Н. Пахомовская культура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3 (39). – С. 75-84.

Корочкова О. Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: Изд-во «Уралюриздат», 2010. – 103 с.

Корочкова О. Н. Андроноидные культуры Западной Сибири и бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии. – Алматы: Изд-во «Бегазы-Тасмола», 2013. – С. 340–348.

Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Усачев Е. В., Ханов С. А. Гладунинский клад эпохи бронзы // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 2 (39). – С. 129–136.

Корякова Л. Н. Стефанов В. И., Стефанова Н. К. Проблемы методики исследования древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III / Препринт. – Свердловск: Изд-во Ин-та истории и археологии УрО РАН, 1991. – 72 с.

Корякова О. Н., Стефанов В. И. Городище Инберень IV на Иртыше // СА. – 1981. – № 2. – С. 178-196.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1964. – 16 с.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 279 с.

Косарев М. Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М: Наука, 1987. – С.289–304.

Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири. Человек и природная Среда. – М: Наука, 1991. – 301 с.

Костомаров В. М. Пахомовские древности Западной Сибири: культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация: дис. ... канд. ист. наук. – Тюмень, 2010. – 168 с.

Костомаров В. М. К вопросу о генезисе андроноидных древностей лесостепного Тоболо-Ишимья во II тыс. до н.э. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 4 (27). – С. 40–46.

Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. – М.: Изд-во «Летний сад», 2008. – 556 с.

Лamina Е. В., Лотова Э. В., Добрецов Н. Н. Минералогия древней керамики Барабы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – 128 с.

Ломан В. Г. Привозная керамика на поселении Кент // Самарский научный вестник. – 2015. – № 4. – С. 71-80.

Ломан В. Г. О культурных типах памятников финала эпохи бронзы Казахстана // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии. – Алматы: Изд-во «Бегазы-Тасмола», 2013. – С. 247–259.

Максименков Г. А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб.: Изд-во «Петербургское востоковедение», 2003. – 192 с.

Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 360 с.

Марсадоллов Л. С., Зайцева Г. И., Семенов А. А., Лебедева Л. М. Возможности радиоуглеродного датирования для привязки плавающей шкалы больших курганов Саяно-Алтая к календарному времени // Радиоуглерод и археология. – СПб., 1996. – Вып. 1. – С. 24-32.

Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1989. – 223 с.

Марченко Ж. В. культурная принадлежность, хронология и периодизация археологических памятников среднего течения р. Тара (эпоха неолита и бронзы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2009. – 30 с.

Марченко Ж. В. Глиняные шары // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009 – Т. 3. – С. 231–245.

Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. — 180 с.

Матвеев А. В., Костомаров В. М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1 (14). – С. 46–55.

Матвеев А. В., Костомаров В. М., Костомарова Ю. В. К характеристике хозяйственной деятельности носителей пахомовской культуры лесостепного Зауралья // Вестник ТюмГУ. – 2009. – № 7. – С. 3–14.

Матвеева Н. П. О жертвенных камнях скифского времени из Зауралья // Скифская эпоха Алтая, 1986. – С. 88–90.

Матвеева Н. П., Костомаров В. М. К вопросу об особенностях погребального обряда населения пахомовской культуры лесостепи Западной Сибири // Вестник ТюмГУ – 2009. – № 1. – С. 15–25.

Матюшин Г.Н. Археологический словарь. – М.: Изд-во «Просвещение», 1996. – 304 с.

Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Часть IV. Еловско-ирменская культура. – Томск: Изд-во ТГУ, 1974. – 239 с. – (Из истории Сибири; Вып. 12).

Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. – Ч. 1-я: Еловский I могильник. – 64 с.

Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – Ч. 2-я: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – 468 с.

Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. – Ч. 3-я: Еловский II могильник. Комплексы ирмени и раннего железного века. – 119 с.

Молодин В. И. Некоторые проблемы переходного от бронзы к железу времени в Новосибирском Приобье и лесостепной Барабе // Тезисы докладов всесоюзной археологической конференции проблем скифо-сибирского культурно-исторического единства. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1979. С. 110-112.

Молодин В. И. О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. – Новосибирск: Изд-во ИИФиФ АН СССР, 1981 – С. 15-17.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, Наука, 1985. – 202 с.

Молодин В. И. Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). – Новосибирск, Наука, 1992. – 191 с.

Молодин В. И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т. Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010а. – С. 61-77.

Молодин В. И. Экологический «стресс» на рубеже II-I тыс. до н.э. и его влияние на этнокультурные и социально-экономические процессы у народов Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Изд-во «Аграф-Пресс», 2010б. – С. 22 – 24.

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3 – 220 с.

Молодин В. И. Этнокультурная мозаика в Западной Барабе (эпоха поздней бронзы – переходное время от эпохи поздней бронзы к железному веку. XIV-VIII вв. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4 (60). – С. 54–64.

Молодин В. И. Тартас-1 – уникальный археологический комплекс на юге Западносибирской равнины (краткий обзор исследований последних лет) // Вестник Российского Фонда Фундаментальных Исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 4 (81). – С. 172–184.

Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – 452 с.

Молодин В. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Ефремова Н. С., Демахина М. С. Исследования культовых сооружений пахомовской культуры (восточный вариант) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2014 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 215–219.

Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и

подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, № 4: Археология и этнография. – С. 136–167.

Молодин В. И., Ефремова Н. С., Кобелева Л. С., Дураков И. А., Мыльникова Л. Н., Ковыршина Ю. Н. Погребение пахомовской культуры на могильнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2014 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 219–223.

Молодин В. И., Кобелева Л. С., Мыльникова Л. Н. Погребальный комплекс эпохи поздней бронзы на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 3. – С. 100–105.

Молодин В. И., Кобелева Л. С., Наглер А., Дураков И. А., Ефремова Н. С., Ненахов Д. А., Демахина М. С., Мыльникова Л. Н., Хансен С. Культурные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на многослойном памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2013 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 265–269.

Молодин В. И., Колонцов С. В. Туруновка-4 – памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего востока. – Новосибирск: Наука, 1984. – с. 69-86.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Северные традиции в керамическом производстве культур переходного от бронзы к железу времени лесостепного пояса Западной Сибири (как показатель миграционных потоков) // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. – Вып. 4. – С. 191–200.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Гаркуша Ю. Н., Селин Д. В. Погребальные комплексы эпохи поздней бронзы восточного варианта пахомовской культуры (памятник Гришкина Заимка, Бараба) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – №1 (т. 43). – С. 47–60.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Дураков И. А., Кобелева Л. С. Хозяйственное сооружение Нового времени (по материалам могильника Старый

Сад) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск: Изд-во Омский институт РГТЭУ, 2011. – С. 342–351.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Нескоров А. В. Продолжение исследований могильника эпохи поздней бронзы Старый Сад в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 247–251.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нескоров А. В. Завершение исследований могильника Старый Сад эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 195–199.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Селин Д. В. Сосуды восточного варианта пахомовской культуры памятника Старый Сад: морфологический анализ // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2014 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014 – Т. XX. – С. 227–231.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Селин Д. В. Бронзовая булава из комплекса восточного варианта пахомовской культуры и ее аналогии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 16, № 3: Археология и этнография. – С. 48–54.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Селин Д. В., Нескоров А. В. Особенности организации сакрального пространства в эпоху поздней бронзы на могильнике Старый Сад // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 3 (59). – С. 29–45.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Селин Д. В., Нескоров А. В. Андроновский (федоровский) комплекс на памятнике Старый Сад (Барабинская

лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15, № 3: Археология и этнография. – С. 63–86.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Селин Д. В., Нескоров А. В. Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – в печати.

Молодин В. И., Наглер А., Хансен С., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Ефремова Н. С., Новикова О. И., Мыльникова Л. Н., Васильев С. К., Васильева Ю. А., Ковыршина Ю. Н., Кудинова М. А., Мосечкина Н. Н., Ненахов Д. А., Нестерова М. С., Сальникова И. В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231–235.

Молодин В. И., Нескоров А. В. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения, 1990: мат-лы конф. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 93–96.

Молодин В. И., Новиков А. В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской обл. – Новосибирск: Изд-во «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия», 1998 – 140 с

Молодин В. И., Новиков А. В., Жемерикин Р. В. Старый Тартас-4 (Новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (11). – С. 48–62.

Молодин В. И., Парцингер Г. Хронология памятника Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009 – Т. 3. – С. 51–77.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В. И. Молодин, Г. Парцингер, Ю. Н. Гаркуша, Й. Шнеевайс, А. Е. Гришин, О. И. Новикова, М. А. Чемякина, Н. С. Ефремова, Ж. В. Марченко, А. П. Овчаренко, Е. В. Рыбина, Л. Н. Мыльникова, С. К. Васильев, Н. Бенеке, А. К.

Манштейн, П. Г. Дядьков, Н. А. Кулик. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2 – 336 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В. И. Молодин, Г. Парцингер, С. К. Кривоногов, А. Ю. Казанский, М. А. Чемякина, Г. Г. Матасова, А. Н. Василевский, А. С. Овчаренко, А. Е. Гришин, Н. В. Ермакова, М. И. Дергачева, И. Н. Феденева, О. А. Некрасова, Л. Н. Мыльникова, И. А. Дураков, Л. С. Кобелева, А. В. Зубова, Т. А. Чикишева, Д. В. Поздняков, А. С. Пилипенко, А. Г. Ромашенко, И. В. Куликов, В. Ф. Кобзев, О. И. Новикова, С. К. Васильев, Й. Шнеевайсс, К. Приват, В. В. Болдырев, В. А. Дребущак, Т. Н. Дребущак, Е. И. Деревянко, А. П. Бородовский, Д. Боургарит, И. Рейхе, С. В. Кузьминых, Ж. В. Марченко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3 – 248 с.

Молодин В. И., Пилипенко А. С., Журавлев А. А., Трапезов Р. О., Ромашенко А. Г. Генофонд мтДНК представителей восточного варианта пахомовской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4 (52). – С. 62–70.

Молодин В. И., Пилипенко А. С., Чикишева Т. А., Ромашенко А. Г., Журавлев А. А., Поздняков Д. В., Трапезов Р. О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV-I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 220 с.

Молодин В. И., Сидоров Е.А., Мыльникова Л. Н., Селин Д. В. Погребальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры на памятнике Гандичевский совхоз (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15, № 5: Археология и этнография. – С. 124-135.

Молодин В. И., Хансен С., Дураков И. А., Райнхольд С., Кобелева Л. С., Ненахова Ю. Н., Ненахов Д. А., Демахина М. С., Селин Д. В. Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой

сессии ИАЭТ СО РАН 2016 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 348-352.

Молодин В. И., Чемякина М. А. Поселение Новочекино-3 – памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1984. – с. 40–62.

Молодин В. И., Чикишева Т. А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 125-206.

Мошинская В. И. Сузгун II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. – 1957. – № 58. – С.114-135.

Мошинская В. И. К вопросу о каменных плитках с рельефными головами баранов // КСИА. – 1976. – № 147. – С. 84–88.

Мошкова М. Г., Генинг В. Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. – М.: Наука, 1972. – С. 87-188.

Мыльникова Л. Н. Изучение форм древних керамических сосудов: теоретический и практический аспекты // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 2 (58). – С. 31–43.

Мыльникова Л. Н. Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур. дис. ... д-р. ист. наук. – Новосибирск, 2015. – 486 с.

Мыльникова Л. Н., Васильев Е. А. Керамический комплекс памятника Чекист (Томское Приобье): технология и морфология // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 4 (16). – С. 101–123.

Мыльникова Л. Н., Селин Д. В. Комплекс керамики андроновской культуры Еловского II могильника: морфологический анализ (возможности метода В.Ф. Генинга) // Вестник КемГУ. – 2015. – № 2 (62). – С. 114–123.

Мыльникова Л. Н., Селин Д. В. Социальная иерархия носителей восточного варианта пахомовской культуры (по материалам могильника Старый

Сад) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2015 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 350-354.

Мыльникова Л. Н., Селин Д. В. Сосуды одной морфологической традиции (по материалам андроновской (федоровской) культуры памятника Тартас-1) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. – С. 310–314.

Мыльникова Л. Н., Чемякина М. А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 200 с.

Нескоров А. В. Раскопки могильника Старый Сад // Археологические открытия 1983 г. – М.: Изд-во ИА РАН, 1985. – С. 232–233.

Нескоров А. В. Могильник Старый Сад // Археологические открытия 1984 г. – М.: Изд-во ИА РАН, 1986. – С. 196–197.

Нестерова М. С., Ткачев Ал. Ал. Очажные устройства в структуре поселенческих комплексов пахомовской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1 (14). – С. 63–71.

Омская Стоянка. Альбом. – Омск: б/и, 2013. – 244 с.

Папин Д. В., Ломан В. Г., Степанова Н. Ф., Федорук А. С. Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рублево-VI // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – № 2 (12). – С. 115–143.

Папин Д. В., Ломан В. Г., Федорук А. С. Керамический комплекс поселения Фирсово XVIII (технико-технологический аспект) // Известия Алтайского государственного университета. – 2016. – № 4 (92). – С. 262–267.

Плац А. В. Постандоновское время в Барабинской лесостепи (по материалам поселений): дисс. ... маг. ист. – Кемерово, 2016. – 146 с.

Полеводов А. В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2003. – 290 с.

Полеводов А. В. Отзыв на диссертационное сочинение А.А. Ткачева «Культурно-исторические процессы в эпоху поздней бронзы на территории лесостепного и южнотаежного Тоболо-Иртышья», представленное на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Омск, 2017. – Режим доступа: <https://www.asu.ru/files/documents/00017347.pdf>.

Полеводов А. В., Погодин Л. И. Комплекс эпохи поздней бронзы некрополя Боровянка-XVII // Новое в археологии Среднего Прииртышья: Сборник научных трудов. – Омск: Изд-во «Издатель-Полиграфист», 2002. – С. 40–49.

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск, Наука, 1987. – 202 с.

Потемкина Т. М., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). – М.: Наука, 1995. – 207 с.

Савинов Д. Г., Бобров В. В. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 47-62.

Савинов Д. Г., Бобров В. В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Инь // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 122-135.

Сальников К. В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // Вопросы археологии Урала. – 1964. – Вып. 6. – С. 24–37.

Селин Д. В. Керамика восточного варианта пахомовской культуры памятника Тартас-1: статистическое исследование // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии. – Красноярск, Изд-во: СФУ, 2014. – С. 142–145.

Селин Д. В. Результаты анализа рецептов формовочных масс керамики населения восточного варианта пахомовской культуры памятника Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2016а. – Т. 15, № 7: Археология и этнография. – С. 60–73.

Селин Д. В. Классификация рвов могильника Старый Сад (Барабинская лесостепь, восточный вариант пахомовской культуры) // Актуальная археология 3. новые интерпретации археологических данных. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2016б. – С. 169–173.

Селин Д. В. Особенности состава формовочных масс керамики бегазы-дандыбаевской культуры памятника Дандыбай (Центральный Казахстан) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 15, № 7: Археология и этнография. – в печати.

Ситников В. С. Саргаринско-алексеевская культура лесостепного и степного Алтая: дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2002. – 202 с.

Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. – М.: «Восточная литература» РАН, 1997. – 279 с.

Сорокин С. С. Хакский клад // Сообщения Государственного Эрмитажа. – Л.: Изд-во «Искусство», 1960. – Вып. 19. – С. 28–31.

Сотникова С. В. Поселение Жар-Агач // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1986. – С. 43-55.

Татаурова Л. В., Полеводов А. В., Труфанов А. Я. Алексеевка XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. – С. 162–191.

Тереножкин А. И. Киммерийцы. – Киев: Изд-во «Наукова думка», 1976. – 224 с.

Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. – 1960. – № 90. – С. 5–115.

Ткачев А. А. Пахомовский комплекс поселения Оськино Болото // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2009. – № 11. – С. 81-89.

Ткачев А. А. Дандыбаевский феномен и культурогенез позднебронзовых комплексов Казахстана // Материалы и исследования по культурногенетическим процессам на территории древнего и средневекового Казахстана. – Алматы: изд-во КазНУ, 2012. – С. 19-27.

Ткачев А. А. Дандыбаевская культура и проблемы сложения позднебронзового единства в степной зоне // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии. – Алматы: Изд-во «Бегазы-Тасмола», 2013. – С. 330–340.

Ткачев А. А., Ткачева Н. А. Культурные комплексы поселения Оськино Болото (по материалам раскопок 2005 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2006. - № 6 (6). – С. 241–248.

Ткачев Ал. Ал. Культурно-исторические процессы в эпоху поздней бронзы на территории лесостепного и южнотаежного Тоболо-Иртышья: дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2017. – 402 с.

Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1980. – Т. 2. – С. 341-342.

Троицкая Т. Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Бронзовый и железный век в Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974 – С. 32–46.

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1983. – С. 63-76.

Труфанов А. Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 17 с.

Удодов В. С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1994. – 21 с.

Умеренкова О. В. Съёмные украшения эпохи бронзы Западной Сибири // Вестник КемГУ: Археология, история. – 2015. – № 2 (62). – С. 156-167.

Хаврин С. В. Кельты эпохи поздней бронзы Минусинской котловины // Сообщения Государственного Эрмитажа – 1999 – вып. LVIII – С. 32-35.

Хлопин И. Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы (по материалам сумбарских могильников). – Л.: Наука, 1983. – 241 с.

Хлопин И. Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. – СПб.: Изд-во «Петербургское востоковедение», 2002. – 336 с.

Цетлин Ю. Б. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. – Тула, Изд-во «Гриф и К», 2008. – 352 с.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. – М., Изд-во ИА РАН, 2012. – 379 с.

Чжун Сук-Бэ. О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: Изд-во «ГЕОС», 2000. – С. 110-138.

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в Центральной Барабе). // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2 (2). – С. 131–147.

Чикишева Т. А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи бронзы - раннего железа: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2010. – 50 с.

Чикишева Т. А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Членова Н. Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // СА. – 1955. – № 23. – С. 38–57.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской культуры / МИА № 182. – М.: Изд-во ИА АН СССР, 1972. – 248 с.

Членова Н. Л. Культура плиточных могил // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 247–254.

Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 499 с.

Шамшин А. Б. Эпоха поздней бронзы и переходное от бронзы к железу в Барнаульско-Бийском Приобье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1988. – 16 с.

Шерстобитова О. С. Урочище Темеряк: особенности распределения, хронология и культурная специфика археологического материала позднебронзовых поселений // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4. – С. 271-276.

Шерстобитова О. С. Красноозерская культура в Среднем Прииртышье: динамика развития // Российская археология. – 2010. – № 4. – С. 28–35.

Шульга П. И. Конское снаряжение ранних кочевников минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова). – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2013. – 149 с.

Шульга П. И. Могильник Юйхуанмяо в северном Китае (VII-VI века до нашей эры). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 304 с.

Шульга П. И. Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2016. – 258 с.

Chavrin S. V., Cencenkova O. P. Steinplatten mit Widderkopf // Eurasia antikqua. Zeitschrift fur archaologie Eurasiens. – 2000 – Bd. 6. – S. 35–46.

Nordström H. A. Cultural Ecology auf ceramic technology. – Stockholm, 1972. – 200 p.

Ramsey C. B., Lee S. Recent and Planned Developments of the Program OxCal // Radiocarbon. – 2013. – Vol. 55. – N 1. – P. 720–730.

Shepard A. O. Ceramics for archaeologist. – Wash.: Carnegie Institution of Washington, 1965. – 380 p.

Shishlina N., Sevastyanov V., Zazovskaya E., van der Plicht J. Reservoir Effect of Archaeological Samples from Steppe Bronze Age Cultures in Southern Russia // Radiocarbon. – 2014. – Vol. 56. – N 2. – P. 767-778.

Wood R. E., Higham T. F. G., Buzilova A., Suvorov A., Heinemeier J., Olsen J. Freshwater Radiocarbon reservoir effects at the burial ground of Minino, Northwest Russia // Radiocarbon. – 2013. – Vol. 55. – N 1. – P. 163-177.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АлтГУ – Алтайский государственный университет.
- ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР.
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
- ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
- ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук.
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук.
- ИИФиФ АН СССР – Институт истории, филологии и философии Академии наук СССР.
- ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения севера Сибирского отделения Российской академии наук.
- ИЭЧ СО РАН – Институт экологии человека Сибирского отделения Российской академии наук.
- КазНУ – Казахский национальный университет им. аль-Фараби.
- КемГУ – Кемеровский государственный университет.
- КСИА – Краткие сообщения института археологии.
- КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры.
- КурГУ – Курганский государственный университет.
- ЛФ ЦЕНДИСИ – Ленинградский филиал Центра научно-технической деятельности,
- ЛНИАО – Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
- НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет.
- НГУ – Новосибирский государственный университет.
- ОмГУ – Омский государственный университет.
- РАН – Российская академия наук.

РГТЭУ – Российский государственный торгово-экономический университет.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников

СО РАН –Сибирское отделение Российской академии наук.

ТГУ – Томский государственный университет.

ТюмГУ – Тюменский государственный университет.

УрГУ – Уральский государственный университет.

УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук.